

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 2(16)

апрель – июнь

2017

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
От редакции.	6
Состав редакционного совета журнала	7
Состав редакционной коллегии журнала	9

Философия информационного общества

Определение понятия «виртуальность». Анализ терминологического статуса <i>Т. Н. Соснина.</i>	11
---	----

Теория и история культуры

Культура потребления как экологическая проблема <i>А. Н. Ильин</i>	20
Функциональная теория культуры Б. Малиновского <i>П. Г. Выжлецов, Н. В. Выжлецова.</i>	35

Из истории отечественной науки

А. Л. Чижевский – титан эпохи русского Возрождения и гений, рожденный в «пламени» Великой Октябрьской социалистической революции <i>А. И. Субетто.</i>	51
Влияние книги В. Оствальда «Великие люди» на формирование представлений В. С. Дерябина о творческой личности ученого <i>О. Н. Забродин</i>	105

Объявления

Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире».	115
Международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества – 2017».	123

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	127
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial	6
Editorial Council of the Journal	7
Editorial Board of the Journal.	9
Philosophy of Information Society	
The Definition of the Notion ‘Virtuality’. The Terminological Status Analysis <i>T. N. Sosnina</i>	11
Theory and History of Culture	
The Culture of Consumption as an Environmental Problem <i>A. N. Ikin</i>	20
Functional Theory of the Culture of B. Malinowski <i>P. G. Vyzhletsov, N. V. Vyzhletsova.</i>	35
From the History of the Science of Our Country	
A. L. Chizhevsky – the Titan of the Russian Renaissance and the Genius, Born in the Epoch of the Great October Socialist Revolution <i>A. I. Subetto.</i>	51
The Influence of the Book “Great People” Written by V. Ostwald on the Formation of V. S. Deryabin’s Ideas on the Creative Personality of the Scientist <i>O. N. Zabrodin.</i>	105
Announcements	
The First Belarusian Congress of Philosophy “National Philosophy in the Global World”	115
International Conference “Philosophy and Culture in Information Society”.	123
Article Presentation Rules	
Article Presentation Rules.	127

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

От редакции

Второй номер журнала за 2017 год открывает статья **Т. Н. Сосниной «Определение понятия “виртуальность”. Анализ терминологического статуса»**. В своей работе она подробно рассматривает и сопоставляет основные значения, которые предлагают закрепить за этой категорией современные исследователи.

А. Н. Ильин в статье **«Культура потребления как экологическая проблема»** показывает, что современная модель потребления построена на основе нерационального цикла «покупка – выброс – покупка» и нейтрализует экологическое сознание, усиливая негативное антропогенное воздействие на природу. Культура потребительства неразрывно связана с сущностными чертами современного капитализма. Общая теоретическая концепция культуры, созданная выдающимся этнографом Брониславом Малиновским, реконструируется в публикации **П. Г. Выжлецова** и **Н. В. Выжлецовой «Функциональная теория культуры Б. Малиновского»**.

В разделе «Из истории отечественной науки» помещена обширная статья, подготовленная на основе выступления **А. И. Субетто** на юбилейных чтениях, посвященных 120-летию А. Л. Чижевского – **«А. Л. Чижевский – титан эпохи русского Возрождения и гений, рожденный в «пламени» Великой Октябрьской социалистической революции»**. Эта работа уже публиковалась в изданиях, не входящих в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), но мы считаем правильным ознакомить с ней и читателей нашего журнала. А. И. Субетто не только дает глубокий анализ творческого пути одного из наиболее талантливых русских ученых XX века, но и реконструирует атмосферу, в которой развивалась российская наука 20-х – 60-х годов. С публикацией А. И. Субетто своеобразно перекликается завершающая этот номер журнала статья **О. Н. Забродина «Влияние книги В. Оствальда “Великие люди” на формирование представлений В. С. Дерябина о творческой личности ученого»**. О. Н. Забродин сопоставляет представления о личности и таланте ученого, содержащиеся в мало известной у нас книге В. Оствальда и в работах ученика академика И. П. Павлова, психолога и психиатра В. С. Дерябина. Как известно нашим читателям, журнал начиная с первого номера уделял много внимания публикациям новаторских работ В. С. Дерябина и современных исследований его творчества.

Главный редактор

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – профессор кафедры философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 117; 316.324.8; 004.946

Определение понятия «виртуальность». Анализ терминологического статуса*

Соснина Тамара Николаевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королева (национальный исследовательский университет)», кафедра философии и истории, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Самара.

E-mail: tnssau@bk.ru

443086, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, д. 34,
тел: 8(846)267-45-65; 8(846) 332-74-83.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Философская концепция виртуальной реальности имеет первостепенное значение для осмысления современного информационного общества. Между тем многие исследователи отмечают, что глубинное теоретическое содержание понятия виртуальной реальности пока остается нераскрытым.

Результаты: В отечественной философской литературе последних двух десятилетий можно выделить до 21 варианта определения виртуальной реальности. Группируя их по смыслу, мы предлагаем сформулировать девять основных подходов. Это рассмотрение виртуального как объективно (реально) существующего; как вымышленного, воображаемого и иллюзорного; как промежуточного состояния между возможным и действительным, материальным и идеальным; как образа реальности (инварианта); как особого состояния сознания; как особых пространственно-временных параметров; как сконструированного человеком технического бытия; как тотальной сущности бытия.

Область применения результатов: Формирование представлений о виртуальной реальности вносит вклад в целостную концепцию современного информационного общества, которую еще предстоит создать.

Выводы: Понятие «виртуальность» неизбежно включает в себя социальную составляющую, технико-технологическую составляющую и социокультурную составляющую.

Ключевые слова: виртуальность; реальность; материальное и нематериальное; бытие и небытие; сознание; информация.

* © Т. Н. Соснина, 2017.

The Definition of the Notion ‘Virtuality’. The Terminological Status Analysis

Sosnina Tamara Nikolaevna – Samara State Aerospace University, Department of philosophy and history, Doctor of Philosophy, Professor, Samara, Russia.

E-mail: tnssau@bk.ru
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia,
tel: 8(846)267-45-65; 8(846) 332-74-83.

Abstract

Background: The philosophical concept of virtual reality is of paramount importance for the comprehension of the modern information society. Meanwhile, many researchers note that the deep theoretical contents of the notion of virtual reality remains ambiguous.

Results: In Russian philosophical literature of the last two decades, up to 21 options for determining virtual reality can be found. By classifying them according to the meaning, we propose to formulate nine basic approaches. The consideration of the virtual as objectively (really) existing; as fictitious, imaginary and illusory; as an intermediate state between the possible and the real, the material and the ideal; as an image of reality (invariant); as a particular state of consciousness; as special space-time parameters; as a technical being constructed by man; as the total essence of being.

Research implications: The formation of notions about virtual reality contributes to the holistic concept of the modern information society to be created.

Conclusion: The concept of “virtuality” inevitably includes the social component, the technical and technological component and the socio-cultural component.

Keywords: virtuality; reality; material and non-material; being and non-being; consciousness; information.

Развитие информационной техники и технологий, влияние их на экономику и общество является отражением революционного процесса, призванного перевести функционирующие материальное и духовное производство в новое, виртуальное качество.

В последние десятилетия интерес к феномену виртуальности резко возрос, в научную терминологию буквально ворвалась группа понятий, производных от *virtus* (виртуальность, виртуальное пространство-время, виртуальные машины, фирмы, деньги, банки, культура и т. д.).

Вскоре стало ясно, что трактовка понятия «виртуальное» далека от однозначности. Определим собственную позицию.

Корень «*virtus*» восходит к античности, где использовались два его смысла: реальность – образ (вариант Платона); актуальное – потенциальное бытие (вариант Аристотеля).

Воспроизведем определения понятия «*виртуальность*», используемые в литературе с 1994 года.

1. Виртуальный (лат. *virtualis* – возможный) может или должен проявиться при определенных условиях [см.: 1, с. 126].

2. Виртуальность – объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Онтологическая трактовка рассматривает виртуальность как некое потенциальное состояние бытия при наличии в нем определенного активного начала.

Другой подход к виртуальности сформировался под влиянием компьютерных, информационных технологий. С их помощью можно погрузиться в виртуальную реальность, где субъект не будет различать вещи и события действительного и виртуального мира: мир дан ему непосредственно в его ощущениях, а они оказываются на этом уровне неразличимыми.

Виртуальная реальность характеризует состояние сознания, и этим она отличается от реальности объективной. С аналогичной точки зрения следует рассматривать виртуальные реальности, встречающиеся в психологии, эстетике и в духовной культуре [см.: 2, с. 404].

3. Виртуальность – (возможность) сила, то, что визуально, наличествует «в возможности», противостоит тому, что актуально, наличествует «в реальности», виртуальность как склонность к реализации [см.: 3].

4. Виртуальность есть образ реальности, возникший в человеческом сознании в результате рационализации и/или восприятия, оформленный в актуальном, целостном виде. Необходимое условие для существования виртуальности – интересубъективный мир образов – культура. Виртуальность – инвариант реальности [см.: 4].

5. Виртуальность – тотальное свойство физического мира, проявляющееся на микро- макро- и мегауровнях организации материи. Универсальными свойствами виртуальности являются:

– способность существовать, но быть перцептивно не воспринимаемой, непосредственно не регистрируемой приборами;

– способность переносить взаимодействие реальных объектов либо воздействовать на последние; короткое время жизни; существование в переходных состояниях или процессах, дающих выбор из ряда возможностей [см.: 5].

6. Термин «виртуальность» понимается как мнимое; как воображаемое; как небытие; как нематериальное [см.: 6, с. 47].

7. Феномен виртуального фиксирует универсальность природы человека, «усиливает» смысл человеческого существования. Человек как продукт всеобщих возможностей, концентрирующий возможности развития мира и себя самого [см.: 7, с. 15].

8. Виртуальность имеет сложную интегративную природу. Первый ее уровень связан с объективными характеристиками, второй – с субъективными, третий – со сложными отношениями первых двух уровней, проявляющимися в материально-духовной деятельности человека. Виртуальное есть промежуточное состояние, момент взаимосвязи, взаимообусловленности и

взаимоперехода возможного и действительного, представляющий из себя переплетение идеального (мыслимого) и материального (реализованного).

Виртуальность пронизывает все наше существование, начиная от природного начала в человеке, где мощно проявляют себя психофизиологические феномены (например, сновидения), далее идет социальный уровень с его условностью и разноплановостью норм, правил и, наконец, культурный уровень, формирующий мировоззрение [см.: 8, с. 42].

9. Виртуальность – обусловленное природой, в той или иной мере присущее человеку потенциальное качество сознания [см.: 9, с. 98].

10. Виртуальное – способ бытия, отличный как от реального, так и от идеального. Эти различные содержания перетекают друг в друга, становятся неразличимыми, неотличимыми. Понятие виртуальности предполагает новую парадигму мышления, позволяющую анализировать в единой плоскости реалии, которые относятся к разным типам знания: естественнонаучного, гуманитарного, технического, философского [см.: 10, с. 6].

11. Виртуальность – это действительная реальность, обладающая свойствами: порожденности (виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней); актуальности (виртуальная реальность существует актуально, только здесь и теперь); автономности (в виртуальной реальности свое время, свое пространство и свои законы существования); интерактивности (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как относительно независимая от них) [см.: 11].

12. Виртуальность характеризуют следующие свойства: неопределенность существования во времени; иллюзорность; n-мерность (заданность измерения); конструированность; искусственность по отношению к естественному, довиртуальному [см.: 12, с. 60].

13. Виртуальность – это базовый информационный код, выраженный в программе, созданной программистами, свойство компьютерной реальности [см.: 13].

14. Категория «виртуальности» вводится через оппозицию субстанциональности и потенциальности; виртуальный объект существует, хотя и не субстанционально, но в то же время – не потенциально, а актуально.

Виртуальность не сводится к современным компьютерным программным артефактам, к ней относятся, например, сны, галлюцинации, трансколлективные психозы, различные пограничные (сумеречные) состояния сознания, которые являются такими же формами виртуальности, как и образы (симуляции), смоделированные на современных носителях [см.: 14].

15. Виртуальность – это логика чудес, магия внушений, мир смыслов и ценностей, способ трансформации сознания и реальности, чудесное обращение запредельного в реальное [см.: 15].

16. Термин «виртуальный» используется для обозначения технологий трехмерных изображений. Технология, на основе которой работает Promovisor, позволяет совмещать мнимые трехмерные изображения с реальными предметами [см.: 16].

17. Виртуальный (электронный документ) – информационный объект, или некая совокупность, которую образует любой тип структурированных данных, которые содержат законченное информационное сообщение, могут быть авторизованы, храниться в цифровой форме и воспроизводиться в виде, воспринимаемом человеком [см.: 17].

18. Виртуальность (виртуальная реальность) есть реальность образная, имеющая предметно-сущностное содержание. Образная реальность является ареной проявления действия свободной воли человека. Виртуальное бытие не требует обычных физических ресурсов – материи, энергии, пространства-времени. Такое бытие может существовать отдельно и независимо от бытия физического и стыкуется с ним лишь через работу компьютера [см.: 18].

19. Виртуальность (виртуальное бытие) – это бытие модельное, бытие в возможности, а не в действительности [см.: 19].

20. Виртуальность (виртуальная реальность) – моделируемый техническими средствами образ искусственного мира, передаваемый человеку через генерируемые компьютером имитации ощущений [см.: 20].

21. Виртуальная (культура) предполагает, с одной стороны, массовость как закономерность функционирования и развития, с другой – расширение границ творчества, новые способы художественной деятельности, проявление уникальности, индивидуальности [см.: 21].

Интерпретации понятия «виртуальное», предлагаемые современными авторами, можно сгруппировать в блоки, где отражены его базовые характеристики.

Виртуальность – это:

А. Объективно (реально) существующее – 5; 7; 8; 10; 11; 13; 14; 15;

Б. Вымышленное, воображаемое, иллюзорное – 2; 4; 12; 14; 16; 19; 21;

В. Промежуточное состояние между возможным и действительным, материальным и идеальным – 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 10; 15; 19;

Г. Образ реальности (инвариант) – 4; 6; 14; 15; 18;

Д. Особое состояние сознания – 2; 4; 9; 11; 13; 19; 20; 21;

Ж. Особые пространственно-временные параметры – 5; 7; 11; 12; 13; 14; 16; 18;

З. Сконструированное техническое бытие – 11; 12; 13; 14; 15;

И. Естественно-технический и культурный феномен – 5; 7; 9; 10; 11; 12; 17; 18; 21;

К. Тотальная сущность бытия – 5; 7; 8; 10.

Итог. Виртуальному присущи характеристики: онтологические – А, Б, В, Ж, К; гносеологические – Б, Г, Д; социокультурные – Г, Д, И, З.

Анализ терминологических особенностей понятия «виртуальное» в каждом из аспектов (онтологический, гносеологический, социокультурный) выявляет различие используемых трактовок. Виртуальность в онтологическом аспекте исследователи рассматривают в трех вариантах.

В рамках *первого* постулируется объективность виртуальных образований (А), *второго* – признается как мнимое и иллюзорное воображаемое (Б), пребывающее в особых пространственно-временных рамках (Ж). *Третий*

вариант исходит из тезиса, что виртуальность существует как промежуточное образование между объективным и субъективным, материальным и идеальным (В). Особая группа представлена исследователями, для которых виртуальность есть всеобщая тотальная характеристика сущего (К). Определение виртуальности в гносеологическом аспекте также противоречиво: *одни* считают образ реальности, возникающий в сознании, результатом рационализации и/или восприятия (Г), *другие* утверждают, что познание мира «замещается» имитациями разного качества, включая состояние сознания, потерявшего способность отличать реальное от вымышленного, мнимого (Б, Д).

Социокультурный статус виртуального рассматривается как многоликое образование, которое ассоциируется с современными компьютерными и программными артефактами (З); с «симуляциями», моделируемыми на современных носителях (Г); с пограничными (сумеречными) состояниями человека, имитирующими эффект иллюзий (Д); с парадигмой мышления, синтезирующей естественнонаучное, гуманитарное, техницистское и философское начала (И).

Резюме. Понятие «виртуальность» в литературе используется неоднозначно, но, тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что оно содержит в себе:

- социальную составляющую (совокупность присущих субъекту природно-социальных качеств);
- технико-технологическую составляющую (совокупность технико-технологического обеспечения, воспроизведения специфического синтеза реальности актуальной и мнимой);
- социокультурную составляющую (совокупность принципиально новых представлений о возможностях материального и идеального начал, раскрывающихся под воздействием информационных технологий конца XX – начала XXI века).

Литература

1. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.
2. Носов Н. А. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 2001. – 694 с.
3. Зорин В. И. Евразийская мудрость от А до Я.: Толковый словарь. – Алма-Ата: Сөздік-Словарь, 2002. – 408 с.
4. Кулагина И. В. Виртуальность как инвариант социокультурной реальности: методологические основания социальных исследований. – Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филос. н. – Томск, 2004. – 17 с.
5. Николаев И. А. Виртуальность как естественнонаучный, технический и культурный феномен. – Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филос. н. – Саратов, 2004.
6. Губанов Н. И., Согрина В. И. Основные формы бытия // Философия и общество. – 2004. – № 4. – С. 41–50.
7. Малкова Е. В. Виртуальная реальность: социально-философский аспект. – Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филос. н. – Пермь, 2005. – 24 с.

8. Абрамов М. Г. Потенциал виртуальности // Экология и жизнь. – 2006. – № 9. – С. 40–51.
9. Силантьева И. И. Виртуальный человек в пространстве-времени // Философские науки. – 2007. – № 8. – С. 97–101.
10. Бондаренко Р. А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации. – Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филос. н. – Ростов-на-Дону, 2008. – 40 с.
11. Маслова А. В. Природа и социально-экономические особенности виртуальных организаций. – Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. э. н. – Иваново, 2010. – 23 с.
12. Немыкина О. И. Понятие виртуальности в философском контексте // Гуманитарная наука. Философия. – 2011. – № 1. – С. 53–62.
13. Юхвид А. В. Компьютерные виртуальные технологии как новый техно-социальный феномен. – Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филос. н. – М., 2013. – 50 с.
14. Виртуальность // Википедия – Свободная энциклопедия – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальность> (дата обращения 27.05.2017).
15. Гарин И. Что такое виртуальность? // Проза.ру – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2012/03/27/672> (дата обращения 27.05.2017).
16. Promovisor – трехмерная анимация или 3D голограмма // Интерактивное и проекционное оборудование для проведения презентаций, конференций и выставок в Санкт-Петербурге – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.av-gorod.ru/brands/10.html> (дата обращения 27.05.2017).
17. Цветков В. Я., Семушкина С. Г. Электронные ресурсы и электронные услуги // Современные проблемы науки и образования – Электронный научный журнал – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1303> (дата обращения 27.05.2017).
18. Корсунцев И. Г. Моделирование как процесс порождения виртуального бытия следующего поколения // Философские исследования. – 2001. – № 2. – С. 176–185.
19. Чарушников В. Виртуальное общество // Молодая гвардия. – 2011. – № 5/6. – С. 89–120.
20. Виртуальная реальность // Национальная политическая энциклопедия – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politike.ru/termin/virtualnaja-realnost.html> (дата обращения 27.05.2017)
21. Муртазина М. Ш. Виртуальная культура как феномен глобализации (философско-культурологическое осмысление). – Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к. филос. н. – Чита, 2012. – 23 с.

References

1. Modern Dictionary of Foreign Words [*Sovremennyy slovar inostrannykh slov*]. Saint Petersburg, Duet, 1994, 752 p.

2. Nosov N. A. New Philosophical Encyclopedia. In 4 vol. Vol. 3. [*Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. T. 3*]. Moscow, Mysl, 2001, 694 p.
3. Zorin V. I. Eurasian Wisdom from A to Z: Explanatory Dictionary [*Evraziyskaya mudrost ot A do Ya: Tolkovyy slovar*]. Alma-Ata, Sezdik-Slovar, 2002, 408 p.
4. Kulagina I. V. Virtuality as an Invariant of Social and Cultural Reality: Methodological Foundations of Social Research. Abstract of the Ph. D. Thesis [*Virtualnost kak invariant sotsiokulturnoy realnosti: metodologicheskie osnovaniya sotsialnykh issledovaniy. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. Tomsk, 2004, 17 p.
5. Nikolaev I. A. Virtuality as a Natural Science, Technical, and Cultural Phenomenon. Abstract of the Ph. D. Thesis [*Virtualnost kak estestvennonauchnyy, tekhnicheskyy i kulturnyy fenomen. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. Tomsk, 2004, 17 p.
6. Gubanov N. I., Sogrina V. I. Main Forms of Being [Osnovnye formy bytiya]. *Filosofiya i obshchestvo* (Philosophy and Society), 2004, № 4, pp. 41–50.
7. Malkova E. V. Virtual Reality: Social and Philosophical Aspect. Abstract of the Ph. D. Thesis. [*Virtualnaya realnost: sotsialno-filosofskiy aspekt. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. Perm, 2005, 24 p.
8. Abramov M. G. Potential of Virtuality [Potentsial virtualnosti]. *Ekologiya i zhizn* (Ecology and Life), 2006, № 9, pp. 40–51.
9. Silanteva I. I. Virtual Person in a Spacetime [Virtualnyy chelovek v prostranstve-vremeni]. *Filosofskie nauki* (Philosophical Sciences), 2007, № 8, pp. 97–101.
10. Bondarenko R. A. Virtual Reality in a Modern Social Situation. Abstract of the Ph. D. Thesis [*Virtualnaya realnost v sovremennoy sotsialnoy situatsii. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk*]. Rostov-na-Donu, 2008, 40 p.
11. Maslova A. V. The Nature and Social and Economic Features of Virtual Organizations. Abstract of the Ph. D. Thesis [*Priroda i sotsialno-ekonomicheskie osobennosti virtualnykh organizatsiy. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk*]. Ivanovo, 2010, 23 p.
12. Nemykina O. I. The Concept of Virtuality in a Philosophical Context [Ponyatie virtualnosti v filosofskom kontekste]. *Gumanitarnaya nauka. Filosofiya* (Humanitarian Science. Philosophy), 2011, № 1, pp. 53–62.
13. Yuhvid A. V. Computer Virtual Technology as a New Technical and Social Phenomenon. Abstract of the Ph. D. Thesis [*Kompyuternye virtualnye tekhnologii kak novyy tekhnosotsialnyy fenomen. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk*]. Moscow, 2013, 50 p.
14. Virtuality [Virtualnost]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальность> (accessed 27 May 2017).
15. Garin I. What Is Virtuality? [Chto takoe virtualnost?]. Available at: <https://www.proza.ru/2012/03/27/672> (accessed 27 May 2017).

16. Promovisor – A Three-Dimensional Animation or a 3D Hologram [*Promovisor – trekhmernaya animatsiya ili 3D gologramma*]. Available at: <http://www.av-gorod.ru/brands/10.html> (accessed 27 May 2017).
17. Tsvetkov V. Y., Semushkina S. G. Digital Resources and Electronic Services [Elektronnye resursy i elektronnye uslugi]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Elektronnyy nauchnyy zhurnal* (Modern Problems of Science and Education – Digital Scientific Magazine). Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1303> (accessed 27 May 2017).
18. Korsuntsev I. G. Simulation as a Process of Outcoming of Virtual Being of Next Generation [Modelirovanie kak protsess porozhdeniya virtualnogo bytiya sleduyushchego pokoleniya]. *Filosofskie issledovaniya* (Philosophical Investigations), 2001, № 2, pp. 176–185.
19. Charushnikov V. Virtual Society [Virtualnoe obshchestvo]. *Molodaya gvardiya* (Young Guard), 2011, № 5/6, pp. 89–120.
20. Virtual Reality [*Virtualnaya realnost*]. Available at: <http://politike.ru/termin/virtualnaja-realnost.html> (accessed 27 May 2017).
21. Murtazina M. S. Virtual Culture as a Phenomenon of Globalization (Philosophical and Culturological Comprehension). Abstract of the Ph. D. Thesis [*Virtualnaya kultura kak fenomen globalizatsii (filosofsko-kulturologicheskoe osmyslenie)*]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*. Chita, 2012, 23 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008 (103)

Культура потребления как экологическая проблема^{*}

Ильин Алексей Николаевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», кафедра практической психологии, доцент, кандидат философских наук, Омск, Россия.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

644043, Россия, г. Омск, ул. Партизанская 4а, ауд. 117,

тел: 8-950-338-15-73.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Исходя из потребительских стратегий максимизации прибыли бизнес (в том числе глобальный) усиливает избыточное давление на природу. Для общества потребления характерен тренд не просто приобретения вещей, а приобретения именно новых, брендовых вещей. Они своей знаково-символической насыщенностью подчеркивают статус обладателя ими. Культ новизны выливается в перманентное потребление, в погоню за быстро изменяющейся модой. Принцип намеренного устаревания вещей проявляет себя в двух формах: 1) быстрый физический износ, 2) символический износ, который обеспечивается модным дискурсом. Мода и реклама призывают осуществлять нерациональный цикл «покупка – выброс – покупка». Такая расточительность обеспечивает излишнюю эксплуатацию природных ресурсов.

Методология: В работе нашли применение следующие подходы. Диалектический подход применялся для раскрытия характерного для общества потребления противоречия между развитием техники и экологическим сознанием. Неомарксистский подход позволил критически оценить потребительские тенденции, проявляющиеся в условиях капиталистического общества. Культурфилософский подход позволил сформировать представление о культуре потребления как важнейшей составляющей части культуры современного технократического общества.

Результаты: Культура потребления нейтрализует экологическое сознание и, как следствие, становится фактором усиления антропогенного воздействия на природу. Возникает противоречие между мощнейшим развитием техники и недоразвитостью экологического сознания человека.

Выводы: Без перехода на альтернативный путь развития, без декапитализации мира невозможно обуздать потребительские соблазны, поскольку именно в лоне капитализма формируется и функционирует потребительская культура.

^{*} © А. Н. Ильин, 2017.

Ключевые слова: природа; экология; потребление; технократически-консюмеристское общество; экологическое сознание; риск.

The Culture of Consumption as an Environmental Problem

Ilin Alexey Nikolaevich – Omsk State Pedagogical University, Department of Applied Psychology, associate professor, Ph. D (Philosophy), Omsk, Russia.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

4 a, Partizanskaja st., office 117, Omsk, 644086, Russia,

tel: 8-950-338-15-73.

Abstract

Background: According to consumer profit maximization strategies, business (including global) increases excessive pressure on nature. For the consumer society, the trend is not only the acquisition of goods but it is the acquisition of new, branded goods. They emphasize the status of the owner with their symbolic saturation. The cult of novelty results in permanent consumption, in pursuit of a rapidly changing fashion. The principle of deliberate obsolescence of goods manifests itself in two forms: 1) rapid physical wear, 2) symbolic wear and tear due to fashionable discourse. Fashion and advertising call for an irrational cycle of “purchase – disposal – purchase”. Such wastefulness ensures excessive exploitation of natural resources.

Methodology: The approaches applied in the study are as follows. The dialectical approach has been used to explain a contradiction between the development of technology and the environmental conscience, which is typical of the consumer society. The neo-Marxist approach has made it possible to evaluate critically consumer tendencies, manifested in capitalist society. The cultural and philosophical approach has allowed us to formulate an idea of consumer culture as the most important component of the culture of the modern technocratic society.

Results: Consumer culture neutralizes environmental conscience and, as a result, becomes a factor in strengthening the anthropogenic impact on nature. There is a contradiction between the most powerful development of technology and the underdevelopment of public environmental conscience.

Conclusion: Without the transition to an alternative strategy of development and decapitalizing the world, it is impossible to resist the temptation to consume, since it is in the bosom of capitalism that consumer culture is being formed and functioning.

Keywords: nature; ecology; consumption; technocratic-consumerist society; environmental conscience; risk.

«Природа побеждается только подчинением ей»

Ф. Бэкон

Введение

Современной эпохе технократического потребительского капитализма присущ некий «демиургический соблазн». Технократически-консюмеристские (прогрессивистские, техногенные) общества воспринимают природу как

субстанцию, заслуживающую порабощения человеком, и акцент делают на прикладной науке, вырабатывающей методологию закрепощения природы. Технократизм абсолютизирует инновационность и научно-технический прогресс, надеясь на достижение социального, экономического, технологического совершенства в будущем. Ранее идеология антропоцентризма дала человеку инструментарий, с помощью которого можно было в техническом смысле понизить исходящие от природы опасности, а в психологическом – избавиться от страха перед природными стихиями.

Под лозунгом утилитаризма совершенство воздействия на природу трансформировалось в антиприродную деятельность. Человеческое освоение природы обернулось бесчеловечным угнетением природы. Человек создал высокий уровень комфорта из природного материала. Но комфорт оборачивается рядом экологических проблем. Актуализировано *противоречие между мощнейшим развитием техники и недоразвитостью экологического сознания человека*.

И. Валлерстайн, В. И. Данилов-Данильян, Д. И. Дубровский, М. А. Жутикова, А. А. Зиновьев, Е. Н. Князева, М. В. Ковальчук, В. В. Козловский, В. А. Кутырёв, Ф. Лю, А. И. Матвеева, О. С. Нарайкин, А. Н. Нысанбаев, М. Б. Пиотровский, Н. Хомский, А. Н. Чумаков, О. Н. Яницкий, Е. Д. Яхнин, Е. Б. Яцишина и другие внесли вклад в изучение проблемы стремительного загрязнения окружающей среды, роста отходов и деэкологизации сознания в капиталистической потребительской цивилизации. В работах У. Бека, Г. Бехмана, В. Г. Горохова, Д. В. Ефременко содержится анализ общества риска, в частности, экологических рисков, которые актуализировались в современных условиях. Однако необходимо, опираясь на представленное в многочисленных исследованиях осмысление экологического кризиса, рассмотреть культуру потребления как один из существенных факторов деэкологизации массового сознания.

Цель статьи – осмыслить роль потребительских ценностей в деэкологизации массового сознания и наметить некоторые возможные варианты выхода из экологического кризиса.

В работе нашли применение следующие *подходы*:

- экологический подход, позволяющий описать и объяснить характер влияния норм и ценностей потребительского общества на состояние природной среды;

- неомарксистский подход, позволяющий критически оценить потребительские тенденции, проявляющиеся в условиях капиталистического общества;

- культурфилософский подход, на основе которого формируется представление о культуре потребления как важнейшей составляющей части культуры современного общества.

1. Антропность против природности

Если в древние времена природа не отделялась от общины людей, то позже цивилизованность и прогресс стали представляться как отход от природы. Труд

и отдых, производство и потребление, аутентичные и навязанные инфраструктурой консюмеризма потребности, человек и природа – все это признаки великого разрыва современности. Идеология господства человека над природой инспирирована в том числе философией. Так, Р. Декарт считал, что в будущем люди станут властелинами природы [4]. Антропоцентристский подход ярко выражен еще в словах Аристотеля: «Растения существуют для живых существ, неразумные животные – для человека: домашние животные служат человеку и дают ему пищу, дикие животные (во всяком случае, большая их часть) являются пищей и источником удовлетворения иных потребностей – например, в одежде и различных инструментах. Поскольку природа не создает ничего бесцельно или впустую, безусловной истиной является то, что она создала всех животных для блага человека» [цит. по: 2, с. 183].

«...Превалировавший долгое время антропоцентризм превратил человеческую популяцию в больной орган, живущий по собственным законам, несогласованным с Геей и космосом» [11, с. 165]. По верному замечанию Е. Н. Ярковой, посредством утилитаризма осуществляется десакрализация природы, которая рассматривается с потребительских позиций в качестве материальной первоосновы жизни, строительного субстрата и неисчерпаемого резерва ресурсов, предназначенных для удовлетворения человеческих потребностей [14]. По мнению Н. В. Мотрошиловой, современное насилие над природой, а также бездумное и даже самоубийственное пренебрежение последствиями этого насилия (экологические войны человечества) есть проявление варварства, вплетенного в современную цивилизацию [7]. Может быть, есть смысл не подвергать амнезии мудрость прошлых веков, а вспомнить ее с учетом дня сегодняшнего, когда человек, являясь частью природы, бросил ей вызов, избрав самого себя в качестве меры всех вещей?

О. Шпенглер назвал «свободную волю» актом мятежа. Человек посредством творчества вышел из союза с природой и с каждым своим творением отдалялся от нее, становился все враждебнее природе. «Такова его “всемирная история”, история неудержимого, рокового раскола между человеческим миром и Вселенной, история мятежника, переросшего материнское лоно и поднимающего на него руку» [13]. Капиталистический мир, фундированный интересами повышения прибыли, характеризуется своим остатком в виде совокупности предельно различных видов отходов, которые настолько многообразны, что требуют самой обширной классификации. По меткому выражению Н. И. Шелейковой, «создавая мертвые инфраструктуры и отходы, человек теснит живое и расширяет пространство смерти <...> производство и распределение благ, потребление подчинены стремлению к прибыли и являются ресурсозатратными и неразумными, не учитывают возможности биосферы Земли и реальную (гармоничную) структуру потребностей» [12, с. 111; 25]. Как отмечалось в одном из докладов Римскому клубу, 99 % природных материалов, вводимых в сферу потребления, становятся мусором менее чем через шесть недель [8]. В результате биосфера как основа жизни перестает быть самой собой, теряет свою «чистоту», превращаясь одновременно как в технобиосферу, так в мусоробиосферу.

Возникает парадоксальная ситуация: мы живем в эпоху гламурного высокотехнологичного мира, насыщенного яркими красками и невообразимым по красоте дизайном. Но, одновременно с этим, мы живем в мире мусора, постоянного нарастания отходов. Крайности сосуществуют в едином антропном пространстве, но проблема в том, что каждая из них уходит в еще большую сторону от другой. Мир все более гламуризируется, дизайнизируется, становится краше, но он все более загрязняется. Такой диалектичности, охватывающей общепланетарный масштаб, человечество еще не переживало. В визуальном плане гламурные блески консюмеристской реальности успешно замещают собой антигламур катастрофически больших массивов мусоропространства. В отличие от демонстрации избытка гаджетов и связанных с ними стилей жизни система масс-медиа воздерживается от трансляции объемов выброса. Нам постоянно показывают избыточный шарм потребительского рая, но никогда не показывают его обратную сторону в виде гиперсвалок. Отходы, сколько бы их ни было, находятся по ту сторону медиа-картинки, они локализуются за пределами публичной легитимации. И когда публика чего-то не видит, у нее складывается впечатление, что этого нет. Более того, у нее даже не возникает мысли о существовании не-транслируемого средствами массовой информации. В (псевдо)информационной реальности капиталистического потребительского мира, в охватившей все и вся виртуализации не находится места неэстетичному мусору, который своим существованием делегитимирует консюмеристскую реальность, указывает на ее удаленность от совершенства и экологической безобидности. Но не-нахождение образа отходов в системе масс-медиа компенсируется его сверхнахождением в пространстве того, что пока еще традиционно называют бытием. С одной стороны, созданием красивой, лишенной неприглядности картинки капитализм упрочивает самого себя, стимулируя покупательскую активность. С другой стороны, он отмахивается не просто от собственных проблем, а от своих преступлений, закрывает их, замещает видео-ширмой с изображением того, производство чего только усиливает эту преступность.

Человек адаптируется к условиям среды, но и адаптирует их к своим потребностям, которые претерпевают безудержный рост и трансформации в процессе человеческой истории. Можно сказать, постоянное превышение нормы само стало нормой.

2. Сущностные особенности культуры потребления

Одной из главных движущих сил развития капитализма является культура потребления. В эко-контексте мы определяем ее как культуру, *редуцирующую внимание человека до модных и брендовых вещей, стимулирующую его к самозамыканию на сугубо личных проблемах, а потому представляющую собой метадеформацию сознания и деятельности, которая препятствует формированию и реализации экологических модернизационных проектов.* Когда потребитель центрируется на индивидуализме, замыкает картину мира на своих вещных аксессуарах, на желании покупать новые и модные гаджеты и с помощью них подчеркивать свой статус в глазах окружающих, в его сознании

не остается места для заинтересованности глобальными проблемами современности и для социально полезных действий. Сфера внимания и сфера поведения остаются зажатыми в тисках индивидуализма. Одержимость индивидуалистично-местечковыми микронарративами отвращает от интереса к макронарративам.

Общество потребления характеризуется не только трендом на приобретение новых и статусных (брендовых) вещей. Также развито «бедное» потребление, которое заключается в нерациональных тратах среди малообеспеченного населения, в приобретении большого количества дешевых, но не вполне нужных вещей. Давление на окружающую среду обеспечивают не только те, кто в погоне за статусом стремятся покупать дорогие брендовые вещи и затем их менять по истечению срока их «модности», то есть до наступления физического износа. Огромная масса потребителей, покупающих много дешевых, но не являющихся необходимыми, вещей, осуществляют серьезное в экологическом смысле расточительство. Даже вторичное использование вещей может являться не сообразным с экологической точки зрения; например, эксплуатация малоэффективной техники (устаревших автомобилей) с позиции энергосбережения.

Псевдопотребность «перепотреблять» (избыточно потреблять) фундирована стремлением держателей капитала, используя инфраструктуру потребления (к которой относятся мода и реклама), «воспитывать» общество так, чтобы каждый покупал как можно больше, выбрасывал купленные товары как можно раньше и покупал вновь. Производители гаджетов постоянно создают новые модели и рекламируют их, чтобы потребители сокращали срок пользования каждой моделью и заменяли ее другой, даже если предыдущая находится во вполне функциональном состоянии. Здесь наблюдается эффект морального устаревания товаров, феномен не технологической истощенности, невозможности быть эксплуатируемыми далее, а выхода из моды. Или же производители используют эффект физического устаревания товара, когда сотовый телефон, телевизор, компьютер, холодильник специально производятся недолговечными; и покупатель «физически» вынуждается поменять старый гаджет на новый. Оба эффекта являются сознательно используемыми и в конце концов обеспечивают функционирование принципа перманентного обновления вещей.

Сегодняшняя роскошь завтра становится нормой, и у типичного потребителя состояние удовлетворенности постоянно ускользает от своей «поимки». «Стандарт роскоши» распространяется на максимально широкий круг людей, и ни для кого из них он не является подлинным стандартом, неизменным по своей сути, а потому более или менее легко достигаемым. Нет никакого укорененного стандарта соответствия. Стандарт – пожизненная погоня за стандартом. Жизнь консюмера полна потребительских побед, но Победы как таковой нет, поскольку априори не достигается окончательный триумф. Нет финишной черты, символизирующей окончание гонки. Для поддержания самооценки и самоидентичности как модного и продвинутого консюмера требуется постоянно потреблять. Самооценка зависит от

количества, стоимости, модности и брендовости приобретенных товаров. Система производства и рекламы создает новые и отменяет старые стандарты и критерии для поддержания самооценки и самоидентичности. В погоне за неуловимым стандартом мы наблюдаем материальную форму трансцендентности, потребительскую трансцендентность. Вместо стандарта есть феномен «мобильности престижа». Возникает феномен «отлаженной моды» вместо жизни в моде, в современности, в модерне. Передний фронт идеала постоянно смещается далее по шкале необъяснимого прогресса, и потребитель стремится догнать ту стадию современности, которая уже начала устаревать. Но поскольку потребление базируется на производстве, для последнего требуется функционировать в режиме: создавай товар короткоживущим, чтобы обеспечивать оборот, несмотря на то, что с экологической точки зрения это – деятельность по расточительству ресурсов.

По аналогии с баумановской «текучей современностью» целесообразно постулировать «вещную текучесть», характерную для современности. Причем не знаковую, а именно вещную. Ведь характерные для культуры потребления знаки (статус, престиж, респектабельность, сексуальность и т. д.) остаются прежними. Их востребованность не теряется. Утрачиваются только вещи, несущие эти знаки, то есть продукты, некогда наделенные ими и, соответственно, указывающие на высокий статус их обладателя, в процессе своего модного устаревания теряют «статусные» знаки, и последние переходят к другим вещам. Так знаки остаются жить, значить и пользоваться спросом, но обладающие ими вещи постоянно меняются. Один и тот же «статус» как устойчивая потребительская ценность не остается в некогда купленной вещи, а «растягивается» в цепочку покупаемых вещей, уходит из одной вещи и воплощается в более новой, совершает путешествие по перманентно обновляемым вещам, нигде не задерживаясь надолго. Этим он напоминает злого духа из заурядного фильма ужасов, меняющего тела, в которые ненадолго вселяется.

Рынок создает все больше ненужных вещей, обеспечивает их быстрое устаревание и своим маркетингом приучает общество «идти в ногу со временем», покупая и выбрасывая, затем снова покупая и через непродолжительное время выбрасывая, чтобы приобрести вещи еще более новые, усовершенствованные, наделенные статусом, символичностью. Прибыль и выживание в конкурентной среде для частного экономического актора приоритетней экологических ценностей. Корпоративные интересы выше интересов человечества. «Ученые, в подавляющем большинстве, признают, что ископаемые виды топлива необходимо оставить в земле, чтобы у наших внуков были достойные перспективы, – говорит Н. Хомский. – Но институциональные структуры нашего общества давят на то, чтобы попытаться извлечь каждую каплю» [10].

В обществе потребления, где искусственным путем ускоряется темп цикла «купил – выбросил – купил», увеличивается избыточное производство, которое создает не действительно необходимые для удовлетворения нормальных человеческих потребностей продукты, а гаджеты, нужные для удовлетворения

навязанных модой и рекламой потребностей. Для этого необходимы нарастающие темпы использования сырья. Идеология потребления вместо экономии, солидарности, самоограничения, скромности абсолютизирует противоположную ценность – безответственную трату. Типичный парадокс характерен в первую очередь для стран Запада, где вместе с идеологией консюмеризма сосуществует пропаганда экономии электричества, воды и других ресурсов.

Экологически недальновидно, когда изделия устаревают на этапе своего начального функционирования, когда происходит бесконечная, требующая ресурсов смена гаджетов, определяемая не их реальным изнашиванием, а их выходом из моды. Экологически недальновидно, когда не прогресс служит целям общества, а общество, человек и природа становятся инструментами прогресса, этой выгодной столпам коммерции новационной истерии. Общество и человек превращаются в человеческий фактор, в юзера (пользователя) прогресса, проходящего перманентную идеологическую обработку, которая призывает много потреблять и не останавливаться на достигнутом. В результате прогресс оборачивается экологическим упадком и регрессом самого общества и человека, их потребностно-духовной сферы. Фактором давления на среду является как производитель-капиталист, так и потребитель, «воспитываемый» этим производителем и созданной инфраструктурой потребления. Говоря словами Паскаля, «...мы бездумно несемся в пропасть, поставив перед собой нечто, закрывающее ее от наших взоров» [цит. по: 6, с. 148].

Культура потребления требует увеличения производства, для чего необходимо огромное количество сырья, добыча и переработка которого зачастую энергозатратна и разрушительна. Гиперистощение ресурсов, с одной стороны, и нарастание объема отходной массы, которую природа не может переработать, с другой, вытесняют естественное обновление природы. Не возникает ли грандиозная инверсия, согласно которой от человечества требуется вместо охраны природы некое бережное отношение к отходам, восприятие их как своеобразного национального или общечеловеческого достояния?

3. Выход из экологического кризиса

Важна ориентация на интенсивный путь развития, при котором увеличивается эффективность использования ресурсов и сокращаются затраты. Но для этого нужен отказ от доминирования потребительской идеологии. Однако отказ от культуры потребления вряд ли возможен в условиях капиталистического уклада, следовательно, требуется упразднение господства рынка. Такое упразднение – не просто требование, а показатель современности мышления, релевантности (соответствия) мысли реалиям сегодняшнего дня. Настоятельной потребностью становится примат экологии и этики над экономикой.

Д. А. Давыдов отвергает мысль, что преодолеть экологические риски можно через разрыв с капитализмом. Согласно его идее, современное общество

таит в себе механизмы самообновления, его главная проблема не в потреблении, а в постмодернистском «пространстве симулякров», которое заглушает общественную рефлексивность, порождает иллюзии вседозволенности, нарушая циркуляцию действий и их последствий. Постмодерн и капитализм представляются системами разного рода. По мнению автора, не нужно менять социальную систему, поскольку одни манипуляторы придут на смену другим, а «борьба за новое и свободное общество» сконцентрируется системой власти, способной превратиться в новую мировую диктатуру. Постмодернистские симуляции отомрут сами по себе, когда мир столкнется с глобальными катастрофами; угроза смерти заставит искать новые решения глобальных проблем – возможно, в рамках существующей социальной системы. Автор приводит пример: индивиды начнут трезветь, когда закроются торговые центры, а выпуски передач прервутся экстренными сообщениями о катастрофе, которая стоит на пороге [3].

Этот подход вызывает серьезные возражения.

Во-первых, механизмы самообновления не видны, и утверждать тезис об их существовании – постулировать недоказанную гипотезу. Неудивительно, что автор воздерживается от демонстрации явлений, которые достоверно можно было бы назвать такими механизмами.

Во-вторых, постмодернистская симулякризация, рождающая вседозволенность, напрямую связана с потребительством, равно как постмодернизм с капитализмом, и нет смысла разделять их. Общество потребления – это именно постсовременное (постмодернистское) общество капиталистического типа.

В-третьих, даже если при смене социальной системы одни манипуляторы заменят других (весьма спорный тезис), новые манипуляции наверняка будут смотреться более презентабельно по отношению к сохранности природы (и не только ее), чем нынешние. Тезис типа «все равно ничего не получится» по степени своей бессмысленности равнозначен тезису «незачем строить дороги – все равно разворуют часть денег» или «незачем лечиться – ведь когда-нибудь умру». Важно не то, что одни манипуляторы придут на смену другим (это вовсе не обязательно), а качественные отличия «старых» и «новых» манипуляций по части сохранности окружающей среды, человечества, его интеллектуального, морального, эстетического уровня и потребностной аутентичности. Имеет значение не факт сменяемости манипуляторов, а вектор направленности манипуляций, их содержательной специфики. Ведь манипулятивными целями можно прививать умеренность, патриотизм, солидарность, коллективизм, но это будут более приемлемые манипуляции в социальном и экологическом смысле, чем манипуляции, инициирующие потребительскую безудержность, помноженную на тотальный индивидуализм. Даже если это будет отличие «плохого» от «очень плохого», все равно одно предпочтительней другого, и нет смысла их уравнивать. И, конечно, вряд ли «очень плохое» придет на смену «плохому».

В-четвертых, в мировую диктатуру способна трансформироваться не только власть, сформированная под лозунгами «нового и свободного

общества», но в том числе и власть, для которой характерны масштабные, именно консюмеристские манипуляции. Между этими формами власти автор не показывает отличие по критерию склонности к диктатуре, да еще и мировой, поэтому нет оснований думать, что «новая» – более диктаторская, чем «старая».

В-пятых, фраза об отмирании постмодернистских симуляций при встрече с катастрофичностью – не более чем оптимистический штамп, ничем не подтвержденный. Оптимизм – это благо для личного психического состояния, с ним жить легче, но необходимо, чтобы он был обоснован научно, по крайней мере в работе, опубликованной в научном журнале. Когда перестают функционировать торговые центры, а телевизионные ток-шоу сменяются сообщениями о грядущей всеобщей гибели, происходит не размифологизация сознания, не отрезвление, не рациональный отход от потребительства, а элементарная паника. «В момент катастроф нет нигилистов» [3, с. 112], пишет автор, однако они есть даже в условиях вот-вот наступающей катастрофы, к тому же множится количество паникеров. Переход потребительской инфраструктуры в более человекоцентрированную инфраструктуру должен быть централизованным и управляемым, и на самоорганизацию надеяться бессмысленно. Трудно представить, что каждый индивид внезапно откажется от консюмеризма даже при встрече с опасностью. Обычно срабатывает принцип «пусть другие отказываются и спасают мир, а я еще поживу в свое удовольствие» (конечно, этот принцип работает в зависимости от близости катастрофы). Когда так думает каждый или большинство, никто мир не спасает. Такой же принцип актуализируется при недовольстве теми или иными решениями властей, когда каждый думает «пусть идут на митинг и проявляют свое возмущение другие, а у меня и так забот хватает» (и никто не идет на митинг). А когда катастрофа настолько близка, что уже не до потребления, остается мало места для консолидации всеобщих усилий из-за паники и – опять же – индивидуалистического стремления спастись самому.

Так может, отмирание, про которое пишет автор, и будет качественной трансформацией капиталистического общества во что-то более благое для человека и природы, в то, от чего Давыдов так навязчиво предлагает отказаться? Более того, фразой об отмирании симуляций не предлагает ли Давыдов потреблять в том же духе, ждать катастрофичности, будучи уверенным, что с ее наступлением человеческий мир изменится? Такой тезис напоминает самооправдание человека, который активно употребляет алкоголь, убеждая себя, что обязательно бросит, когда врачи найдут у него какую-то серьезную болезнь.

Ведь каждый из нас заботится в первую очередь о своих интересах, и когда мы слышим о страданиях других людей, но не видим воочию этих страданий, у нас недостаточно мотивации для оказания им поддержки. Автор с этим положением согласен, но далее он приводит тезис: «Нет ничего нелогичного в том, чтобы связать проблемы ближнего с обществом в целом» [3, с. 112]. Нелогичного ничего нет, в теоретическом смысле такая связь вполне приемлема, но в поведенческом плане каждый индивид стремится спасти себя и близких. Поэтому «большой проект» нужен. Тем более что профилактика

катастрофы намного предпочтительнее, эффективнее, дешевле, чем борьба с наступившей бедой. Автор допускает такой проект, но ограниченный публичными обсуждениями на уровне «уличной политики». Разве это не утопия – большие проблемы решать уличными обсуждениями? Проекту по своему «размеру» надлежит соответствовать «размеру» проблемы, которую он решает. Обсуждения обычно заканчиваются расхождением по своим домам и интересам. У субъектов «уличных проектов» нет в руках СМИ, они не вольны менять законы, запрещать и разрешать, использовать крупные финансовые, информационные, военные, медицинские и другие ресурсы страны.

Вообще, непонятны опасения автора относительно трансформации системы. Как мы показали, его тезисы о самообновлении, о новой диктатуре и об опасности манипуляций не сработали. Из его статьи напрашивается вывод вроде «пусть будет старая диктатура, старые манипуляции и рост различного рода рисков, но систему в руки трансформаторов не отдам, тем более она сама себя изменит, когда станет совсем тяжело». Только очевидно, что не изменит. И вряд ли произойдет следующее: «Общественность неизбежно обратится к необходимости умеренно удовлетворять потребности» [3, с. 114]. Так ли уж неизбежно?

В наше время актуализировались три основных проблемы, требующие решения: 1) колоссальное загрязнение природной среды, 2) конечность природных ресурсов, 3) расточительство, свойственное культуре потребления. Все эти проблемы взаимосвязаны, что значительно затрудняет их решение. Во-первых, необходим поиск новых производственных технологий, с помощью которых появилась бы возможность безопасно использовать энергию, вовлекать чистые источники энергии. Нужны создание инфраструктуры малоотходных и безотходных технологий, а также поиск новых путей для экологически чистой утилизации производственных отходов (преимущественно, использование в качестве сырья для вторичного производства). Это послужило бы сохранению экологии не в ущерб экономике, сформировало бы «природосообразную экономику». Во-вторых, актуален поиск новых ресурсов для жизни и важна интенсивная разработка принципиально новых технологий, которые бы обеспечили не просто безопасность для окружающей среды, но и разумное использование ресурсов. Ведь экономика наиболее устойчива и получает большой потенциал для развития при минимальном расходовании невозобновляемых ресурсов и их замещения возобновляемыми. В-третьих, необходимо активное воздействие на культурные ценности для их переориентации с потребительских на экономные. Экономический рост должен быть сопряжен с экологической целесообразностью. Ведь не так высока цена экономических прорывов, если львиную долю средств от них будут расходовать на борьбу с возникшими вследствие все тех же экономических успехов экологическими бедствиями и болезнями, вызванными загрязнением окружающей среды.

В условиях эгоистического капитализма, где каждый думает только о себе, о своей выживаемости в конкурентной гонке и о личной прибыли, едва ли получится реализовать намеченное. Он заинтересован в том, чтобы

произведенные им товары интегрировались в цикл «покупка-выброс-покупка» (благодаря запланированной недолговечности или выходу из моды), и чтобы временной интервал между покупкой и выбросом был минимальным. Исходя из позиции собственника, подход по планированию недолговечности товаров является разумным. Исходя из интересов общества и природы, он совершенно неразумен. Тут можно говорить о двух видах разумности: лично-корпоративной и социальной, которые противоречат одна другой.

Суть рынка в максимизации материальных потребностей, а значит, вещизма. Рынок приемлет погоню за прибылями невзирая ни на что. При рынке отсутствуют общие социальные цели, их место занимают меркантильные цели экономических акторов, реализуемые путем эскалации гиперспроса на вещи и присущие им знаки престижа, качества их обладателя. Но с точки зрения экологии и этики рынок – не самоцель, не «священная корова», а скорее антицель и антиценность. Поэтому весьма наивно выглядят призывы о необходимости поиска «способов сочетания интересов рынка и экологии» [1, с. 143], равно как и о придании маркетингу социально-этичной сути. Такие предложения в своей наивности, а потому утопичности, похожи на фразы типа «США должны перестать навязывать бомбежками и экономическими удавками “демократию” всему миру», а «каждому бизнесмену надлежит думать в первую очередь о социальной пользе, а во вторую – о прибыли». Интересы рынка и экологии в большинстве случаев антагонистичны и напоминают интересы преступника и жертвы, которые, как известно, не сочетаются. Экологически и социально этичный рынок (и маркетинг) – оксюморон, только в воображении способный представляться нормой, реалией или реалистичной целью, к которой следует стремиться. В рыночных условиях как бы никто ни за что не отвечает, нет ответственных за максимизацию рисков.

Весьма наивно выглядят призывы ряда ученых к добровольному самоограничению деятелей бизнеса, рекламы и маркетинга. Бизнес и реклама при культивировании антиэкологических потребительских ценностей находят в себе способность обходить как этические, так и юридические запреты; то же манипулирование как явление в рекламе весьма широко и неоднозначно, а значит, его трудно закрепить в юридической форме. Нет четко установленных границ допустимого, и все границы будут мягко и хитро обойдены. Когда дело касается прибылей (тем более сверхприбылей), о добровольном самоограничении говорить не приходится, а подобные призывы – всего лишь пустые жесты. Несмотря на то, что идеологи капитализма, бизнесмены, рекламисты и т. п. могут публично вербализировать гуманистические, природосообразные идеалы, прибыль все равно остается краеугольным камнем капитализма. Тут уместно вспомнить слова К. Маркса о том, что нет преступления, которое капитал отказался бы совершить ради выгоды в 300 %. От себя добавим, что нет самоограничения, если перед глазами капитала стоит перспектива выгоды в 300 %. Можно сколько угодно упражняться в полумерах, выдумывая этические нормы и даже законы, но полумеры приведут к полунэффективности.

Глобальный неолиберальный капитализм также создал мировую

диспропорциональность в уровне жизни и в уровне загрязнения. Ряд стран наслаждаются консюмеризмом, потребляя максимальный процент природных богатств планеты, а другие страны (со значительно большим количеством населения) довольствуются низким уровнем потребления и высоким уровнем загрязнения от технологических мощностей, экспортируемых из богатых и экологически чистых стран. Т. Фридман заявил: «Стиль жизни американского среднего класса и введение инструментов достижения этого, распространение ноу-хау... невозможно осуществить для других двух или трех миллиардов людей в качестве... устойчивой тенденции – для этого надо много новых планет» [цит. по: 9, с. 106–107]. Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Поэтому взгляд на проблему глобального перераспределения богатств и мусора дает нам дополнительный антикапиталистический аргумент в эко-контексте.

Заключение

Богатство природной среды нужно сохранить для будущего, чтобы обеспечить жизнь потомкам. Поэтому рецепт консюмеризма «живи для себя здесь и сейчас» – это антирецепт. Ресурсосберегающие технологии, новые технические системы не решают экологических проблем, если экономика останется рыночной, а культура – потребительской, и в сознании широких масс людей не актуализируются ценности и установки на самоограничения потребления, на скромность и умеренность в образе жизни, на участие в экологической деятельности. Как говорил классик, разруха в головах.

В деле решения глобальных экологических проблем требуется единство культуры и новых технологий, снижающих расходы ресурсов и выбросы мусора. Без перехода на альтернативный путь развития, без декапитализации мира невозможно обуздать потребительские соблазны, поскольку в лоне именно капитализма формируется и функционирует потребкульт. Освобождение от потребкульта при сохранении капиталистического уклада вряд ли возможно.

Для успешной экологизации общества нужно ослабление потребительских трендов, переполнивших медиа-пространство. Требуется ограничить инфраструктуру соблазнов, ослабить влияние потребительского медиа-контента в СМИ, рекламы и моды, взращивающих фиктивные потребности и заставляющих вовлекаться в нерациональное перманентное потребление [см.: 5]. Существенную роль играет формирование экологического (противоположного потребительскому) сознания посредством экологического образования.

«Человек потребляющий» – это одновременно «человек истребляющий». Похоже, потребительский капитализм в своей мегаалчности достиг такого уровня, что полагает, будто какими бы серьезными ни были бы удары расхищенной и истерзанной природы по человечеству, она не способна разрушить современную глобальную капиталистическую цивилизацию. Охранять природу требуется не только в интересах самой природы (даже если эта охрана угрожает капитализму), но и в интересах человечества. Идеология потребительства (по сути, идеология вражды с природой) должна смениться

идеологией ко-эволюции человека и природы, ибо их взаимозависимость – очевидный факт.

Список литературы

1. Беляевский И. К. Социально-этические проблемы маркетинга // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2011. – № 2. – С. 133–147.
2. Бхагвати Дж. В защиту глобализации / Пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2005. – 448 с.
3. Давыдов Д. А. Общество потребления и смерть постмодернизма // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 1. – С. 107–116.
4. Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: В 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 250–296.
5. Ильин А. Н. Реклама как дискурсивная практика потребительского общества // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 25–35.
6. Киссинджер Г. Дипломатия / авт. послесл. Г. А. Арбатов. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
7. Мотрошилова Н. В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 44–51.
8. Туев В. А. Потребление и проблема оптимизации потребностей // Известия иркутской государственной экономической академии. – 2003. – № 3–4. – С. 87–94.
9. Федотова В. Г. Экология и средний класс // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 3. – С. 103–111.
10. Хомский Н. Мир мчится к пропасти // Euronews – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2015/04/17/chomsky-says-us-is-world-s-biggest-terrorist> (дата обращения: 02.05.2017).
11. Цветков А. П. Homo noosphericus как актуализация образа homo futurus // Philosophy and Cosmology. – 2013. – № 1(11). – Т. 1. – С. 160–169.
12. Шелейкова Н. И. Вечный «старо-новый» мировой порядок. – М.: Беловодье, 2015. – 144 с.
13. Шпенглер О. Человек и техника // Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3131> (дата обращения: 02.05.2017).
14. Яркова Е. Н. Утилитаризм как тип нравственности: опыт концептуальной реконструкции // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 53–65.

References

1. Belyaevskiy I. K. Socio-Ethical Issues in Marketing [Sotsialno-eticheskie problemy marketinga]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* (ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice), 2011, № 2, pp. 133–147.

2. Bhagwati J. In Defense of Globalization [*V zaschitu globalizatsii*]. Moscow, Ladomir, 2005, 448 p.
3. Davydov D. A. The Consumer Society and the Death of Postmodernism [Obschestvo potrebleniya i smert postmodernizma]. *Nauchnyy ezhegodnik instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* (Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), 2014, № 1, pp. 107–116.
4. Descartes R. Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences [Rassuzhdeniya o metode, chtoby verno napravlyat svoj razum i otyskivat istinu v naukakh]. *Sochineniya: V 2 t. T. 1* (Works: in 2 vol. Vol. 1). Moscow, Mysl, 1989, pp. 250–296.
5. Ilin A. N. Advertising as Discursive Practice of Consuming Society [Reklama kak diskursivnaya praktika potrebitelskogo obschestva]. *Voprosy filosofii* (The Question of Philosophy), 2014, № 11, pp. 25–35.
6. Kissinger H. Diplomacy [*Diplomatiya*]. Moscow, Ladomir, 1997, 848 p.
7. Motroshilova N. V. Barbarism as the Flip Side of Civilization [Varvarstvo kak oborotnaya storona tsivilizatsii]. *Voprosy filosofii* (The Question of Philosophy), 2006, № 2, pp. 44–51.
8. Tuv V. A. Consumption and the Optimization Problem [Potreblenie i problema optimizatsii potrebnostey]. *Izvestiya irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* (News of Irkutsk State Economic Academy), 2003, № 3–4, pp. 87–94.
9. Fedotova V. G. Ecology and Middle-Class [Ekologiya i sredniy klass]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* (Knowledge. Understanding. Ability), 2010, № 3, pp. 103–111.
10. Chomsky N. The World is Racing to the Abyss [*Mir mchitsya k propasti*]. Available at: <http://ru.euronews.com/2015/04/17/chomsky-says-us-is-world-s-biggest-terrorist> (accessed 02 May 2017).
11. Tsvetkov A. P. Homo Noosphericus as the Actualization of the Image of Homo Futurus [Homo noosphericus kak aktualizatsiya obraza homo futurus]. *Philosophy and Cosmology*, 2013, № 1 (11), Vol. 1, pp. 160–169.
12. Sheleykova N. I. The Eternal “Old-New” World Order [Vechnyy “staro-novyy” mirovoy poryadok]. Moscow, Belovode, 2015, 144 p.
13. Spengler O. Man and Technics [*Chelovek i tekhnika*]. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3131> (accessed 02 May 2017).
14. Yarkova E. N. Utilitarianism as a Type of Morality: The Experience of Conceptual Reconstruction [Utilitarizm kak tip npravstvennosti: opyt kontseptualnoy rekonstruktsii]. *Voprosy filosofii* (The Question of Philosophy), 2005, № 8, pp. 53–65.

УДК 130. 2

Функциональная теория культуры Б. Малиновского*

Выжлецов Павел Геннадиевич – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: vyzhletsov@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: +7 (812) 708-42-13.

Выжлецова Наталья Викторовна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра рекламы и современных коммуникаций, доцент, кандидат культурологии, доцент.

E-mail: maus72@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: +7 (812) 708-43-45.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Бронислав Малиновский является одним из основателей направления функционализма, а также современной социальной антропологии. Функциональный анализ применяется с целью строгого научного изучения феномена культуры. Однако выявление функциональных связей в культуре недостаточно для современного объективного знания.

Результаты: Малиновский разработал новый подход к изучению культуры, в котором практика полевых исследований сочетается с теоретическим анализом. Теоретическое осмысление эмпирических данных сводится к уяснению структуры наблюдаемых явлений и определению их функций. Функция в теории Малиновского – результат деятельности и действия некоторого явления в общественной и культурной жизни народа. Применение функционалистской методологии позволяет утверждать, что, во-первых, культура – инструментальный аппарат, с помощью которого человек оптимизирует свое взаимодействие с окружающей средой; во-вторых, культура – система участников, где каждая часть является средством для достижения индивидуальной цели; в-третьих, динамическое сотрудничество организованных групп служит основанием институционализации. Артефакты, организованные группы и символика – три измерения культурного процесса.

Область применения результатов: Учет различных аспектов интерпретации концепта культуры расширяет познавательные возможности в области антропологии, этнографии, этнологии, культурологии, теории культуры.

* © П. Г. Выжлецов, Н. В. Выжлецова, 2017

Выводы: Функционализм в научном творчестве Малиновского концептуализируется в теории культуры. Малиновский предложил функциональную (инструментальную) и институциональную дефиниции культуры. Культура – это единое целое, состоящее как из автономных, так и из согласованных между собой институтов. Назначение культуры состоит в интегративном удовлетворении человеческих потребностей.

Ключевые слова: антропология; культура; функция; институт; базовые и культурные потребности; религия; магия; миф.

Functional Theory of the Culture of B. Malinowski

Vyzhletsov Pavel Gennadievich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Associate Professor, Ph. D. (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: vyzhletsov@mail.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,
tel: +7 (812) 708-42-13.

Vyzhletsova Natalia Viktorovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertising and Modern communications, Associate Professor, Ph. D. (Theory of Culture), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: maus72@mail.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,
tel: +7 (812) 708-43-45.

Abstract

Background: Bronislaw Kasper Malinowski is one of the founders of functionalism, as well as modern social anthropology. Functional analysis is used for the purpose of rigorous academic study of the culture phenomenon. The identification of functional links in culture, however, is not sufficient for modern objective knowledge.

Results: B. Malinowski has developed a new approach to the study of culture, in which empirical research is combined with theoretical analysis. Theoretical interpretation of empirical data means the understanding of the structure of the phenomena observed and the definition of their functions. According to Malinowski's theory, the function is the result of the activity and action of some phenomenon in human social and cultural life. The application of the functionalist methodology allows us to state that, firstly, culture is an instrumental tool by means of which a person optimizes his/her interaction with the environment; secondly, culture is a system of participants, where each one is a means for achieving an individual goal; thirdly, the dynamic cooperation of organized groups serves as the basis for institutionalization. Artifacts, organized groups and symbols are the three dimensions of the cultural process.

Research implications: The consideration of various aspects of the interpretation of the culture concept expands cognitive capabilities in the field of anthropology, ethnography, ethnology, cultural studies, and cultural theory.

Conclusion: Functionalism in Malinowski's work is conceptualized in the theory of culture. Malinowski proposed a functional (instrumental) and institutional definition of culture. Culture is a single unity, consisting of both autonomous and coordinated institutions. The purpose of culture is to satisfy human needs in integrity.

Keywords: Bronislaw Malinowski; anthropology; culture; function; institution; basic and cultural needs; religion; magic; myth.

1. Понятие и отличительные особенности функционализма

Утверждение функционализма как направления в антропологии связано со смещением исследовательского интереса с проблем истории культуры на изучение культурных и социальных институтов. Указанные институты рассматривались в качестве структурных элементов культуры, и задача состояла в исследовании способов их функционирования, иначе говоря, в изучении функций культуры. Сама же культура выступала как нечто производное от структуры общественных отношений и связей. Такое понимание культуры сложилось под влиянием социологии Э. Дюркгейма [8, с. 18].

Родоначальники функционализма в области антропологии (Б. Малиновский и А. Рэдклифф-Браун) полагали, что явления культуры следует изучать по тем характеристикам, которые доступны наблюдению, т. е. с учетом их функции и формы. Поэтому функционализм выступил в качестве методологии полевых исследований и «сравнительного анализа культур» [8, с. 19]. Вместе с тем представители данного направления не считали, что оно противоречит как эволюционизму, так и диффузионизму.

В настоящее время, в частности, предлагается следующее определение направления: «*Функционализм ... теоретико-методологическое направление в социальной антропологии и социологии, представители которого исходят из общего допущения, что изучаемые ими явления являются элементами (частями, подсистемами) более широких целостных образований (систем) и связаны особой (функциональной) связью с этими целостностями или другими их элементами*» [7, с. 176].

Иначе говоря, акцент делается на изучении элементов культуры либо как частей культурной системы (структуры), либо как их функций.

Само название направления происходит от термина «функция». Развернутые теории, разрабатывавшие варианты функционального подхода, появились в социальных науках в XIX в.: они создавались преимущественно в русле становящегося социологического знания такими мыслителями, как О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм.

О. Конт и Г. Спенсер вследствие активного развития биологии во второй половине XIX в. использовали так называемую «органицистскую аналогию». Известно, что Г. Спенсер, понимал общество как «организм», который объединял в себе множество элементов. При этом он понимал под обществом нечто «целое», утверждая, что «жизнь целого складывается из комбинаций деятельности его составных частей» [7, с. 177]. На этом основании функция

определялась как «особый вид деятельности, выполняемый частью, внутри целого» [7, с. 177].

Г. Спенсер разработал понятие «функциональной взаимозависимости» частей, утверждая, что существование функций неотделимо от структур. В целом, Г. Спенсер заложил основания функционалистского терминологического аппарата (термины «структура», «функция» и др.) и оказал принципиальное влияние на развитие функционального подхода.

Э. Дюркгейм, в свою очередь, попытался избавиться как от биологизированной модели общества, так и от приписывания обществу некоторой заранее заданной цели развития, т. е. телеологизма (в частности, у О. Конта конечной целью развития общества выступало удовлетворение потребности в достижении согласия). Э. Дюркгейм, пытаясь преодолеть подобные представления, настаивал на том, что для постижения «корней» явлений, нужно их изучать с точки зрения «функций». Французский мыслитель считал, что общественные явления «не существуют для достижения полезных результатов», хотя и приводят к ним. Исследователи отмечают, что «под “функцией” он понимал “отношение соответствия”, существующее между социальным фактом и некоторой “социальной потребностью”» [7, с. 177]. При этом «социальный факт» (например, обычай или общественный институт) не обязательно выполнял какую-то функцию.

Э. Дюркгейму было присуще также антипсихологическое понимание функции: «Функция социального факта может быть только социальной, т. е. она заключается в создании социально полезных результатов» [7, с. 178]. Исследователи утверждают, что именно в связи с этим положением возникли принципиальные разногласия между Б. Малиновским и А. Рэдклифф-Брауном: первый от него отказался, а второй его воспринял [7, с. 178].

Функционализм утвердился в качестве «господствующей парадигмы» [7, с. 179] в социальной антропологии в Великобритании в 1920-х годах.

2. Интеллектуальная биография Б. Малиновского

Бронислав Каспар Малиновский (1884–1942), наряду с А. Рэдклифф-Брауном, – один из основателей современной британской социальной антропологии и родоначальник функционализма как направления в этой научной дисциплине.

В качестве основных можно назвать следующие его работы: «Семья у аборигенов Австралии. Социологическое исследование» (1913), «Аргонавты Западной части Тихого океана» (1922), «Функциональная теория» (1939), «Научная теория культуры» (1944).

Б. Малиновский родился в Кракове в профессорской семье. Их дом был центром культурной жизни местной интеллигенции, которую составляли не только философы и поэты, но и краеведы [6, с. 1218]. Малиновский закончил физико-математическое отделение Краковского университета и в 1908 г. защитил магистерскую диссертацию по специальности. В том же году он уехал в г. Лейпциг с целью изучения физики и химии. Однако на протяжении двух лет, проведенных там, Малиновский занимался главным образом социальными

науками. По-видимому, на подобную смену исследовательских интересов оказали влияние как семья, ближайшее окружение, так и знакомство еще в Кракове с работой Дж. Фрэзера «Золотая Ветвь», которая пробудила в нем интерес к антропологии.

Становление Малиновского как антрополога существенным образом связано с К. Бюхером и В. Вундтом. В Лейпциге он слушал лекции Бюхера по экономике древних обществ и посещал лабораторию экспериментальной психологии Вундта. Последнего считали не только прогрессивным исследователем в области психологии, но также крупным специалистом в области духовной культуры архаических обществ [6, с. 1218].

Под влиянием К. Бюхера у Малиновского сформировался интерес к экономической жизни первобытных обществ. Поэтому Малиновского иногда называют родоначальником экономической антропологии [6, с. 1218]. Идеи же В. Вундта определили общий психологический характер его теории культуры и выбор методов анализа фактических данных.

В 1910 г., покинув Лейпциг, Малиновский стал аспирантом Школы экономических и политических наук Лондонского университета (ЛШЭПН), которая тогда была основным центром английских социологических исследований. В ней разрабатывались также проблемы социальной антропологии.

В Лондоне, под руководством Э. Вестермарка, выдающегося специалиста по семейно-брачным отношениям в первобытном обществе, Малиновский создал труд «Семья у аборигенов Австралии» (1913), касающийся вопросов семьи и брака у коренного населения Австралии. За эту работу он был удостоен ученой степени доктора наук.

Благодаря знакомству с представителями так называемой Кембриджской школы в антропологии, в частности с Дж. Фрэзером, Малиновский утвердился в мысли, что антропологии требуется придать экспериментальный характер [6, с. 1218].

Несмотря на слабое здоровье, в мае 1915 г. он отправился в экспедицию на Тробрианские острова, расположенные к востоку от Новой Гвинеи. На этих островах антрополог провел более двух лет, и полученный опыт определил как его научную судьбу, так и в некоторой степени развитие антропологии. В связи с этим в британской научной традиции появился афоризм: «Социальная антропология началась на Тробрианских островах в 1915 году» [6, с. 1219].

В 1918 г. Б. Малиновский вернулся в Лондон, где на основе полученного опыта создал работу «Аргонавты Западной части Тихого океана» (1922). Причем эта книга стала первой частью «тробрианского корпуса» – целой серии монографий, составивших более 2500 страниц [6, с. 1219]. Полевые исследования на Тробрианских островах вызвали к жизни определенные выводы как теоретического, так и методологического характера.

Теоретическим путем Малиновский пришел к убеждению о необходимости целостного изучения культуры, иначе говоря, любой ее элемент можно понять, лишь соотнося его с культурой в целом. Так, считая «обязанностью» полевой этнографии (антропологии) «обнаружение всех

правил и закономерностей племенной жизни» [3, с. 30], он утверждал, что «...этнограф должен исследовать все пространство племенной культуры *во всех ее аспектах*. Та логичность, закономерность и упорядоченность, которые достигаются в границах каждого аспекта культуры, должны присутствовать и для того, чтобы соединить их в одном неразрывном целом» [3, с. 29].

Малиновский разработал методологический прием такого включенного наблюдения, которое, с его точки зрения, позволяет увидеть мир глазами местных жителей. С этой целью он жил в палатке среди хижин меланезийцев, старался участвовать в их повседневной жизни и деятельности, уделял принципиальное внимание изучению местного языка. Причем уже на третий месяц пребывания на Тробрианских островах антрополог мог объясняться на меланезийском, а к концу экспедиции вести беглую запись на этом языке. Он сформулировал также основные принципы метода полевого исследования: «Принципы нашего метода можно свести к трем основным требованиям: во-первых, исследователь ... должен ставить перед собой ... научные цели и знать те ценности и критерии, которыми руководствуется современная этнография. Во-вторых, он должен создавать для себя хорошие условия работы, то есть ... держаться подальше от белых людей и жить прямо среди туземцев. И, наконец, он должен пользоваться несколькими специальными методами собирания материалов, их рассмотрения и их фиксации» [3, с. 25]. При этом он уточнял: «...третья заповедь полевого исследования гласит: «Установи типичные способы мышления и чувствования, соответствующие институтам и культуре данного общества и как можно убедительней сформулируй результаты» [3, с. 41].

Кроме того, в указанной работе Малиновский разработал то, что называют программой этнографического (социально антропологического) исследования, включавшей в себя как теоретические и методологические аспекты, так и конечную «цель» научной работы в этой области.

Подводя итоги, он писал: «Итак, наши соображения показывают, что к цели этнографических исследований необходимо идти тремя путями.

1) *Организация племени и анатомия его культуры* должны быть представлены со всей определенностью и ясностью. Метод *конкретного статистического документирования* является тем средством, которым это должно быть достигнуто.

2) Эти рамки следует наполнить содержанием, которое складывается из *случайных, не поддающихся учету и определению факторов ... действительной жизни и типов поведения*. Они должны собираться путем тщательных, детализированных наблюдений в форме своего рода этнографического дневника, что становится возможным благодаря тесному контакту с жизнью туземцев.

3) Собрание этнографических высказываний, характерных повествований, типичных выражений, фольклорных элементов и магических формул должно быть представлено как ... документ туземной ментальности.

Эти три пути ведут к той конечной цели... Суммируя, можно сказать, что этой целью является осмысление мировоззрения туземца, отношение аборигена к жизни, понимание *его* взглядов на *его* мир» [3, с. 42].

Такая научная установка Малиновского была воспринята как программа радикальных преобразований в области социальной антропологии, предполагающих, что она должна превратиться, как утверждали исследователи, «...из умозрительной... науки о прошлом, в дисциплину, обладающую экспериментальными методами изучения настоящего» [6, с. 1219].

Наряду с работой «Аргонавты...» и лекционными курсами в Школе экономических и политических наук для развития социальной антропологии особое значение имел основанный Малиновским в 1924 г. семинар для аспирантов, которые готовились к работе в полевых условиях, в частности, в британских колониях.

На семинаре под его руководством прошли специальное обучение и начали научную деятельность такие ведущие антропологи, как Э. Эванс-Причард, М. Глакмен и др. Принципиально то, что молодые ученые ориентировались на «новый научный тип деятельности», основы которого были заложены Малиновским. Они включали в себя «методологические идеи», «стиль полевой работы» [6, с. 1221], способ истолкования фактических данных, совокупность изучаемых проблем. Под влиянием Малиновского главным условием научной деятельности антрополога стало проведение полевых исследований, которые требовалось совмещать с теоретическим осмыслением полученных данных.

На протяжении длительного времени научная деятельность Малиновского была связана со Школой экономических и политических наук Лондонского университета, хотя одновременно он читал лекции и в других городах Европы (в Женеве, Вене, Риме и др.), а также совершал кратковременные научные экспедиции (в США и Южную Африку). В 1936 г., будучи в США, Малиновский был удостоен звания почетного доктора Гарвардского университета. Двумя годами позже он приехал в Америку для лечения и остался там, приняв приглашение Йельского университета. Это решение было вызвано сложностями, связанными с началом второй мировой войны, но в большей степени изменившимся отношением к Малиновскому учеников, в частности, М. Глакмена. Последние были не согласны с некоторыми его идеями, например, «антиисторизмом», «механистическим» подходом к теме взаимодействия европейских и африканских культур, проявившемся в поздних статьях [6, с. 1221]. В силу таких обстоятельств признанным лидером британской социальной антропологии стал А. Рэдклифф-Браун.

3. «Функциональный анализ культуры»

Функционализм как направление в антропологии, а также как подход к культуре, разработанный Малиновским, основывался на определении понятия «функция». Функционализм как научная теория и методологическая установка был обозначен Малиновским в работах «Функциональная теория» (1939), «Научная теория культуры» (1944). При этом исследователи отмечают, что эти

работы носили «формально-абстрактный» [7, с. 180] характер – в отличие от других, содержащих этнографический материал и последующие обобщения, например, «Аргонавты...».

В работе «Функциональная теория» ученый пришел к заключению, что «функционализм ... вовсе не враждебен ни изучению распределения культурных явлений, ни реконструкциям прошлого, с точки зрения эволюции, истории или диффузии. Он лишь настаивает на том, что пока мы не определили функции и форму явлений культуры, мы можем прийти к таким фантастическим эволюционным схемам, как выдуманные Морганом... <...> Таким образом, функциональная школа настаивает, что функционализм в принципе пригоден в качестве метода для предварительного анализа культуры и предоставляет антропологу... работающие критерии для сопоставления явлений культуры» [5, с. 144].

Термину «функция» Малиновский придавал, в первую очередь, «описательное» значение, связывая его с новыми исследовательскими перспективами. Поэтому он определял функцию в самом общем виде как результат деятельности и действия некоторого явления в общественной и культурной жизни народа. Функции приписывались не только результатам деятельности, но также группам и институтам.

В отличие от Рэдклифф-Брауна, Малиновский связывал функцию с «удовлетворением потребности»: «... функция всегда означает удовлетворение некоторой потребности, от простейшего акта еды до священного ритуала» [7, с. 181]. И еще одна особенность функции состояла в ее взаимосвязи с культурой.

Здесь необходимо подчеркнуть то, что именно культуру Малиновский считал предметом исследования социальной антропологии. При этом некоторые исследователи полагают, что «общетеоретические воззрения Малиновского», которые получили название «функционализм», наиболее полно изложены в книге «Научная теория культуры» [6, с. 1219]. Разрабатывая обобщенную теорию культуры, он пытался дать ответ на ряд вопросов: «Как поддерживается интегральная целостность культуры, каковы цели и потребности, удовлетворению которых служит аппарат культуры, и каков механизм процесса удовлетворения этих потребностей?» [6, с. 1219].

По мнению Б. Малиновского, его функциональной теории надлежит быть теорией культуры. Функциональная теория должна «способствовать тому, чтобы культура, как, по сути, основной объект антропологии и этнологии ..., была подвергнута строгому научному способу рассмотрения», и послужить всем другим науками о человеке [11, с. 815].

С точки зрения Малиновского, «...теория культуры должна изначально основываться на биологических факторах». Иначе говоря, он исходил из того, что человеческая природа носит биологический характер: «В совокупности человеческие существа представляют собой биологический вид. Они вынуждены выполнять элементарные требования, чтобы выжить, чтобы их род продолжился, а здоровье каждого представителя... поддерживалось в норме» [5, с. 41]. Более того, он подчеркивал, что «...физиология трансформируется в

знания, верования и социальные узы» [5, с. 89]. Подобная установка привела к тому, что теория культуры у Малиновского определялась концепцией потребностей, из которых главными становились биологические, т. е. «органические» потребности. Он писал: «Прежде всего, понятно, что органические, базовые потребности индивида и человеческого рода в целом определяют минимальный набор требований, налагающий ограничения на всякую культуру» [5, с. 41–42].

В целом же Малиновский классифицировал всю совокупность человеческих потребностей по двум группам: «*органические, или базовые*» (т. е. «*потребности тела*») и «*производные*» («*культурные*») [5, с. 42]. К первой группе, в частности, относились такие потребности, как питание, продолжение рода, соблюдение гигиены. Указанные потребности удовлетворяются благодаря «...созданию новой, вторичной искусственной среды. Эта среда... собственно, и есть культура...» [5, с. 42]. В результате возникновения культуры формируется «культурное качество жизни», которое порождает вторую группу потребностей, обозначаемую как «производные» («культурные»). При этом «культурное качество жизни» находится в зависимости «...от культурного уровня сообщества, окружающей среды и производительности группы» [5, с. 42].

В свою очередь потребности, вызванные к жизни культурной деятельностью человека, ученый-антрополог подразделил на «инструментальные императивы» и «интегративные императивы», предполагая, что они требуют исполнения. Он подчеркивал: «...мы сможем различить инструментальные императивы, вытекающие из экономической, нормативной, образовательной и политической деятельности, и интегративные императивы, к которым можно отнести науку, религию и магию» [5, с. 42]. Последние императивы связывались со «сферой символизма».

Некоторые современные исследователи считают, что «определение функций через потребности» вовлекало концепцию Малиновского в некоторый «порочный круг» повторения того же самого. Кроме того, культура здесь понималась как «инструментально», т. е. выступала способом удовлетворения потребностей, так и «функционально», т. е. как «целостная единица» [7, с. 182].

Стремясь уточнить и конкретизировать свой подход, Малиновский дополнил «функциональный анализ культуры» институциональным, избрав при этом «институты» в качестве таких единиц [7, с. 182] культуры, которые выделялись аналитически. Определяя понятие «институт» он, в частности, констатировал: «Я предлагаю называть единицу организации в человеческом сообществе ... термином “институт”. Это понятие подразумевает соглашение по поводу некоторого ряда традиционных ценностей, которые объединяют группу людей» [5, с. 43]. Институты складываются вокруг некоторых потребностей и осуществляют определенные функции в культуре [7, с. 182].

Малиновский был убежден, что институты не связаны с какой-то одной потребностью, а осуществляют интегральное их удовлетворение. На этом основании он определял культуру и через институты: «Наши два типа анализа, функциональный и институциональный, позволят нам определить более

точно... что такое культура. Культура – это единое целое, состоящее частью из автономных, частью из согласованных между собой институтов» [5, с. 44]. Предназначение культуры состоит в удовлетворении всего «спектра» человеческих потребностей.

Таким образом, «функциональный анализ культуры» основывался на понятии «функция», трактуемой довольно широко, а сама процедура анализа предполагала «определение функции» явления, например, оценку положения группы по отношению к социальному целому.

Малиновский определил также ряд «общих аксиом функционализма», в которых раскрывает свое понимание концепта «культуры»:

«А. Культура, по... сути, представляет собой инструментальный аппарат, с помощью которого человек становится способен лучше справляться со специфическими конкретными проблемами, встающими перед ним в ходе его взаимодействия со средой с целью удовлетворения своих потребностей.

Б. Она является такой системой участников, видов деятельности и отношений, где каждая часть существует как средство для достижения определенной цели.

В. Она является целостным образованием, разные элементы которого взаимозависимы.

Г. Составляющие культуру виды деятельности, отношения и участники решения различных жизненно важных задач организованы в институты, такие, как семья, клан, локальная группа и организованные группы для сотрудничества в хозяйственной области, для политической, юридической и образовательной деятельности.

Д. С динамической точки зрения, то есть с учетом типов деятельности, культура может быть разделена на ряд аспектов, таких как, образование, социальный контроль, экономика, системы познания, верований и морали, а также виды творческого и художественного выражения» [5, с. 127–128].

Далее он определил понятие «культурный процесс»: «В любом из своих... проявлений культурный процесс... включает в себя людей, находящихся в определенных отношениях друг к другу, а это значит, что они... организованы, используют артефакты и общаются друг с другом с помощью речи или иных символических средств. Артефакты, организованные группы и символика – три тесно связанных между собой измерения культурного процесса» [5, с. 128].

В целом же, как подчеркивают исследователи, «биопсихологическая трактовка культуры», сформулированная в поздних работах, не является исчерпывающей для взглядов Малиновского. Так, понимание культуры, раскрытое им в трудах этнографического характера, демонстрирует, в частности, что родственные отношения выступают скорее в качестве основы «всех видов деятельности тробрианцев» [6, с. 1220], чем в виде биологических характеристик.

Например, с точки зрения Малиновского, именно земледелие определяет социально-экономические отношения в меланезийском обществе, которые носят как родственный, так и общинный характер (деревенская община, группа деревень под властью вождя).

В процессе изучения родственных взаимоотношений он сформулировал «принцип взаимности», который понимал как основу этих отношений и универсальную черту социальной жизни примитивных обществ. Антрополог считал, что у каждого человека есть «партнер по обмену», и они зачастую являются родственниками. В результате именно обмен утверждает совокупность общественных связей. Отношения между родственниками обуславливают обмен ценностями и услугами, предполагающий строгое следование «принципу взаимности», т. е. ряду взаимных обязательств между человеком и его отцом, матерью, братом.

Малиновский разработал специальную методику изучения родственных отношений, которая включала в себя несколько подходов: «лингвистический», «биографический», «генеалогический», «пищевой» и др. Эти подходы концентрировали внимание на изучении специфических аспектов в отношениях между родственниками. Например, «пищевой» подход предполагал выявление в родственных отношениях значения приготовления и принятия пищи. Последующее развитие антропологии подтвердило обоснованность и перспективность указанных подходов [6, с. 1220].

4. Проблемы религии, магии и мифологии

Следует обратить внимание на научный вклад Малиновского в разработку проблематики религии, магии и мифологии. Считается, что он внес ряд инновационных идей в области изучения ранних форм религии. Согласно Малиновскому, природа магии и религии определяется сферой «священного», которую он выводил из психологии индивида, а не из общественного сознания. Поэтому магия и религия осмысливались им как определенные «культурные соответствия», которые служат способом удовлетворения некоторых биологических и психических потребностей человека. На этой основе антрополог построил свою «прагматическую теорию» религии, магии и мифологии. Он исходил из представления о том, что возможности человека в примитивном обществе довольно ограничены. Поэтому человек этого общества ищет тех средств, которые могут дополнить его знания и технические орудия в области управления силами природы. Так возникает магия, выступающая в качестве особого знания, с помощью которого человек стремится исполнить, хотя бы иллюзорным образом, свои желания [6, с. 1220].

Малиновский одним из первых обратил внимание на противоречивость и отсутствие единой системы религиозных представлений в «примитивном» обществе. Под «примитивными» обществами могут пониматься догосударственные и раннегосударственные общества, существующие и в нынешнее время.

Ученый поставил задачу создания специального метода исследования таких представлений. Например, изучая воззрения тробрианцев о душах и духах мертвых («балома»), Малиновский обнаружил, что они весьма бессвязны, так как местные жители не могут выразить «собственной ментальной установки». Он попытался описать их косвенным образом, полагая, что «все люди, даже те, которые не смогли сказать, что они думают о возвращении

*балом*а и что они чувствуют по отношению к этим духам, тем не менее вели себя, следуя... традиционным правилам и соблюдая... каноны эмоциональных реакций, и эти правила и каноны... отражали туземные ментальные установки, связанные с верой в *балом*а» [4, с. 228]. Именно это положение стало ведущим принципом при изучении и интерпретации магической и религиозной жизни тробрианцев.

Вклад Малиновского в изучение мифологии был настолько значительным, что современники восприняли его как революционный. Именно он представил мифологию примитивного общества в совокупности многообразия осуществляемых ею функций [6, с. 1221]. Согласно Малиновскому, «...в примитивной культуре миф выполняет незаменимую функцию: он выражает, укрепляет и кодифицирует веру; он оправдывает и проводит в жизнь моральные принципы; он подтверждает действенность обряда и содержит практические правила, направляющие человека. Таким образом, миф является существенной составной частью человеческой цивилизации; это не праздная сказка, а активно действующая сила, не интеллектуальное объяснение или художественная фантазия, а прагматический устав примитивной веры и нравственной мудрости» [4, с. 99]. С точки зрения исследователей, здесь миф «...выступает как регулятор общественной деятельности в условиях бесписьменного общества» [6, с. 1221].

Малиновскому принадлежит идея взаимосвязи мифологии и магии. Магический обряд, согласно его воззрениям, представлял собой часть мифа. Он пришел к выводу, что тробрианцы прибегают к магическим процедурам, потому что таким образом ведут себя священные персонажи из их мифов. Осуществляя магическое заклинание, местные жители не только приобщаются к священному, но и переходят в особое мифологическое пространство и время, где действуют специфические законы, и человеку помогают «духи предков, культурные герои» [6, с. 1221].

Разрабатывая данную проблематику, ученый раскрыл функциональную взаимосвязь магии с хозяйственной жизнью и общественной организацией, т. е. с основными формами жизнедеятельности тробрианцев. Подчеркивалось, что магия неотделима от земледелия, что отражается в следующем примере: «В системе земледельческой магии Омараканы насчитывается десять магических заклинаний, каждое связано с определенным видом работ: одно произносится при разметке земли, на которой будет возделан новый огород, другое – во время обряда, с которого начинается вырубка зарослей, третье – при ритуальном сжигании срубленного и высушенного леса и т. д. Из этих десяти заклинаний в трех есть упоминание о *балом*а предков» [4, с. 189]. При этом Малиновский обнаружил «парадоксальную раздвоенность в сознании тробрианцев» [6, с. 1220]. С одной стороны, они отдают себе отчет и могут разумным образом объяснить те условия и действия, которые необходимы для получения удачного урожая, с другой, они убеждены, что без совершения магических обрядов хороший урожай получить невозможно, ссылаясь на миф, в котором культурный герой осуществляет обряд. Согласно Малиновскому, причина «раздвоенности» состоит в том, что магия посредством обряда

связывает «сверхъестественные» способы управления и «естественный ход вещей». Иначе говоря, магическое действие осуществляет взаимосвязь мифологии, включающей в себя как длительный опыт возделывания растений, так и организации коллективного взаимодействия, с конкретным земледельческим трудом. Поэтому тробрианские маги могут одновременно отвечать за проведение магических обрядов, способствующих росту ямса и организовывать коллективный труд, стоя во главе его участников [6, с. 1220–1221].

В заключение следует представить оценку научного творчества Малиновского его коллегами – выдающимися антропологами.

Так, К. Леви-Стросс утверждал, что Б. Малиновский внес важнейший вклад в развитие общественных наук: «Он был первым антропологом, который... сумел связать воедино две самые революционные области современной науки – этнологию и психоанализ» [2, с. 16]. С этих позиций Малиновский «придал новый импульс психоанализу», благодаря тому, что подчинил «психологическую биографию индивида стереотипам культуры, которая его формировала», а не искал какого-то «универсального психического начала», как делали последователи З. Фрейда. Кроме того, согласно Леви-Строссу, «он... был первым, кто выработал особый... индивидуальный подход к примитивному обществу – ...в основу которого положены не отвлеченные чисто научные интересы, но... – подлинные человеческие симпатия и понимание. Он безоговорочно принял туземцев, чьим гостем он был...» [2, с. 16].

Вместе с тем Леви-Стросс высказывает и свое критическое отношение: «Собственно теоретические сюжеты в работах Малиновского дают повод для серьезной критики. Этот замечательный в своей конкретности ум отличался... почти абсолютным пренебрежением и к исторической перспективе, и к артефактам материальной культуры» [2, с. 16].

Идея Малиновского, что «факт становится фактом культуры тогда, когда индивидуальный интерес перерастает в систему организованных действий, принятых в том или ином обществе» [9, с. 38], вызвала резкую критику Л. Уайта. По мнению последнего, в основе культуры лежит не организованность действий, а способность человека к символизации и отсюда – рассмотрение действий и вещей в экстрасоматическом контексте.

Э. Эванс-Причард отмечал, что он сам и Р. Фёрс были первыми «антропологическими» учениками Б. Малиновского. Эванс-Причард подчеркивал: «Справедливо отметить, что детальные полевые исследования, проведенные к настоящему времени в антропологии, прямо или косвенно проистекают из учения Малиновского...» [10, с. 240], причем последний впервые начал специально изучать язык местных жителей, что способствовало лучшему пониманию их культуры.

Одновременно Эванс-Причард сурово критикует Малиновского как теоретика, отказывая ему в способности к «абстрактному анализу» социальных явлений, вследствие чего у него не было представления о «структуре». Он пишет: «Но сравнительный метод... требует определенного понятия о

“системе” или “структуре”. Мы не сравниваем мышь и кита как конкретные объекты – мы сравниваем их анатомическое строение и физиологию. Точно так же мы сравниваем не институты различных обществ как таковые, а скорее их отдельные аспекты и черты, т. е. абстракции» [10, с. 241–242]. Поэтому Эванс-Причард сравнивает одну из работ Малиновского с «сочинением в жанре “социологического романа”, подобного тем, что писал Золя» [10, с. 240–241].

Эванс-Причард занимает критическую позицию относительно Малиновского также и за то, что последний следовал образцу естественных наук, в то время как он сам ориентируется на идеал исторических наук.

В настоящее время А. К. Байбурин особенно подчеркивает выдающийся научный вклад Б. Малиновского: «...именно с работ Малиновского начинается новый отсчет времени не только в антропологии, но и во всех тех областях научного знания, для которых значимо понятие культуры. Ему удалось сделать, может быть, самое сложное в науке – изменить взгляд на природу культуры, увидеть в ней не просто совокупность составляющих ее элементов, а систему, соответствующую фундаментальным потребностям человека. Новая точка зрения породила новое направление, для которого главными стали вопросы “зачем, почему, для чего существует?” или “какова функция?” ...явления культуры» [1, с. 6].

Байбурин, сделав обобщение различных подходов к научному наследию и личности Малиновского, выделил три «образа» последнего. Первые два образа сложились в антропологической традиции, где он воспринимается как «блестящий этнограф», и «как теоретик, идеи которого стали объектом критики еще при его жизни». Причем, с точки зрения А. К. Байбурина, работам Малиновского был присущ «редкий баланс теории и практики» [1, с. 6; 7]. Третий же образ – «образ Учителя», был создан его учениками. В конечном счете, упомянутые «три вида деятельности» выступали у Малиновского как взаимосвязанные [1, с. 9].

Заключение

Итак, Б. Малиновский представил свою функциональную теорию как теорию культуры. Функциональный анализ послужил строгому научному рассмотрению культуры как основному объекту антропологии и этнологии. При этом даже в таком систематизирующем исследовании как «Культура: критический обзор понятий и определений» А. Кребера и К. Клакхона (1952) не учтены все аспекты концепта культуры у Б. Малиновского [11, с. 815].

В своих определениях культуры Малиновский опирался на предшествующую научную традицию, в первую очередь на идеи Э. Тайлора. Поэтому культура выступала у него как совокупность взаимосвязанных элементов («целостное образование»): институтов, продуктов, идей, привычек, ценностей, технических процессов и т. д. Малиновский не отделял культуру и социальную структуру так четко, как это делал Рэдклифф-Браун: у первого из названных социальную организацию следует понимать лишь как часть культуры [11, с. 815].

Культура, по Малиновскому, есть вторичная искусственная среда («инструментальный аппарат»), позволяющая удовлетворять базовые потребности.

Малиновский дополнил функциональный анализ культуры институциональным и конкретизировал его. Институты как единицы организации складываются вокруг некоторых потребностей и осуществляют определенные функции в культуре. Они не связаны с какой-то одной потребностью и осуществляют их интегральное удовлетворение.

Таким образом, Малиновский сформулировал несколько дефиниций культуры, функциональную (инструментальную) и институциональную, которые следует рассматривать во взаимосвязи.

Список литературы

1. Байбурин А. К. Бронислав Малиновский и его «Научная теория культуры» // Б. Малиновский / Научная теория культуры. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – С. 6–9.
2. Леви-Стросс К. Бронислав Малиновский // Б. Малиновский / Магия, наука и религия. – М.: Рефл-бук, 1998. – С. 16–17.
3. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 552 с.
4. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
6. Никишенков А. А. Малиновский Бронислав Каспар // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – Т. 1. – С. 1218–1222.
7. Николаев В. Г. Функционализм // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 176–191.
8. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология: Состояние и динамика развития // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 11–28.
9. Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 17–48.
10. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. – М.: Восточная литература, 2003. – 358 с.
11. Sterly J. Das Kulturkonzept Bronislaw Malinowskis. Eine kritische Prüfung // Anthropos. – Bd. 62. – H. 5 / 6. – 1967. – S. 815–822.

References

1. Bayburin A. K. Bronislaw Malinowski and His “The Scientific Theory of Culture” [Bronislaw Malinowski i ego “Nauchnaya teoriya kultury”]. In

B. Malinowskiy. *Nauchnaya teoriya kultury* (The Scientific Theory of Culture). Moscow, OGI, 2005, pp. 6–9.

2. Levi-Strauss C. Bronislaw Malinowski [Bronislaw Malinowskiy]. In B. Malinowskiy. *Magiya, nauka, religiya* (Magic, Science, and Religion). Moscow, Refl-buk, 1998, pp. 16–17.

3. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific [*Izbrannoe: Argonavy zapadnoy chasti Tichogo okeana*]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004, 552 p.

4. Malinowski B. Magic, Science, and Religion [*Magiya, nauka, religiya*]. Moscow, Refl-buk, 1998, 304 p.

5. Malinowski B. The Scientific Theory of Culture [*Nauchnaya teoriya kultury*]. Moscow, OGI, 2005, 184 p.

6. Nikishenkov A. A., Levit S. Y. (Ed.) Malinowski Bronislaw Kasper [Malinowskiy Bronislaw Kaspar]. *Kulturologiya: entsiklopediya: V 2 t. T. 1* (Culturology: Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 1). Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2007, pp. 1218–1222.

7. Nikolaev V. G., Reznik Y. M. (Ed.) Functionalism [Funkcionalism]. *Sotsiokulturnaya antropologiya: istoriya, teoriya imetodologiya: Entsiklopedicheskiy slovar* (Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary). Moscow, Akademicheskiy Proekt, Kultura; Kirov, Konstanta, 2012, pp. 176–191.

8. Orlova E. A., Reznik Y. M. (Ed.) Cultural (Social) Anthropology: State and Dynamics of development [Kulturnaya (sotsialnaya) antropologiya: Sostoyanie i dinamika razvitiya]. *Sotsiokulturnaya antropologiya: Istoriya, teoriya imetodologiya: Entsiklopedicheskiy slovar* (Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary). Moscow, Akademicheskiy Proekt, Kultura; Kirov: Konstanta, 2012, pp. 11–28.

9. White L. A. The Concept of Culture [Ponyatie kultury]. *Antologiya issledovaniy kultury. Interpretatsii kultury* (Anthology of Culture Research. Interpretations of Culture). Saint Petersburg, SPbGU, 2006, pp. 17–48.

10. Evans-Pritchard E. A History of Anthropological Thought [*Istoriya antropologicheskoy mysly*], Moscow, Vostochnaya literatura, 2003, 358 p.

11. Sterly J. Das Kulturkonzept Bronislaw Malinowskis. Eine kritische Prüfung. *Anthropos*, Bd. 62, H. 5 /6, 1967, S. 815–822.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 113; 141.2; 502.31

А. Л. Чижевский – титан эпохи русского Возрождения и гений, рожденный в «пламени» Великой Октябрьской социалистической революции*

*(доклад, прочитанный на юбилейных Чтениях, посвященных 120-летию
А. Л. Чижевского в Русском географическом обществе 29 марта 2017 года;
посвящается 100-летию Великого Октября)*

Субетто Александр Иванович – Автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования «Смольный институт Российской академии образования», советник ректора, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ, Президент Ноосферной общественной академии наук, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: subal1937@yandex.ru

195197, Россия, Санкт-Петербург, Полюстровский проспект, д. 59,
тел.: +7(812) 541-11-11.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Имя и идеи Александра Леонидовича Чижевского известны как в России, так и за ее пределами. Его часто сравнивают с такими великими русскими учеными, как Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский. Однако детальная оценка его места в истории отечественной науки еще не дана.

Результаты: Главные идеи гелиокосмической философии А. Л. Чижевского стали результатом развития русского космизма и легли в основу современного учения о ноосфере (ноосферологии). Эти идеи можно свести к семи основным группам:

- (1) раскрытие особой роли солнечно-биосферных связей в циклической динамике живого вещества биосферы;
- (2) доминанта циклического, или ритмологического мировоззрения;
- (3) «энергетический космизм», раскрывший связь между космической, особенно солнечной энергией и энергией психических и социальных процессов;
- (4) реабилитация идеи зависимости деятельности человека и общества от природных влияний;
- (5) холизм космического мышления, идея гармонии как главного основания организации мироздания и его разумной части – человека, общества;

* © А. И. Субетто, 2017.

(6) универсальный эволюционизм, объединяющий в себе идеи цикличности, спиральности развития и полидетерминизма;

(7) соединение идей космизма и ноосферизма в наметившейся у А. Л. Чижевского концепции космоноосферы.

Область применения результатов: Исследование создает предпосылки для анализа внутренней связи и преемственности между дополняющими друг друга социально-философскими концепциями – идеями Великой Октябрьской социалистической революции, русского космизма и современного ноосферизма.

Выводы: А. Л. Чижевский входит в когорту гигантов русского Возрождения, обосновавших идеал ноосферного социализма и ноосферизма, то есть единственно возможную модель устойчивого развития цивилизации. Эта модель управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества. Идеи Чижевского продолжают развитие социальной концепции, предложенной Великой Октябрьской социалистической революцией – отказ от ценностей частной собственности и поиск пути гармоничного развития природы, общества и ноосферы.

Ключевые слова: Александр Леонидович Чижевский; русский космизм; ноосферный социализм; Великая Октябрьская социалистическая революция; история русской науки.

A. L. Chizhevsky – the Titan of the Russian Renaissance and the Genius, Born in the Epoch of the Great October Socialist Revolution

Subetto Alexander Ivanovich – Smolny Institute of Russian Academy of Education, rector's adviser, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Ph. D in Technology, Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: subal1937@yandex.ru

59, Polustrovsky prospect, Saint Petersburg, Russia, 195197,

tel: +7(812)541-11-11.

Abstract

Background: The name and ideas of Alexander Leonidovich Chizhevsky are known both in Russia and abroad. He is often compared with such great Russian scientists as D. I. Mendeleev, V. I. Vernadsky, K. E. Tsiolkovsky. However, a detailed assessment of his place in the history of Russian science has not been made yet.

Results: The main ideas of heliocosmic philosophy of A. L. Chizhevsky were the result of the development of Russian cosmism and formed the basis for the co-temporal doctrine of the noosphere (noospherism). These ideas can be classified into seven main groups:

(1) The explanation of the crucial role of solar-biospheric relationships in the cyclic dynamics of living matter in the biosphere;

- (2) The dominant of a cyclic, or rhythmological, worldview;
- (3) “Energy cosmism”, revealing the connection between cosmic, solar energy in particular, and the energy of mental and social processes;
- (4) Rehabilitation of the idea of the dependence of human and social activities on natural influences;
- (5) The holism of cosmic thinking, the idea of harmony as the main basis of the universe organization and its rational part-man, society;
- (6) Universal evolutionism, formulating the ideas of the cyclic character, the helicity of development and polydeterminism;
- (7) A combination of the ideas of cosmism and noospherism in the conception of the cosmosphere developed by A. L. Chizhevsky.

Research Implications: The study creates prerequisites for analyzing the internal connection and continuity between complementary social and philosophical concepts, i. e. the ideas of the Great October Socialist Revolution, Russian cosmism and modern noospherism.

Conclusion: A. L. Chizhevsky is one of the giants of the Russian Renaissance who substantiated the ideal of Noospheric Socialism and Noospherism, i. e. the only possible model for the sustainable development of civilization. This is the model of managed social and natural evolution on the basis of the public intellect and the scientific and educational society. The ideas of Chizhevsky continue to develop the social concept proposed by the Great October Socialist Revolution – the rejection of the values of private property in a search for the harmonious development of nature, society and the noosphere.

Keywords: Alexander Leonidovich Chizhevsky; Russian cosmism; noospheric socialism; the Great October Socialist Revolution; the history of Russian science.

Вместо предисловия

Вместо предисловия к предлагаемой мною концепции «Александр Леонидович Чижевский – титан эпохи русского Возрождения» приведу ряд мыслей, высказанных нашими замечательными современниками по поводу гениального творчества А. Л. Чижевского:

– летчик-космонавт СССР П. П. Попович: «... гелиобиология была только одним из направлений творчества ученого. И в ряде других разделов науки А. Л. Чижевский был первопроходцем, что обусловило сложность его изысканий. Он предложил аэроионификацию народного хозяйства и еще в 30-х годах подчеркивал необходимость управления качеством окружающей среды...» [1, с. 5];

– известный ученый, создатель космоантропозологии, академик Академии медицинских наук СССР, затем РАН В. П. Казначеев: «А. Л. Чижевский показал, что солнечные циклы глубоко внедряются в жизнедеятельность всех уровней биосферы, начиная от урожайности растений, размножения животных и продолжаясь эпидемиями, вспышками психоэмоционального возбуждения, социальными потрясениями. В этногенезе это было подтверждено Л. Н. Гумилевым в проблемах антропологии. Речь идет

о ничтожных энергетических и колоссальных информационно-резонансных влияниях гелиомагнитных сил на живые системы» [1, с. 398];

– в «Меморандуме о научных трудах профессора д-ра А. Л. Чижевского», принятом на «Международном конгрессе по биологической физике и биологической космологии в Нью-Йорке», проходившем 11–16 сентября 1939 года, так была охарактеризована личность Александра Леонидовича Чижевского, совместившая в себе и ученого, и художника, и поэта-философа: «... для полноты характеристики этого замечательного человека нам остается еще добавить, что он, как это видно из широкоизвестных его биографий, написанных проф. Лессбергом, проф. Реньо, проф. Понтани и др., является также выдающимся художником и утонченным поэтом-философом, олицетворяя для нас, живущих в XX веке, монументальную личность да Винчи» [1, с. 269].

Как-то сам А. Л. Чижевский так выразил свой взгляд на сущность гения и его роль в истории человечества: «Жизнь великого человека должна быть священной не только после его смерти, но и при самой жизни. Гений – это редчайшее из редчайших проявлений вида, что возносит человеческий род над всею природою, над бездною бездн, над мириадами живых существ, где бы они и когда бы они не жили!».

Таким великим русским гением, титаном эпохи русского Возрождения и был сам Александр Леонидович Чижевский.

1. Значение научного творчества А. Л. Чижевского с позиций ноосферизма XXI века

Александр Леонидович Чижевский был лично знаком с Николаем Александровичем Морозовым, Владимиром Ивановичем Вернадским, Владимиром Михайловичем Бехтеревым, Иваном Петровичем Павловым. Дружил с Константином Эдуардовичем Циолковским, несмотря на возрастное различие между ними в 40 лет. Эпоха великих потрясений в мире и в России, сразу взявшая энергичный старт с революции 1905 года в России, не дала ему времени на медленное восхождение к вершинам творчества. Он в таком же темпе, в каком «загорается пожар» революции, стал формировать в себе ученого, исследователя, мыслителя, сразу же с последнего класса Калужского реального училища, в котором он учился, в 1914 году, со встречи с К. Э. Циолковским, с его лекции, которую тот прочитал перед учениками по просьбе директора училища, «естественника, доктора зоологии» [2, с. 41] Федора Мефодьевича Шахмагонова. Как вспоминает Александр Леонидович, Циолковский так заявил о теме своей лекции: «Сегодня я расскажу вам, мои юные друзья, о возможности совершить путешествие в космическое пространство, то есть перелететь с Земли на Луну, Марс и другие планеты. Это будет не свободная фантазия, подобная рассказам Жюль Верна или Герберта Уэллса, а изложение научных данных, основанных на решении физических и математических проблем» [2, с. 42]. Эта лекция, как хорошие дрожжи, «заквасила тесто» творчества юного гения, и оно стало восходить к своим вершинам.

Творчество Александра Леонидовича пришлось в основном на первую половину XX века. На нем лежит печать трагизма советской истории, тех противоречий и субъективных, и объективных, которые были порождены самим масштабом исторических преобразований.

Александр Леонидович Чижевский – титан эпохи русского Возрождения, гений русского космизма XX века, трудившийся в одно время и параллельно с другими гениями, такими как Владимир Иванович Вернадский, Константин Эдуардович Циолковский, Николай Александрович Морозов, Павел Александрович Флоренский, Николай Дмитриевич Кондратьев, Владимир Михайлович Бехтерев, Иван Антонович Ефремов, Николай Иванович Вавилов, Сергей Павлович Королев и другие. Им заложены основы гелиобиологии и космобиологии, раскрыты солнечно-биосферные связи, влияние которых сказывается не только на живом веществе биосферы, по В. И. Вернадскому, но и на монолите разумного живого вещества – человечества. Хотя А. Л. Чижевский не пользовался категорией ноосферы и, судя по всему, не был знаком с работами Вернадского по ноосфере, по крайней мере, в 20-х – 30-х годах, но он опирался на учение о биосфере, впервые разработанное Вернадским, и фактически своими работами раздвигал рамки учения о ноосфере, закладывал фундамент для будущего ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке, который уже начался в XX веке с учения о биосфере и ноосфере В. И. Вернадского, с Российского общества любителей мировидения – с «птенцов гнезда Морозова», давшего столько ярких мыслителей и ученых России и миру [3, с. 46], творчества других русских энциклопедистов XX века.

Жизнь и творчество русского гения Александра Леонидовича Чижевского дает для истории мысли очень важный урок: гонители и хулители гения, в конце концов, сливаются историей «в унитаз истории», их имена остаются разве что для историков науки, а творческое наследие гения возрождается, словно мифическая птица Феникс из пепла, и востребуется его потомками. Жизнь гения продолжается в его мысли, беседующей с будущими поколениями людей.

Отто Юльевич Шмидт, выдающийся математик и убежденный большевик, и не менее знаменитый Петр Петрович Лазарев, первый директор и основатель Института физики и биофизики, ведут такой между собой разговор по поводу издания книг Чижевского (по пересказу П. П. Лазарева):

«Шмидт: И вы, в самом деле, думаете, что Чижевский стоит на грани большого научного открытия?

Лазарев: Да, думаю, более того, уверен, что это так и есть.

Шмидт: Вы, Петр Петрович, шутите... Ведь это нелепость: история – психология – массовые явления – Солнце.

Лазарев: А я считаю, что это самая передовая наука, и такого мнения придерживаются крупнейшие ученые у нас и за границей.

Шмидт: Нет, этого не может быть.

Лазарев: Но не противоречит ни философии, ни биофизике...

Шмидт: Да, но можно запретить!

Лазарев: Запрещайте! Науку не запретишь. Она возьмет свое через 50 или 100 лет, а над вами будут смеяться, как мы смеемся и, более того, негодуем, когда читаем о суде над Галилеем. А она все-таки вертится!

Шмидт: Так что ж, по-вашему, Чижевский – Галилей!?

Лазарев: Оценку его работам дадите не вы и не я, а будущие люди – люди XXI века. А вот самые культурные марксисты, такие, как Луначарский и Семашко, наоборот, считают, что исследования Чижевского заслуживают самого пристального внимания. Я говорил и с тем, и с другим. Вот, видите, как могут расходиться точки зрения у людей одной, так сказать, веры...

Во многом мы уже отстали от Запада и будем дальше отставать, если учиним беспощадный контроль над научной мыслью. Это будет крахом! Неужели вы этого не понимаете?

Мой собеседник, продолжал Петр Петрович, видимо, был взволнован этим разговором.

Он зажигал и тушил папиросу за папиросой и так надымил, что дышать стало нечем. Потом встал, начал ходить по комнате, раздумывая...

Шмидт: Да-с, наше положение трудное. Это верно. Запрещать мыслить – это, конечно, смешно. Но нарушать чистоту марксистского учения мы не можем. Поймите и меня, Петр Петрович... Если признать закон Чижевского верным, то, значит, рабочий класс может сидеть, сложа руки, ничего не предпринимать, и революция, придет сама собой, когда захочет того солнышко! Это в корне противоречит нашим основным установкам. Это – неслыханный оппортунизм.

Лазарев: Да разве учение Чижевского состоит в такой нелепице. Я знаю его диссертацию от первой до последней строчки, но никогда не мог бы, исходя из нее, прийти к такому более чем странному выводу. *Чижевским установлена новая область знания – космическая биология, и он повсеместно признан ее основателем – «отцом».* Судя по вашему настроению, вы собираетесь ликвидировать эту новую область науки, а над Чижевским учинить суд Галилея!.. Запретить ему заниматься наукой! Да, да, запретить! Неслыханно в XX веке. Побойтесь тогда хоть суда истории!..

С деятельностью Солнца и вам приходится считаться, даже если вы и устранили Чижевского. Если сейчас погаснет Солнце, через 8 минут 20 секунд начнется общее оледенение Земли, и ваши победы и новые законы не помогут! Солнце для вас и для “не вас” – общий грозный хозяин, и его “поведение” следует прилежно изучать, а не отмахиваться от этого изучения...» [5, с. 281–282].

Правда осталась за Петром Петровичем Лазаревым, а не за Отто Юльевичем Шмидтом.

При этом следует обратить внимание, что Чижевский, будучи энциклопедически образованным мыслителем, широко мыслящим ученым, в трудах которого ярко отразились та русская традиция широко, целостно, всеохватно мыслить и исследовать мир человека и космос – традиция, восходящая к творчеству Михаила Васильевича Ломоносова, был на стороне социализма, большевизма, понимая их историческую правоту в главном – в

уничтожении эксплуатации человека человеком, в сотрудничестве, кооперации творческих усилий народов мира, и в раскрытии творческого потенциала человека. Даже после 16-летнего периода тюрем, лагерей и ссылки А. Л. Чижевский сохранил свое позитивное отношение к социализму, к его миссии в истории. Это видно по его оценкам в воспоминаниях о встречах с И. П. Павловым и В. М. Бехтеревым в 20-х годах XX века, когда он выполнял просьбу К. Э. Циолковского разбудить интерес крупных физиологов к проблеме физиологической реакции будущих космонавтов на резкое усиление сил тяжести и, наоборот, на состояние невесомости.

При встрече с Иваном Петровичем Павловым Александр Леонидович вдруг обнаруживает, что Павлов пришел к логическому выводу: «Надо помогать большевикам во всем хорошем, что у них есть. А у них есть такие замечательные вещи, которые и не снились там, за границей. Кто знает, может быть, это и есть “свет с Востока”, который предвидели прошлые поколения. Все это дело русских людей, хотя среди них много иноверцев, евреев. Но это тонкая прослойка. В основании большевизма лежит потребность русского духа к совершенству, справедливости, добру, честности, великой человечности. Маркс был еврей, но и Христос – тоже еврей. Большевизм в своем конечном счете многограннее и совершеннее христианства...». И далее Павлов бросил реплику: «...в моем возрасте уже ничто не страшно, но я следую своим убеждениям, и только».

Чижевский восклицает по поводу услышанного: «Я был потрясен словами Павлова: они не имели ничего общего с тем, что о нем говорили. Его политическое *credo* было неожиданным для меня – все его считали чуть ли не контрреволюционером, а он оказался почти что коммунист, и, во всяком случае, несравненно дальновиднее многих русских интеллигентов, которые шипели на Октябрьскую революцию, саботировали и показывали кукиш в кармане» [2, с. 355; 366].

А вот как происходил разговор между А. Л. Чижевским и В. М. Бехтеревым, когда была затронута тема социализма и большевизма.

Чижевский: «Представьте себе далее, что люди научатся управлять мгновенным превращением материи в энергию. Наконец, представьте себе, что у какого-нибудь безумца будет в распоряжении тысяча тонн радиоактивного вещества. Заложив это вещество в глубокую земную расщелину, можно разорвать земной шар на несколько кусков! Таковы «приятные» перспективы, если разумное начало не восторжествует во всем мире. Отсюда следует один обязательный вывод: в мире не должно быть вражды между странами. Если человечество хочет жить, эта истина является абсолютной, непререкаемой. И для этой цели должен быть создан всемирный союз народов на самой передовой социальной платформе».

Бехтерев: «На большевистской?».

Чижевский: «По-видимому, да. Ибо только это социальное устройство в принципе дает возможность неограниченного материального роста и усовершенствования человеческого рода».

Бехтерев: «Вы партиец, коммунист?»

Чижевский: «Нет, в партии не состою. Логика и история подсказывает мне образ мыслей и действий, и только. История говорит о том, что целая эпоха заканчивает свое брренное существование, ибо она стала немощной и хилой: капитал не смог в открытом бою подавить революцию 1918–1920 годов. Это показательно. Следующая эпоха – эпоха коренных социальных преобразований, при бурном, неслыханном развитии науки и техники, которое подготавливается новой физикой, физикой атома. При таком овладении энергетическими ресурсами Земли только политически свободное общество может существовать на ней, т.е. очень строгие в смысле организации системы, а не стихийный индивидуализм общественных расслоений и классов. Большевики появились не потому, что этого захотел Ленин, а потому что история человечества вошла в новую эру. Новое историческое качество так же неизбежно, как ход времени, который нельзя ни остановить, ни замедлить. Секунда есть секунда».

Бехтерев: «Черт возьми! Неужели, и в истории существуют, железные законы, которым подчинены человек и все человечество?».

Чижевский: «Да, а что же вы думали? Это относится и к жизни отдельных обществ, и к жизни человечества в целом...» [2, с. 379–381].

Мы живем в XXI веке – в веке становления ноосферного, духовного, экологического социализма. Предупреждение Чижевского, прозвучавшее в разговоре с Владимиром Михайловичем Бехтеревым, о том, что эгоистический «разум», ведомый частным интересом получения прибыли, наживы, присвоения и накопления капитала любыми средствами, может в своем ослеплении уничтожить место жизни человечества – планету Земля (пусть с современных позиций модель Чижевского несколько наивна, но по существу, в плане возможности капиталистической гибели человечества вследствие хищнического природопотребления, она реальна), становится реальным в XXI веке.

Человечество стоит перед альтернативой: или капиталогенная гибель человечества в результате Глобальной экологической катастрофы уже к середине XXI века, или переход на стратегию управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества, т. е. на стратегию становления ноосферизма или ноосферного социализма. И логика истории, и здесь прав Александр Леонидович Чижевский, неотвратима, она предъявляет человечеству свои императивы, которые в XXI веке связаны с – или продолжением его жизни, прогресса, развития в форме социализма и соблюдения императивов социоприродной динамической гармонии, – или с его экологической смертью, сгенерированной рыночно-капиталистической формой хозяйствования.

В этом контексте творчество А. Л. Чижевского трудно переоценить. С позиций разрабатываемого автором ноосферизма, как новой формы синтеза наук, и нового качества бытия в XXI веке, открытые Чижевским направления научных синтезов в форме космобиологии и гелиобиологии, влияния циклики солнечно-биосферных связей на пульсирование «разумного живого вещества» человечества и через это пульсирование на циклический ход истории, а также другие его исследования и философские прозрения, становятся частью такого

ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке. Одновременно, Чижевский как ученый мыслитель, «Леонардо да Винчи XX века», по определению «Меморандума о научных трудах профессора д-ра А. Л. Чижевского», принятого на Международном конгрессе по биологической физике и биологической космологии, проходившего в Нью-Йорке в США с 11 по 16 сентября 1939 года, предстает как яркая звезда в сонме русских мыслителей, ученых, деятелей культуры, составляющих содержание, смысл эпохи русского Возрождения с XVIII века по XXI век.

2. А. Л. Чижевский – яркая звезда «Вернадскианского цикла» эпохи русского Возрождения

Творчество Александра Леонидовича Чижевского, несмотря на его известность, особенно в 20-х – 30-х годах XX века, его плодотворную дружбу с Константином Эдуардовичем Циолковским, его мировое признание, зафиксированное в «Меморандуме о научных трудах профессора д-ра А. Л. Чижевского» (1939), зафиксировавшего его приоритеты, оставалось в СССР – России долгие годы неизвестным. Вот основные направления его научной деятельности:

- (1) в области биофизики и электрофизиологии,
- (2) в области медицины,
- (3) в области продления жизни,
- (4) в области физиологии дыхания, реорганизации зданий и городов,
- (5) в основании новой отрасли физиологии,
- (6) в области практического животноводства,
- (7) в области практического растениеводства,
- (8) в области лечения отравлений ядовитыми газами при химической войне,
- (9) в области всемирного распространения метода аэроионизации,
- (10) в области эпидемиологии,
- (11) в области микробиологии,
- (12) в области статистического изучения смертности, связанного с установлением мирового синхронизма между частотой смертности и гипотезой существования *«нового вида биологически активных излучений при определенных электрических процессах на поверхности Солнца»*,
- (13) в области изучения внешних влияний на нервно-психическую деятельность,
- (14) в области изучения мутаций и других явлений,
- (15) в «открытии одного из самых универсальных законов в вегетативной жизни земного шара – “закона квантитативной компенсации”, охватывающего в математической формуле динамику растительного мира Земли»,
- (16) во всемирном распространении своих биокосмических трудов, в том числе в раскрытии функции избирательного резонатора на определенные «курпускулярные и электромагнитные процессы внешней среды», обнаруженные в клетке,

(17) в «изучении биологического и физиологического действия пенетрантного излучения»,

(18) в открытии «органных ритмов», «органоритмологии»,

(19) в «основоположении новых наук» – «динамической биоэлектростатики, или науки о движении в крови, тканях и органах электростатических зарядов», «биологической космологии (космобиологии, биокосмики), или науки о влиянии космических и теллурических факторов на жизненные функции», «биоорганоритмологии, или науки о зависимых, и аутохронных ритмах в структурах живых организмов», «аэроионификации, или науки об искусственной регулировке и искусственном управлении электрическим режимом атмосферного воздуха» в помещениях и в целях стимуляции, терапии, профилактики,

(20) в микробиоклиматологии, теории психических эпидемий, в открытии роли электростатики в иммунитете и т. д.,

(21) в изобретениях в области гигиены, профилактической и терапевтической медицины,

(22) в исследованиях об эволюции точных наук в древнем мире, в капитальных многолетних исследованиях о периодах во всеобщей истории и др.

Здесь наблюдается сходство с судьбой трудов по ноосфере В. И. Вернадского, когда они почти на 20 лет после его смерти попали в «зону молчания» в пространстве научной отечественной мысли.

А. Л. Чижевский – яркая звезда вернадскианского цикла эпохи русского Возрождения.

Категория эпохи русского Возрождения впервые была введена и раскрыта автором в работе «Николай Яковлевич Данилевский...» (2007) [4]. Я ввел различие эпохи западноевропейского Возрождения и эпохи русского Возрождения, подчеркивая, что в отличие от акцента на «физическую телесность человека», на свободу и индивидуализм человека, на почве которых вырос западноевропейский, а позже – американский, капитализм, от акцента, характерного для «гуманистических установок» европейского Возрождения, акценты, ценностные ориентации эпохи русского Возрождения – другие: на «космическую телесность человека», на космическое предназначение человека, на его ответственность перед целостным мирозданием, с опорой на общинно-соборные, коллективистские, «всечеловеческие» начала бытия [4]. Эти акценты уже присутствуют в творчестве М. В. Ломоносова, отражаются в творчестве Ф. И. Тютчева, Н. Ф. Федорова, Ф. М. Достоевского, С. Н. Булгакова, К. Э. Циолковского, А. А. Богданова, Л. Н. Толстого, В. И. Вернадского, Н. Г. Холодного, Б. Л. Личкова и др.

Мною предложено выделять три парадигмальных цикла или этапа в эпохе русского Возрождения:

(1) «Петровско-Ломоносовский цикл» (1710-е годы – 1810-е годы),

(2) «Пушкинский цикл» (1810-е годы – 1910-е годы),

(3) «Вернадскианский цикл» (1910-е годы – начало XXI века).

Конечно, моменты перехода от одного цикла к другому расплывчаты.

«Вернадскианский цикл» есть цикл, в котором зрелость в развитии русского синтетизма (или холизма) трансформируется в зрелость космических устремлений гения русского народа. Думаю, что главным для этого периода «фигурами» являются:

- В. И. Вернадский, создатель учения о биосфере и ноосфере;
- С. Н. Булгаков, создатель учения о космической функции хозяйства;
- К. Э. Циолковский, создатель теории реактивного движения и ракетных полетов человека к другим планетам солнечной системы и к звездным мирам, освоения космического пространства и космической философии;
- А. Л. Чижевский, создатель космобиологии и гелиобиологии, влияния циклики солнечно-биосферных связей на пульсацию живого вещества Биосферы;
- Л. Н. Гумилев, создатель теории этногенеза и связей этносферы и биосферы Земли.

Конечно, эти выделенные мною 5 ключевых фигур «Вернадскианского цикла» эпохи русского Возрождения нисколько не умаляют другие значительные, масштабные вклады этого этапа в развитие русского Возрождения, которые обозначены творчеством А. А. Богданова, П. А. Флоренского, В. М. Бехтерева, Л. С. Берга, И. П. Павлова, И. А. Ефремова, Н. И. Вавилова, А. Г. Гурвича, П. К. Анохина, Н. Г. Холодного, С. П. Королева, Н. А. Козырева, Н. Н. Моисеева, В. П. Казначеева и других.

Таким образом, творчество Александра Леонидовича Чижевского в «Вернадскианском цикле» эпохи русского Возрождения носит системообразующий характер. Оно в значительных своих «измерениях» конгениально творчеству В. И. Вернадского и К. Э. Циолковского.

Автор определяет результаты, полученные А. Л. Чижевским в космобиологии и гелиобиологии, как существенный вклад в теорию живого вещества биосферы. Обнаруженная ритмология космо-биосферных, солнечно-биосферных связей нашла свое подтверждение в теории этногенеза Л. Н. Гумилева, в его исторической этнологии, в концепции пассионарных «толчков».

«Ядром» эпохи русского Возрождения служит русский космизм. Генезис русского космизма имеет намного большую «глубину» в «толще» исторического потока русско-славянской культуры, по сравнению с тем, как это принято считать современными исследователями русского космизма, ограничивающими начало его появления или творчеством Н. Ф. Федорова, или творчеством Одоевского. Именно глубокая историческая традиция космической философии русской культуры, восходящая к солнцепоклонству в космических воззрениях древних ариев и протославян, стала основанием космических устремлений эпохи русского Возрождения, породивших прорыв советской цивилизации (СССР) в Космос в 1957 г. (первый искусственный спутник Земли) и в 1961 г. (первый человек, облетевший вокруг Земли, – русский, советский, человек, коммунист Юрий Алексеевич Гагарин).

В работе «От астрологии к космической биологии (к истории вопроса о внешних влияниях на организм)», скорее всего, по оценкам В. Н. Ягодинского,

написанной в 1928 г. (Архив РАН, фонд. 1703, оп. 1, д. 14), Чижевский приходит к выводу: «Таким образом, мы должны представить себе человека и его агрегаты, сообщества и коллективы как продукт природы, как часть её, подчиненную ее общим законам» [5, с. 49]. Вот оно – основание для будущих открытий Л. Н. Гумилева в области взаимодействий этногенеза и биосферы Земли.

Современные исследователи творчества В. И. Вернадского и А. Л. Чижевского И. Ф. Малов и В. А. Фролов предложили интересный синтез ряда их высказываний, которому присвоили имя «Меморандум Вернадского – Чижевского» или «Космический меморандум организованности живого мироздания» [6].

По оценке И. Ф. Малова и В. А. Фролова, этот «Меморандум» – «памятка всем нам, которая на долгие времена освещает направление исследований и пути познания, идущие по спирально-возрастному закону и осуществляющие великий синтез древнего знания и новой науки». Авторы соединяют мысль В. И. Вернадского о влиянии космических излучений на становление планеты Земля и биосферы и их развитие о том, что биосфера есть как «создание Солнца», так и «процессы Земли», что люди – это «дети Солнца», и что «Биосфера не может быть понята в явлениях, на ней происходящих, если будет упущена эта ее резко выступающая связь со строением всего космического механизма» [6, с. 65], и мысль А. Л. Чижевского, повторяющую независимо от мысли В. И. Вернадского те же императивы познания: «наружный лик Земли и жизнь, наполняющая его, являются результатом творческого воздействия космических сил»; «люди и все твари земные являются поистине «детьми Солнца»; «эруптивная (взрывная – ред.) деятельность на Солнце, и биологические явления на Земле суть соэффекты одной общей причины – великой электромагнитной жизни Вселенной» со своими «пульсом», периодами и ритмами; «...жизнь... в большей степени есть явление космическое, чем земное» и создана «воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли»; «перед нашими изумленными взорами разворачивается картина великолепного здания мира, отдельные части которого связаны друг с другом крепчайшими узами родства» [6].

На базе этого «Меморандума Вернадского – Чижевского» И. Ф. Малов и В. А. Фролов формируют эвристическую модель целостного мироздания в виде вложенных друг в друга вертикальных «октав». Эту систему «октавных вложений» они называли «Космической иерархической цепью», частями которой выступает «Геосферная иерархическая цепь» (октава) и «Биосферная иерархическая цепь» (октава).

Для нас важен смысл единения научного творчества Вернадского и Чижевского, олицетворенного самим названием «меморандума». В. И. Вернадский раскрыл основные положения выдвинутого им впервые в мире учения о биосфере в 1916 году, когда А. Л. Чижевский, только что кончивший Калужское реальное училище, делал только первые шаги на поприще науки. Через 10–12 лет А. Л. Чижевский по сути выдвинутых идей становится сподвижником Вернадского по развитию учения о биосфере.

Книга Вернадского «Биосфера» (1926) вызвала творческий энтузиазм у Леонида Александровича [7, с. 17]. Его идеи по «психосфере», по закону количественной компенсации биосферы вносят существенный вклад в учение о биосфере и ноосфере, разрабатываемое В. И. Вернадским, хотя сам Чижевский свою деятельность так не оценивал, видя в себе больше соратника и друга К. Э. Циолковского и Н. А. Морозова. Но таковым его сделала сама логика развития эпохи русского Возрождения в XX веке, которую я назвал «Вернадскианским циклом» этой эпохи.

3. Становление гения. Начало дружбы с К. Э. Циолковским. О расцвете российской школы, рожающей гениев эпохи русского Возрождения

Очевидно, интеллект многих поколений Чижевских отличался всеохватностью любознания и универсализмом в познании мира. В зрелые годы Александр Леонидович, вспоминая свое семейное раннее детство и воспитание в кругу отца, мамы, тети и бабушки (по отцу), подчеркивал, что основные магистрали его жизни были «заложены в раннем детстве и отчетливо проявили себя к девятому или десятому году жизни. Я жадно поглощал все, что открывалось моему взору, что становилось доступным слуху или осязанию. Не было и нет такой вещи, явления или события, которые не оставили бы во мне следа. Я не знаю, что такое “пройти мимо”. Я не знал и не знаю, что такое безразличие, пренебрежение или нейтралитет» [5, с. 14].

Большая отцовская библиотека, а потом и библиотека самого юного Александра, развивали любовь к чтению. Ученый упоминает таких своих любимых в детстве авторов, как Лермонтов, Пушкин, Гете, Гейне, Байрон, Гюго. В это же время в круг его чтения попадают научно-популярные сочинения – «Популярная астрономия» Фламариона и «Небесные тайны» Клейна, а также книги по физике и химии. Бабушка научила Сашу разным языкам с детства, в возрасте 4-х лет он учил наизусть не только русские, но и немецкие и французские стихотворения.

Учеба Саши началась в г. Бела Седлецкой губернии в 1906 году. Он поступил в гимназию. Отправляя сына учиться, Леонид Васильевич напутствовал его такими словами: «Рекомендую тебе, Шура, не подъезжать к самой гимназии, а выйти из экипажа раньше: ведь там учатся разные дети, среди них есть и бедные. Благороднее и лучше особенно ничем не выделяться» [5, с. 15]. Так воспитывал отец сына: благородство начинается с уважения ко всем людям, независимо от их социального положения.

Вот что не хватает современным «буржуйчикам» в России, ведущим паразитический образ жизни¹. Чижевский вспоминает директора гимназии немца Евгения Эдуардовича Пфепфера, требовательного и одновременно «гуманного и симпатичного», учителя литературы, тоже немца, Якова

¹ Профессор Рудольф Лившиц (из Комсомольска-на-Амуре) в статье «О путинофилии» («Советская Россия» – «Отечественные записки», 2007, 7 июня, выпуск №132, с. 3–9) пишет на с. 6: «Фантазия существа вида “гомо куршавелис” способна подняться до того, чтобы заполнить ванну шампанским по цене 27 тыс. евро за бутылку».

Густавовича Миллера, впервые зародившего в нем любовь к немецкой классической поэзии, в частности к поэзии Гёте, Шиллера, Гердера и др.

В 1913 году Л. В. Чижевский получает назначение в Калугу. Семья приобретает дом на Ивановской улице – дом № 43. Ныне там располагается Дом-музей Чижевского. Молодой 16-летний Александр поступает в частное реальное училище Ф. М. Шамагонова, «лучшее среднее учебное заведение города, отличавшееся хорошим преподаванием и отсутствием казенщины» [5, с. 16].

Отметим, что Чижевский влился в коллектив с уже начавшим крепнуть научным интересом к космогонии. В 1908–1909 гг. им был написан «научный труд» «Самая краткая астрономия д-ра Чижевского, составленная по Фламариону, Клейну и др.». А ведь автору этого «обобщения» было всего 11–12 лет. Ныне бы исследователи, много пишущие о сверхгениальных детях «индиго», которые стали массово появляться в 90-х годах XX века, наверное, отнесли бы молодого Сашу к этому же «поколению индиго». Затем Саше купили телескоп, и он начал вести астрономические наблюдения, в частности, наблюдения за планетами Солнечной системы – Марсом, Юпитером, Сатурном, и др., в том числе и за Луной. «Именно Луна долгое время тревожила мое пылкое юношеское воображение» [5, с. 17], – вспоминал Чижевский.

К этому времени он прочел популярное сочинение Юнга «Солнце». «Встреча» с кометой Галлея, очевидно, вызвала у него мощный исследовательский интерес к Солнцу, который, по оценкам В. Н. Ягодинского, очевидно, сформировался к 1913–1914 годам, когда он уже вместе с семьей переехал в Калугу. «Теперь я стал солнцепоклонником! Все книги о Солнце, которые нашел в библиотеке отца, в Калужской городской библиотеке, были мною добросовестно изучены. Все, что можно, я выписал из крупнейших магазинов Москвы и Петрограда... Книги Юнга, Аббота, Аррениуса сделались моим настольными справочниками», – замечает Чижевский [5, с. 18].

Итак, старт к созданию гелиобиологии в виде изучения Солнца и его влияния на процессы на Земле был сделан, причем во время учебы. Гении взрослеют в интеллектуально-научном плане, в плане исследовательского интереса быстро. Это тоже своеобразная закономерность творческого человека – Homo Creator. В. Н. Ягодинский хоть явно об этой закономерности не говорит, но подмечает такую тенденцию: «...многие крупные научные исследователи периода XIX – начала XX в. именно так – с самообразования и самовоспитания – начинали свой путь в науку. Достаточно напомнить, что И. И. Мечников в семилетнем возрасте “читал лекции” своим сверстникам, даже выплачивал им за это “стипендию”, а в 14–16 лет уже почти на равных вступал в научные споры с преподавателями университета» [5, с. 18].

Отметим, что в Чижевском уже в молодом возрасте проявилось ломоносовское качество, о котором как о свойстве русских мыслителей-ученых размышлял С. И. Вавилов: «Умение оперировать сотнями фактов и анализировать сведения из многочисленных источников» [5, с. 19] (определение В. Н. Ягодинского). В своих мемуарах «Вся жизнь» Александр Леонидович так характеризует внутреннее качество своей работы: «В

некотором глубоком-глубоком подсознательном отделе моей психики был заключен основной принцип жизни – ни одного дня без продуктивной работы, которая не вносила бы в фундамент будущей жизни нечто важное... Время во всех моих делах играло основную роль. Время было для меня всегда самым дорогостоящим фактором, и одной из основных целей моей жизни было сохранение его и использование его себе и своему мозгу на благо... С детства я привык к постоянной работе... Я принял работу как истинное благо, как обычное и обязательное явление жизни» [5, с. 19; 8, с. 80].

В 1915 году Чижевский заканчивает реальное училище. Учился он неровно, его отвлекали от занятий его увлечения астрономией, Солнцем, стихами, музыкой, живописью, физическими и химическими опытами. Он признавался, что «наслаждался дивной способностью ума познавать» [5, с. 20]. Но одновременно он понимал, что как бы ни казались ему школьные предметы не нужными, он должен «обязательно переехать среднее образование» [5, с. 19–20].

Уже перед самым выпуском, в начале апреля 1914 года, судьба подарила ему встречу с Константином Эдуардовичем Циолковским, которая стала для него и знаковой, и программной. Чижевский так вспоминает этот момент:

«Однажды, в начале апреля 1914 года, мы, ученики последнего класса Калужского реального училища, неожиданно узнали, что урок рисования отменяется и вместо него нам прочтет лекцию Константин Эдуардович Циолковский. О нем я уже слышал, что он большой оригинал, посвятивший всю жизнь вопросам воздухоплавания и имеющий в этой области самостоятельные работы. Калужане к нему относились снисходительно, часто с улыбкой, а то и с открытой насмешкой. Но нам директор, естественник, доктор зоологии Федор Мефодьевич Шамагонов, предупреждая нас о лекции Циолковского, сказал: – Имейте в виду, господа, сегодня вы увидите человека выдающегося. Циолковский – ученый, изобретатель и философ. Внимательно слушайте его лекцию. Его идеям принадлежит большая будущность» [2, с. 41]. Наконец, началась лекция. Циолковский вошел в класс. «Большого роста, с открытым лбом, длинными волосами, – вспоминает Александр Леонидович, – и черной седеющей бородой, он напоминал поэтов и мыслителей. В то время Константину Эдуардовичу шел 57-й год...».

Так встретились 17-летний Чижевский и 57-летний Циолковский.

В той лекции Циолковский рассказывал о возможностях полета с Земли с помощью ракет на Луну, Марс и другие планеты и сопровождал свой рассказ научной аргументацией и соответствующими фактами. Весь класс был восхищен «от смелости его идей». Ученики восторженно приняли его предложение помогать ему впоследствии, когда станут «учеными, инженерами или деятелями на других поприщах» [2, с. 41]. Поскольку Циолковский после лекции пригласил учеников в ближайшее время к себе, Чижевский сразу же воспользовался таким приглашением и посетил его через неделю, в следующее воскресенье. К этому времени будущий выпускник училища был достаточно опытным исследователем, увлекавшимся не только астрономическими наблюдениями, но и «изучением циклической деятельности Солнца» [2, с. 44].

У него было много вопросов. «Знал лишь, что Солнце определяет собою жизнь и смерть на Земле. А вот эти циклы?.. Полярные сияния и магнитные бури связаны с ними. А дальше? В этом заключалась суть вопроса» [2, с. 44].

Циолковский встретил приход молодого человека словами: «...я очень рад вашему приходу, молодой человек. Во-первых, сегодня воскресенье – мой приемный день. – И он слегка улыбнулся. – А во-вторых, моими работами мало кто здесь интересуется, и посещениями не избаловали» [2, с. 47].

Начался разговор вокруг «идей космической биологии» [2, с. 47]. Именно так характеризует этот первый разговор Чижевский.

Так крупный русский и советский ученый, гений, стоящий у истока начал советской и мировой космонавтики, Эдуард Константинович Циолковский стал «повивальной бабкой», т. е. принял «роды» другого русского гения – Александра Леонидовича Чижевского. Поток русского космизма продолжал набирать силу.

Чижевский получил благословление от Циолковского подобно тому, как Пушкин, по его суждению, получил благословение от Державина.

В самой зачинающейся дружбе К. Э. Циолковского и А. Л. Чижевского проявилась закономерность системогенетики русского космизма как движения потоков идей. Космические идеи Циолковского вошли в «соприкосновение» с зарождающимися космическими идеями его молодого собеседника.

Подчеркну в этой связи особый расцвет российской школы, рождающей гениев эпохи русского Возрождения. В Калужском реальном училище работали преподаватели, профессора, которые или одновременно, или раньше преподавали в высшей школе, вели исследования. Встреча на последнем классе учеников с К. Э. Циолковским – только одно из свидетельств того внимания, которое ученые уделяли школе и отвечали на её просьбы. Здесь проявилась традиция выращивания в школе мыслящих людей, граждан России, ранее уже заявившая о себе в Царскосельском лицее, в котором учился А. С. Пушкин.

Такая стартовая позиция помогла А. Л. Чижевскому сразу одновременно с поступлением в высшую школу погрузиться в научные исследования. Становление Чижевского как ученого было стремительно-космическим, соответствующим объекту его исследования – взаимодействиям Земли, Солнца и Космоса.

В настоящее время над российской школой, над этой её традицией навис «домоклов меч» реформ, пытающихся превратить образование в рыночную организацию, поставляющую на рынок образовательные услуги. Фактически это капиталистическая смерть отечественного образования. Следует согласиться с профессором Р. Лившицем из Комсомольска-на-Амуре [9], когда тот, выступая против рыночной, «образовательно-услужевой» идеологии реформ, превращающей учителя в «голую функцию» продавца услуг, подчеркивал, что учитель, в первую очередь, – нравственный авторитет, что нужно спасать российское образование, обращаясь к национальным традициям в сфере образования, которые восходят к петровско-ломоносовской доктрине академического университетского образования, проходят через весь XIX век и начало XX века, всю систему советского образования. Именно это образование

стало основанием эпохи русского Возрождения, в котором гении никогда не забывали о школе.

Сам пример становления и взросления Александра Леонидовича Чижевского в школе есть свидетельство высочайшего качества российской системы образования.

4. Первый цикл в творческой эволюции А. Л. Чижевского

1914 год – год окончания Чижевским реального училища и год начала Первой Мировой войны. Он подает заявление на продолжение учебы сразу в два московских вуза – Московский коммерческий институт и Московский археологический институт. При этом его выбор уже – не выбор ученика, а выбор зрелого исследователя, которому известно, какие знания ему надо развить у себя. Коммерческий институт ему был необходим для получения основательной подготовки по математическим наукам, а от Археологического института он предполагал получить широкую область знаний по гуманитарному циклу, в первую очередь по политической истории и истории материальной культуры, искусств и литературы.

Весной 1917 года Чижевский защищает в Археологическом институте кандидатскую диссертацию и по согласованию с профессорами Александром Ивановичем Успенским и Николаем Ивановичем Кареевым принимается за подготовку докторской диссертации «О периодичности всемирно-исторического процесса», которая была защищена в марте 1918 году на историко-филологическом факультете Московского университета.

В этой работе отразилось исследование по влиянию циклов «пятен» на Солнце на исторический процесс через процедуру синхронизации циклов на Солнце и циклов в историческом процессе, калибруемых крупными историческими потрясениями – революциями, войнами, восстаниями, массовыми движениями, морями.

Впоследствии Чижевский так определил ключевое значение для этой работы лета 1915 года: «Мною летом 1915 года был сделан ряд наблюдений, послуживших краеугольным камнем для всех дальнейших исследований. В указанное выше время я работал над изучением процесса пятнообразования, которое тогда поглотило всё моё внимание. Я изучил также соотношение между прохождением пятен через центральный меридиан Солнца и рядом географических и метеорологических явлений: магнитными бурями, северными сияниями, грозами, облачностью и другими явлениями в земной коре и атмосфере...» [5, с. 22; 8, с. 41]. Технику астрономических наблюдений Чижевский, по его же признанию, освоил под руководством известного астронома С. Н. Блажко, который впоследствии, в 1929 году, получили звание члена-корреспондента АН СССР.

Чижевским первым в мировой науке было доказано, что роль Солнца для природы, живого вещества биосферы, если прибегнуть к этому понятию В. И. Вернадского, детерминируется не только постоянно излучаемой энергией, но и периодическими изменениями его активности. Если прибегнуть к системогенетической методологии (по автору настоящего доклада – [10;

11]), то можно сказать, что циклы активности Солнца (вспышек магнитно-электрической активности) выступают циклозадатчиками по отношению к циклике биологических, социобиологических, психических процессов на Земле, которые, в свою очередь, становятся внешними циклозадатчиками по отношению к историческим процессам, т. е. истории человечества.

Время революции и гражданской войны было голодным временем. В одной из бесед в семье отец Леонид Васильевич Чижевский сказал сыну: «...как раз я читаю роман “Боги жаждут”, в котором Франс сказал сакраментальную фразу: “Ветром Революции в каждом доме загасило плиту”. Точно так же это происходит и у нас: голодное существование вошло в свои права» [2, с. 83].

Тем более удивительно, что в эти голодные годы «Революции» русская наука не только не погибла, а, наоборот, рождала в своем лоне все новые и новые прорывы. Это показывает жизнь не только А. Л. Чижевского в эти годы, но и деятельность В. И. Вернадского, Н. А. Морозова, Н. Д. Кондратьева, П. А. Сорокина, К. Э. Циолковского, П. А. Флоренского, А. Е. Ферсмана и многих, многих других ученых. Пламя социалистической революции, если прибегнуть к этой метафоре, несло в себе не столько разрушительные, сколько созидательные импульсы. Неслучайно в эти годы, несмотря на голодные времена, открывались новые научно-исследовательские институты и культурные организации, рождались новые исследовательские проекты, организовывались экспедиции по линии Комиссии естественных производительных сил (КЕПС), организованной по инициативе В. И. Вернадского.

Думаю, что это «творческое пламя Революции» отражалось в творчестве юного Чижевского, которое само по внутренней сущности было революционным и интенсивным, несмотря на революционность и «голодность» времени.

Вот как ученый характеризует себя – того молодого, находящегося в начале научного пути:

«Уже с восемнадцатилетнего возраста во мне проявлялись некоторые положительные черты: это способность к обобщению и еще другая, странная с первого взгляда способность, или качество ума, – это отрицание того, что казалось незыблемым, твердым, нерушимым. Я считал также, что математика равноценна поэзии, живописи и музыке. Я считал, что плюс и минус – величайшие знаки природы. Природа оперирует с этими знаками, как хирург скальпелем... Я многого не принимал на веру... Все опыты я всегда ставил сам и всегда в таком масштабе и количестве, от которых все приходило в ужас. Я, смеясь, говорил: “Верю лишь одному закону – закону больших цифр”... я был весьма темпераментным. Если что-либо задумал и решил, то я так и действовал, и притом быстро. Откладывать своих решений я не любил и тотчас же старался привести их в исполнение» [2, с. 85].

Известна «формула», подтверждаемая историей: революцию делают молодые. Революцию в науке, как правило, тоже делают молодые умы. В лоне Великой Октябрьской социалистической революции, если ее рассматривать не

как моментное действие, совершал свою революцию в мировой науке, будучи молодым, Александр Леонидович Чижевский.

Новый прорыв в подходе к логике истории, вернее к феномену её цикличности, зафиксированный в его докторской диссертации, сочетался и с новым открытием в подходе к верификации этой цикличности на базе составления синхронических таблиц. Этот метод можно назвать синхроническим методом или методом синхронии, в основу которого была положена синхрония между 11-летними циклами (точнее – 11,1 года) появления «пятен» на Солнце, с их прохождением через солнечный меридиан, за которыми стояли мощные периодические электромагнитные импульсы (потoki солнечных высокоэнергетичных электронов), и циклами в истории человечества, или в физиологической ритмике живого мира и людей, включая ритмику «эпидемиологических нашествий» в биосфере.

Фактически работы А. Л. Чижевского наряду с работами И. Ньютона и Н. А. Морозова, а в конце XX и в начале XXI века – работами Фоменко и Носовского, несмотря на продолжающиеся споры вокруг этих работ, можно рассматривать как основание создания «математической истории», будущее которой – еще впереди, возможно – в XXI веке, с учетом становления новой парадигмы математики – математики качества².

С 1915 года А. Л. Чижевский приступил к глубокой теоретической разработке своей идеи – исследовать действие аэроионов (он же ввел и понятие аэроиона, чтобы отделить «иона в воздухе» как предмет исследования, от иона в жидкостях, в электролитах) на биопсихические процессы в организациях животных и человека.

В разгоревшемся споре между отцом Л. В. Чижевским и М. С. Архангельским о научном приоритете своего сына первый поставил окончательную «точку» такими словами: «Приоритет – первенство, а профессор Соколов сам повторяет чужие мысли, мысли иностранных ученых, а это называется компиляцией, а не приоритетом. Нельзя путать одно с другим. А впрочем, прочтите это место в “Основах химии”. Вот что пишет Дмитрий Иванович Менделеев по поводу научного открытия: “Справедливость требует не тому отдать наибольшую научную славу, кто первый высказал известную истину, а тому, кто умел убедить в ней других, показал её достоверность и сделал применимую в науке”» [2, с. 91–92].

Так под «артобстрелом» недоброжелателей в науке начинались исследования А. Л. Чижевского по теории и практике аэроионизации, первенство в которых впоследствии, через 20 лет, было признано всем миром.

Экспериментальная группа на дому состояла из самого Александра Леонидовича, его отца – Л. В. Чижевского и его тети – О. В. Лесли-Чижевской. Опыты начались с осени 1918 года. Полученные за декабрь 1918 года данные о весе съеденного корма подопытными крысами, их смертности

² Заметим, что в Калуге во времена К. Э. Циолковского жил историограф Д. И. Малинин, который ненавидел математику и говорил: «История – антогонист математике и никогда не подчинится ее мертвым формулам. Единственная область человеческого знания – история – всегда останется свободной от вмешательства математики» [2, с. 205].

свидетельствовали о достаточной тщательности подбора опытной и контрольной групп животных.

Эксперименты шли весь 1919 год. «Весь 1919 год прошел в работе, – вспоминает Александр Леонидович. – Один опыт следовал за другим. К. Э. Циолковский периодически навещал наш дом и с присущим ему добродушием и теплотой интересовался ходом исследований. Он хвалил меня – опыты давали желаемые результаты» [2, с. 99].

Приоритет Чижевского состоит в том, и это – главное в теории аэроионизации, что он первым в науке обратил внимание на действие полярных аэроионов на организмы животных и человека: или только положительных, или только отрицательных, – и открыл положительное действие на биопсихические процессы отрицательных аэроионов.

В конце 1919 года А. Л. Чижевский заявляет: «Тайна знака разгадана». «Это была первая важная победа в боях за ту область, которую Константин Эдуардович несколько позднее впервые назвал “электронной медициной” – наименование, которое возродилось во всем мире, но уже в 50-х годах текущего столетия, т. е. через 35 лет. Это было провиденциально, как и многое, что сходило с уст Константина Эдуардовича Циолковского», – вспоминает Александр Леонидович.

Иными словами, становящаяся теория аэроионизации, её приложение к медицинским исследованиям можно считать зарождением электронной медицины в революционной, советской России, охваченной гражданской войной.

Поистине, революция социальная в России сопрягалась с революцией духовно-научной. Этот пласт великого синтеза как части эпохи русского Возрождения еще нужно исследовать и «поднять» ради нас же самих, ради ноосферного прорыва и человечества, и России в XXI веке.

Следует отметить большую позитивную роль Анатолия Васильевича Луначарского (1875–1933), известного советского государственного и партийного деятеля, соратника В. И. Ленина, теоретика литературы и искусства, писателя и драматурга, возглавлявшего тогда Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), и Николая Александровича Семашко (1874–1949), первого наркома здравоохранения РСФСР, тогда заведующего кафедрой социальной гигиены 1-го Московского медицинского института, в судьбе А. Л. Чижевского в эти годы.

Именно Луначарский в это время снабдил ученого специальной «грамотой» за своей подписью, которая стала охранным документом от всяких наветов, вымыслов, злословий по поводу проводимых экспериментов над крысами в доме Чижевских в Калуге. Когда по Калуге пустили слухи, что Чижевский завёз крыс, которые вот-вот заразят население Калуги чумой, по указанию Н. А. Семашко было в одном из центральных медицинских институтов Москвы показано, что крысы в опытах и корабельные крысы есть разные крысы, и было выдано соответствующее разрешение на проведение опытов [2, с. 102].

В декабре 1919 года Чижевский докладывает результаты 8-и опытов в местном научном обществе Калуги. «Опыты позволили впервые точно установить, что отрицательные ионы воздуха действуют на организм благотворно, а положительные чаще всего оказывают неблагоприятное влияние на здоровье, рост, вес, аппетит, поведение и внешний вид животных. Полярность ионов постепенно разоблачалась в полном соответствии с моими теоретическими предположениями» [2, с. 103], – заключает ученый. Доклад Чижевский размножил на ротаторе и послал Сванте Аррениусу в Стокгольм (Швецию) при посредстве Леонида Борисовича Красина.

20 мая 1920 года С. Аррениус откликнулся письмом, в котором поддержал результаты исследований, высоко их оценил и пригласил к себе для продолжения исследований в его лаборатории. Письмо произвело большое впечатление на старших друзей Чижевского – профессора Московского университета, физика А. И. Бачинского и академика П. П. Лазарева, который состоял в переписке с С. Аррениусом. П. П. Лазарев уже тогда руководил Институтом биофизики Наркомздрава РСФСР, состоял профессором в ряде вузов и академиком с 1917 года. О нем так отзывался Александр Леонидович: «Со стороны Петра Петровича в течение ряда лет я встречал поддержку моих исследований и внимательное отношение. Он всегда с исключительной тщательностью прочитывал мои экспериментальные работы, иногда делал исправления или требовал более глубокой проработки того или иного вопроса» [2, с. 103].

П. П. Лазарев и его лаборатория стали учителями Чижевского в исследовательском деле, заложили исследовательскую культуру становящегося ученого-мыслителя. Здесь, по свидетельству самого ученого, он познакомился с будущими известными советскими учеными Н. К. Щедро, Т. К. Молодых, С. И. Вавиловым, Б. В. Ильиным, В. В. Шулейкиным, с сестрой знаменитого физика П. Н. Лебедева – Александрой Николаевной Лебедевой, работавшей в комнате-музее П. Н. Лебедева.

Тут же произошла и встреча с Алексеем Максимовичем Горьким, который поддержал Чижевского и, ознакомившись с содержанием и ходом его опытов, предложил свою помощь в организации выезда ученого в Швецию, к Аррениусу. На одной из встреч Горький сообщил Чижевскому, что после его разговора с Лениным и Луначарским последние согласились, «что просьбу Аррениуса следует уважить» и что «вы должны поехать в Стокгольм на два-три года» [2, с. 109]. Был готов и «проект поездки», связанный с намечаемым в Бергене Международным конгрессом по геофизике, на который «молодая Россия» собиралась послать профессоров А. А. Эйхенвальда, П. И. Броунова и А. Л. Чижевского в качестве секретаря. Но поездка потом, за несколько дней до отъезда, была запрещена в связи с подлой формой поведения поэта К. Д. Бальмонта, который написал «патетическую поэму о молодой стране Советов», получил через ходатайство А. В. Луначарского и Г. В. Чичерина заграничный паспорт и командировочные в золотой валюте и после торжественного банкета в Москве, «на котором он уверял собравшихся в своих лучших чувствах к молодой стране Советов», переехав через границу и

очутившись на станции Нарва, собрал митинг и, по оценке Чижевского, «вместо поэмы, прославлявшей русский народ и новую власть, выплеснул на слушателей бочку словесного яда клеветы и лжи, направленных против советской власти» [2, с. 110].

А. Л. Чижевский этот срыв встречи с Аррениусом и возможности 2-х – 3-х летней работы с ним по-философски оценил так: «Так закончилось беспокойное лето 1920 года, и я не поехал за границу – и к лучшему. Судьба человека темна. Судьба слепа. Попав к Аррениусу, я мог увлечься какой-либо другой проблемой, или эта другая проблема могла быть мне поручена Аррениусом, отказаться от нее тоже было бы неудобно, и величайшая проблема о воздухе и до сих пор не была бы разрешена. Кто знает? Ведь могло бы быть и так. Кто может утверждать противное? Путь, ведущий к какой-либо цели, чаще всего бывает не прямым, а сложным, зигзагообразным...» [2, с. 111].

Но нет худа без добра. Благодаря ходатайству В. Я. Брюсова перед Луначарским, только двум калужанам – Чижевскому и Циолковскому – был назначен «академический паек» [2, с. 118]. Советская власть становилась на ноги, и она не забывала о помощи ученым, ведущим исследования.

17 марта 1922 года Чижевский по результатам двух циклов опытов пишет в научном докладе: «Отрицательные ионы воздуха способствуют поддержанию и продлению жизни животных, предохраняя их от преждевременной гибели. В будущем надлежит с чрезвычайной тщательностью изучить механизм этого действия ионов воздуха отрицательного знака. При условии подтверждения этого факта на большом материале, при условии общедоступности «ионификации» помещений будущий человек, пользуясь этим способом, может повести планомерную борьбу за свое долголетие» [2, с. 122].

Так в 1922 году А. Л. Чижевским была впервые сформулирована идея аэроионизации помещений и на этом пути – увеличения здоровья нации. Фактически, здесь, по моей оценке, просматриваются уже основания популяционной валеологии, ее аэроионизационного направления.

Сработала и связь с Аррениусом. Через американскую ассоциацию помощи Шведская Академия наук прислала, по ходатайству Аррениуса, посылки с продовольствием и одеждой, «очень красивый рентгеновский трансформатор», две выпрямительные лампы, счетчик ионов Эберта.

К опытам Чижевского стали присоединяться и медики. Таким соратником стал С. А. Лебединский, с которым на клинические опыты было заключено соглашение.

Были получены результаты по значительному приращению веса у подопытных животных, постоянно находящихся в атмосфере с отрицательными ионами. Крысы, страдающие рахитом, через 15–20 сеансов ионизации отрицательными ионами излечивались. Это открывало путь к повышению продуктивности сельского животноводства, к увеличению веса животных на единицу потребляемых кормов на основе «отрицательной» аэроионизации. «На этот факт мною впоследствии было обращено внимание сельскохозяйственных организаций, а выводы эти были подтверждены специальными исследованиям как у нас, так и за рубежом», – писал Чижевский [2, с. 128].

Третий цикл опытов Чижевский провел с конца июля до середины сентября 1922 года. Этот цикл был посвящен изучению влияния только положительных ионов на животных. Он показал, что это влияние губительно:

- смертность в опытных группах была катастрофично велика и составляла по отношению к первоначальному числу животных 58,3 %;
- средний вес животных в опытных группах неизменно падал;
- средний вес съеденного опытными группами корма непрерывно падал и в результате составил 75,2 % по сравнению с аналогичным показателем в контрольной группе.

5. Второй цикл в творческой эволюции А. Л. Чижевского. Открытие гелиогенетической циклики в истории человечества и становление гелиобиологии

Второй цикл в творческой эволюции Александра Леонидовича Чижевского начинается с того, что он приступает к последовательной разработке проблемы солнечно-биологических связей, правильнее даже было бы сказать – солнечно-биосферных (и соответственно, если воспользоваться понятием ноосферы по В. И. Вернадскому – солнечно-ноосферных) связей. Происходит становление гелиобиологии.

В 1922 году он утверждается профессором Московского археологического института. В 1924 году, благодаря помощи и рекомендации наркома просвещения А. В. Луначарского, поддержке П. П. Лазарева и К. Э. Циолковского, публикуется его книга «Физические факторы исторического процесса», в которой были отражены результаты его исследований, проанализированные в защищенной докторской диссертации в 1918 г.

Начинается работа над монографией по электронной медицине, которая была почти готова к публикации к моменту его ареста в 1942 году и безвозвратно была утрачена во время эвакуации его архива.

В. Н. Ягодинский в своей книге, уже неоднократно мною цитируемой, пишет: «И Луначарский, и автор (т. е. Чижевский – А. С.) понимали, что опубликование этой работы воззовет критику, особенно со стороны «вульгарных социологов» и историков. Так и произошло. «Сразу же ушаты помоев были вылиты на мою голову», – вспоминал Александр Леонидович. Была опубликована серия статей, в которых Чижевского называли и «солнцепоклонником», и мракобесом.

К. Э. Циолковский мгновенно встал на защиту научных результатов исследований своего друга.

В калужской газете «Коммуна» от 4 апреля 1924 года он публикует свою рецензию, в которой защищает в главном концепцию физических факторов исторических процессов. «В своей книге А. Л. Чижевский, – пишет Константин Эдуардович Циолковский, – кратко излагает достигнутые им после нескольких лет работы результаты в области установления соотношения между периодической пятнообразовательной деятельностью Солнца – с одной стороны, и развитием массовых социальных движений, а также течением

всемирно-исторического процесса за 25 веков – с другой. Для этой цели А. Л. Чижевскому пришлось выполнить целый ряд трудных исследований как в области всеобщей истории человечества, так и в области астрономии, биофизики и даже медицинской эпидемиологии. Статистический подсчет исторических событий с участием масс показал, что с приближением к максимуму солнцедейтельности количество указанных явлений увеличивается и достигает своей наибольшей величины в годы максимума солнцедейтельности (60 %). Наоборот, в минимум активности Солнца наблюдается минимум массовых движений (всего 5 %). Это иллюстрируется А. Л. Чижевским “кривыми всемирной истории человечества” за 2500 лет, охватывающими историю более 80 стран и народов. Данные кривые, метод построения которых впервые найден А. Л. Чижевским, навсегда должны будут сохранить за собой имя нашего исследователя. Затем А. Л. Чижевский устанавливает на основании синтеза огромного исторического материала, что с закономерными периодическими колебаниями в деятельности Солнца соответственно закономерно изменяется поведение масс, массовые настроения и прочее. *Словом, молодой ученый пытается обнаружить функциональную зависимость между поведением человечества и колебаниями в деятельности Солнца и путем вычислений определить ритм, циклы и периоды этих изменений и колебаний, создавая таким образом новую сферу человеческого знания. Все эти широкие обобщения и смелые мысли высказываются автором в научной литературе впервые, что придает им большую ценность и возбуждает интерес.* Книжку А. Л. Чижевского с любопытством прочтет как историк, которому все в ней будет ново и отчасти чуждо (ибо в историю тут врывается физика и астрономия), так и психолог или социолог. Этот труд является примером слияния различных наук воедино на монистической почве физико-математического анализа» [5, с. 36–37] (выдел. мною – А. С.).

Так писал великий русский космист XX века, основатель отечественной космонавтики и мировой космонавтики в целом К. Э. Циолковский.

Здесь я хочу обратить внимание на следующие моменты гелио-историко-системогенетического прорыва³, выполненного в науке А. Л. Чижевским:

1) появление историометрии как исторической циклометрии⁴, фиксируемой с помощью «кривых всемирной истории человечества»;

2) фиксация гелиогенетической колебательности в плотности исторических событий, которая может трактоваться как фиксация гелиогенетической цикличности социальной эволюции и соответственно эволюции монолита разумного живого вещества (в лице человечества), погруженного в живое вещество биосферы; К. Э. Циолковский правильно назвал как частную форму этой фиксации «функциональную зависимость между поведением человечества и колебаниями в деятельности Солнца»;

³ Мною вводится понятие гелио-историко-генетического прорыва, в котором отражается роль Солнца как циклозадатчика (в терминологии системогенетики) по отношению к истории, его влияние на историко-генетический аспект в виде наложения циклов солнечной (гелио) активности на «системогенетический процесс» внутри истории, т. е. внутри социальной эволюции

⁴ Понятие циклометрии введено мною в ряде работ в 1990-х годах, см. [12].

3) история человечества как форма его социальной эволюции наряду с имманентно ей присущими социальными законами и закономерностями находится под воздействием её биологического субстрата – биологического субстрата человечества, через который на ход истории влияют циклозадатчики Солнца и в целом Космоса как надсистем, в которые погружена Земля, биосфера и как ее часть – человечество, коллективный человеческий разум.

Последний момент вступал в конфликт со сложившимся взглядом на независимость истории от действия географического детерминизма, на отрицание организмоцентрического взгляда на социальные процессы, на общество как феномен. Поэтому издание книги «Физические факторы исторического процесса» вошло в конфликт с аксиоматикой исторического материализма и имело «большое (в основном – негативное) значение, – как правильно подводит итог В. Н. Ягодинский, – для дальнейшей научной и личной судьбы ее автора» [5, с. 37].

На самом деле, по моей оценке, книга Чижевского расширяла основания диамата и истмата, естественнонаучные основания марксизма. Но ученые – марксисты в советской науке 20-х годов не были готовы диалектически взглянуть на открытие Чижевского.

В этом проявился нарастающий догматизм советского марксизма, который ограничивал само поле понимания действия исторической диалектики. Позже это проявилось в учиненном властями разгроме советской генетики.

Ягодинский справедливо замечает по этому поводу, что идея синхронизации цикличности событийной логики истории (особенно в ракурсе экстремальных исторических событий – революции, войны, мора, голода, стихийных действий, особенно тяжких по своим последствиям) и цикличности солнечной активности рассматривалась большинством оппонентов Чижевского как реанимация «географического и вообще природного детерминизма» [5, с. 38] и отвергалась тут же на основаниях старой критики.

Сам Чижевский выступал против упрощенного понимания этой идеи и на этом настаивали такие знаменитые её сторонники, как, например, К. Э. Циолковский и П. П. Лазарев.

В монографии «Земное эхо солнечных бурь», которая была опубликована с большим запозданием только в 1973 году, *Чижевский писал, что Солнце напрямую «не решает ни общественных, ни экономических вопросов», эти вопросы решает человек, но оказывает влияние на «биологическую жизнь планеты»* [5, с. 38] *и, соответственно, на биопсихосоциальную сферу деятельности человека, а через нее и на исторические процессы.*

В лаборатории В. Л. Дурова Александр Леонидович в 20-х-годах выполнил специальное исследование по передаче мысли-образа на расстояние, о котором впервые стало известно только в 1991 году благодаря работе В. А. Чудинова «Чижевский как историк парапсихологии», опубликованной в сборнике докладов Межрегиональной научной конференции «Проблемы биополя» (Ростов Ярославский, 1991, с.98–106) [5, с. 48].

Эта работа Чижевского была написана им совместно с А. И. Ларионовым и В. К. Чеховским (хотя материал готовил только Чижевский) не ранее 1925 года на 18 страницах (Архив РАН, фонд 1703, оп.1, дело 4) [5, с. 50]. Рукопись осталась незаконченной, что-то прервало работу над ней. В ней дана история опытов по передаче мыслей на расстояние, охватывающая 7 периодов.

А. Л. Чижевским фактически была выдвинута научная гипотеза о том, что передача мыслей на расстоянии сопряжена с работой клеток как радиопередающих устройств.

Они резонируют с ноосферными, по моей оценке, высказываниями Н. К. Рериха: «Предполагается, что мысль, посланная из определенного места, будет принята также в определенном месте, где её ожидают, но, подобно радиоволнам, эти же мысли-образы будут восприняты подходящими приемниками и во множестве других мест. Это простое соображение еще раз напоминает нам, как велика ответственность человека за мысль и в каком контексте может находиться эта мысленная нервная энергия и с космическими явлениями величайшего масштаба» [5, с. 53].

Монография В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление», которая подчеркивает ответственность человеческой мысли, её планетарную преобразующую силу, включает в том числе и идею о культурных, психических энергиях, влияющих на процессы в биосфере.

В. П. Казначеев со своими учениками, начиная с экспериментальных исследований в 70-х годах, доказал существование дистантной формы передачи информации между клетками, показал, что существует сложная форма реализации передачи мыслей на расстоянии между людьми на основе концепции живого пространства и «пространства Козырева» («зеркал Козырева») [13].

Здесь важно подчеркнуть, что у истоков этого направления отечественной научной мысли, имеющего ноосферно-ориентированный характер, стоит наряду с фигурами В. И. Вернадского, В. М. Бехтерева, Н. К. Рериха, В. Л. Дурова и гений А. Л. Чижевского.

6. Мировое признание. «Земля в объятиях Солнца»

Мировая слава Чижевского начинает оформляться и расти. Ученые друзья во Франции, по его же собственному признанию, – основоположник теории биолуминесценции профессор Рафаэль Дюбуа и профессор-медик Жюль Реньо способствовали избранию его в Тулонскую академию наук. Об этом событии известие пришло к Чижевскому в одном из писем в 1929 году. По этому поводу ученый-мыслитель грустно замечает: «Звание академика значило признание моих заслуг за рубежом, в то время как эти работы еще не вызывали у многих отечественных ученых положительной оценки» [2, с. 348]. Затем последовали награждения «дипломами члена» наиболее крупных медицинских обществ Франции – Общества сравнительной патологии и общей гигиены Парижского, Рейнского и других медицинских обществ, Общества электротерапии и радиологии Франции, Медико-биологического общества в Монпелье и других. Растет и интерес к творчеству Чижевского и в научной среде США.

Колумбийский университет в Нью-Йорке в 1929 году одним из первых откликается на работы по аэроонификации и приглашает ученого для чтения курса биофизики. Профессор В. П. де Смитт сделал в Нью-Йоркской академии наук и других американских научных обществах ряд докладов по работам Чижевского. Поступили приглашения для чтения лекций по биологической физике и космической биологии от Принстонского, Йельского, Гарвардского, Станфордского и других университетов США.

Представитель крупнейшей медицинской ассоциации США К. Андерсен-Арчер была в июне 1930 года командирована в СССР для знакомства с работами и экспериментальной базой исследований Чижевского. Ей были показаны соответствующие результаты опытов и соответствующие «базы» в лаборатории Дурова, в лечебнице доктора В. А. Михина, материалы опытов и истории болезней, представленные ветеринарным врачом Тоболкиным. Нагруженная копиями материалов, К. Андерсен-Арчер вернулась в Нью-Йорк и сделала доклад в Институте по изучению туберкулеза им. Трюдо, в результате чего два виднейших американских специалиста направили председателю Совнаркома СССР и Председателю Всесоюзного общества культурных связей с заграницей Ф. Н. Петрову письма с приглашением Александра Леонидовича в США на 8 месяцев. «Широкая пресса Америки, особенно Ассошиэтед Пресс, в необычных масштабах разнесла вести об этих работах (по аэроонификации – А. С.) по всему миру...» [2, с. 350].

Но было и критическое отношение, например, в Великобритании, со стороны учеников Резерфорда. Однако после ответов Чижевского на их критические замечания они признали его правоту. В августе 1930 года (на страницах «Британского журнала актинотерапии и физиотерапии» (том 5, № 5) появляется доброжелательная статья доктора К. Морелла «Лечение легочных заболеваний ионизированным воздухом», которая закрепляла, по признанию самого же Чижевского, «приоритет советской науки в области аэроонификации» [2, с. 352]. Результатом этого стало то, что «лед недоверия на берегах Темзы был сломан» [2, с. 352], и по личному поручению Эрнеста Резерфорда, вице-президента организационного комитета VI-го Международного конгресса по физической медицине, Чижевский был избран почетным членом этого оргкомитета. Его доклад на тему «Искусственная ионизация воздуха как терапевтический фактор» оказался единственным докладом в этой области [2, с. 353]. Великобританская ассоциация по изготовлению медицинской аппаратуры (Лондон) сделал предложение Чижевскому о продаже патента. «Настойчивые требования английской фирмы, – пишет Александр Леонидович – принудил Комитет по изобретениям 16 сентября 1930 года выдать мне авторское свидетельство за № 24387, но, конечно, не для того, чтобы продавать его англичанам» [2, с. 353].

Что же показал Чижевский к этому времени в своей теории аэроонификации?

1) В воздухе есть аэрооны – «витамины воздуха» – ионы воздуха отрицательной полярности, без которых даже чистейший воздух смертелен. Это было гениальное, эпохальное открытие.

2) Аэроионизация может стать мощным средством в решении проблемы сохранения здоровья и продления жизни человека.

3) Необходима аэроионизация отрицательными ионами воздуха закрытых помещений, в котором таких отрицательных ионов не хватает и в котором большинство людей проводит большую часть жизни.

4) Разработал аэроионизационный аппарат, получивший название «люстры Чижевского».

5) Между человеческим организмом и воздушной средой осуществляется электрообмен, в котором дыханию принадлежит первостепенное значение. Наблюдения 1925–1929 гг. над людьми и животными показали, что униполярно («отрицательно») ионизированный воздух оказывает определенное воздействие на функцию дыхания и становится лечущим фактором по отношению к легочным заболеваниям.

6) Ионы кислорода по Чижевскому являются ничем иным, как биокатализаторами, воздействующими на окружающие молекулы и поднимающими их энергетический уровень.

Данные положения послужили основой для следующего цикла исследований в данном направлении.

В этот же десятилетний период с 1922 по 1932 год шло активное становление гелибиологии и космобиологии по Чижевскому, вносящих существенный вклад в учение о биосфере В. И. Вернадского и, соответственно, в систему научных воззрений на ноосферу, которая мною в 90-х годах была названа ноосферизмом.

Ключевой работой в этом направлении является работа «Земля в объятиях Солнца» (697 с.), написанная уже к 1931 году [7, с. 6]. Она объединила все работы Чижевского по солнечно-биосферным (солнечно-земным) связям. Отдельный фрагмент этого капитального труда увидел свет в 1928 году в парижском издательстве «Гиппократ» под названием «Les Epidemies et les perturbations electromagnetiques du milieu exterieur», а затем уже, спустя 25 лет, эта работа на родном, русском языке была издана в издательстве «Мысль» в 1973 году под названием «Земное эхо солнечных бурь» (2-е издание – в 1976 году). Собственно говоря, эта работа развивала монографию «Физические факторы исторического процесса», поднимала уровень обобщений ученого на новую высоту.

Большую роль в поддержке этого направления исследований и в его защите на официальных уровнях советской власти сыграл первый народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко. Вторым человеком, поддержавшим гелиобиологические исследования Чижевского, в частности, в области влияния Солнца на периодичность возникновения эпидемий гриппа, стал известный советский врач-инфекционист Глеб Александрович Ивашенцев, автор знаменитой книги «Курс инфекционных болезней». В 1931 году выходит во «Врачебной газете» его обширная статья «К проблеме этиологии и эпидемиологии гриппа», в которой он оценил исследования Чижевского в области космической эпидемиологии как «величайшую научную вершину» [2, с. 528].

У Чижевского имелись сотни тетрадей и сотни зарисовок поверхности Солнца. Он регулярно получал бюллетень солнечных данных из Цюрихской лаборатории, создал микробиологический «кабинет» с отличным микроскопом Цейса, чашками Петри, термостатом и т. д. и уже, по его же признаниям, с 1925 года вел эксперименты по воздействию солнечных лучей на микробы.

Предмет исследований эпидемиологии охватывает разнообразные явления и объекты биосферы. Микробы и вирусы, служащие первопричиной возникновения инфекционных заболеваний, составляют огромную часть микромира биосферы, пронизывающее её живое вещество.

По моей оценке, микро-вирусная составляющая живого вещества биосферы служит мощной «обратной связью» в системе биотической регуляции в рамках её гомеостатических механизмов, в частности, поддерживающей определенные интервалы пропорций между биомассами «царств» в биотаксономической «пирамиде» биосферы. Именно в рамках этого утверждения я предполагаю, что появление эпидемии СПИДа обусловлено чрезмерным «антропогенным давлением» на функционирование гомеостатических механизмов.

В этом контексте пандемия СПИДа есть сигнал-реакция биосферы на антропогенное давление, уже представшее к концу XX века в виде первой фазы Глобальной экологической катастрофы. Замечу по ходу изложения, что сама полицикличность («поликколебательность») функционирования биосферы является формой проявления действия гомеостатических механизмов и периодические эпидемии (пандемии) – часть действия механизмов «неравновесного динамического равновесия» биосферы.

В. Г. Ягодинский правильно заостряет мысль, что «...эпидемический... процесс является интегральным выражением целой совокупности изменений социальной, природной и биологической среды во всех их взаимосвязях и на всех уровнях организации биосферы» [5, с. 95].

Нужно отметить, что на ход рассуждений, сам тип мышления Чижевского, его теоретический дискурс, понятийный аппарат огромное влияние оказала книга В. И. Вернадского «Биосфера», вышедшая в 1926 году. Л. В. Голованов в своей вводной статье «Космический детерминизм Вселенной» к книге А. Л. Чижевского «Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия» (1995) подмечает этот факт [7, с. 17].

«Земля в объятиях Солнца» – это фундаментальное произведение Чижевского – мощно дополняло учение о биосфере и ноосфере В. И. Вернадского, в первую, очередь по линии воздействия космо-гелио-системогенетических связей на эволюцию биосферы, в том числе и в ее новом состоянии – ноосферы, когда человеческая мысль по своей энерго-преобразующей силе сравнялась с геологическими факторами биосферной эволюции.

Поражает уровень и глубина обобщения. Это действительно была презентация, уже по моей оценке, опыта ноосферно-ориентированного синтеза наук, который становится ключевым моментом новой волны синтеза наук в форме ноосферизма XXI века.

Главные итоги в работе Чижевского сводятся к следующему.

1) Концепция циклики солнечно-биологических связей в ее развернутом виде становится основанием гелиобиологии и космобиологии.

2) Периодичность возмущений на Солнце (цикличность пятнообразования) имеет определенный параллелизм с цикличностью эпидемических катастроф. Этот вывод получил аргументацию в новой, хорошо обдуманной концепции «эпидемических катастроф». «При объяснении этих совпадений ученый придерживается той точки зрения, что в эпохи напряжений в деятельности Солнца, когда повышается его корпускулярная и электромагнитная продукция, вся Земля с ее атмо-, гидро-, лито- и биосферой испытывает на себе влияние усиленного скачкообразного прилива от Солнца» [5, с. 95].

3) Чижевским были предложены методы оценки количественной связи между периодическими процессом энергетической активности Солнца и периодическими процессами в разных областях системы «Земля – Биосфера – Общество – Человек», будь то массовые стихийные движения в истории человечества, будь то эпидемии, будь то землетрясения, другие природные катастрофы, будь то «психические эпидемии» (понятие Чижевского), базирующиеся на сравнении статистических рядов и их сглаживании с помощью гармонических функций. Эти методы, тривиальные для нынешнего времени, тогда, в первой трети XX века, были новаторским нововведением, как справедливо замечает В. Н. Ягодинский [5, с. 100].

4) Гелиобиологическая концепция по Чижевскому есть одновременно и космобиологическая концепция. Последняя выражается в том, что в полицикличности процессов в биосфере на планете Земля в целом отражается «биение общемирового пульса» [5, с. 88], «космический пульс жизни». В этом «пульсе» проявляется «иерархия циклов земных процессов в зависимости от аналогичных периодов магнитной возмущенности и солнечной активности (измеряемой числами Вольфа и другими индексами). Хорошо известны 5–6, 11, 22, 33–35- летние, а также 90-летие солнечные и климатические циклы, находившие отражение в динамике биосферы (засухи, наводнения и т. п. и их, например, биологические последствия)» [5, с. 88–89].

Именно в этом контексте А. Л. Чижевский, если прибегнуть к языку системогенетики [10], прослеживает системогенетическую связь между «астрологической» формой рефлексии над действием космических циклоздатчиков и теоретической (гелио- и космобиологической) рефлексией, представленной в его научно-теоретической системе.

7. Концепция психических эпидемий

К заслугам этого периода в жизни Чижевского относится и разработанная им концепция психических эпидемий как неотъемлемая часть гелиобиологии. Он доказательно продемонстрировал, что периодические «пожары» (моя метафора – А. С.) в форме психических эпидемий отражали воздействия солнечно-энергетической цикличности на нервную систему и психику людей, в целом на социальную психологию масс людей. *Причем, чем ниже культура масс, чем больше они подвержены влиянию «темных чувств», тем больше это*

влияние (как бы изнутри), через психобиологический субстрат людей, их «бессознательное».

Вполне возможно (это уже мое предположение!), что в «бессознательном» как в эволюционной памяти [14] хранится память такого периодического воздействия и соответствующих психических реакций. «Дорого обходятся человечеству эти периодические массовые реакции. Миллионы жизней гибнут в этой борьбе обнаженных инстинктов» [2, с. 641]. Но, как замечает ученый, «с ростом культуры в массовые движения вкладывается всё большая и большая организованность, несколько затушевывающая их непосредственно стихийный характер. Взрослое человечество будет, по-видимому, считать массовые движения ненормальностью и прибегать к ним лишь в исключительных случаях» [2, с. 641]. А я замечу, что «взрослое человечество» с позиций ноосферизма и есть ноосферное человечество.

Заслуга Чижевского состоит в том, что он первый убедительно показал наличие циклического гелиобиологического детерминизма в самом потоке исторической событийности на основе метода (таблиц) синхронизации солнечной циклики и историко-событийной циклики. Эта линия отечественной мысли получила подтверждение в исторической этнологии Л. Н. Гумилева, в открытом им действии «космического пульса жизни» в виде «пассионарных толчков» в процессах этногенеза (этносферы) во взаимодействии с биосферой [15].

Вопрос, стоящий перед современниками, стоит в том, чтобы не впасть в биологизаторство оснований истории, это будет крупной методологической ошибкой, а соблюсти меру диалектической логики, в которой и учитывалось бы воздействие «того огромного биологического вихря», о котором пишет Чижевский.

8. Закон квантитативно-компенсаторной функции биосферы – открытие А. Л. Чижевского

В обобщающей работе «Земля в объятиях Солнца» Чижевский открывает закон квантитативно-компенсаторной функции биосферы. Именно так назвал этот «закон Чижевского» В. П. Казначеев (1991) [16]. Сама эта квантитативно-компенсаторная функция есть отражение действия гомеостатических механизмов биосферы, «тренировка» которых находится под постоянным циклическим воздействием гелиотараксии (ἡλιотαραξία)⁵ – «солнечного возмущения» [17, с. 659].

Закон квантитативной компенсации впервые был сформулирован А. Л. Чижевским 31 января 1929 года в докладе «Закон количественной компенсации в вегетативной функции земного шара», прочитанном в практической лаборатории зоопсихологии, возглавляемой В. Л. Дуровым. Александр Леонидович раскрывает «взаимодействие структур биосферы и неодинаковость проявления связи биосферного механизма с колебаниями солнцедетальности» [5, с. 81] и показывает, что «местные геофизические и

⁵Ἥλιος – Солнце: таракξία – смущение, беспорядок, политическое волнение, раздор, распри, восстание.

метеорологические особенности вносят своеобразие в характер действия космических факторов на органический мир» [5, с. 81].

Чижевский обнаруживает систему разных фазовых сдвигов (отклонений от точек минимума и максимума) по отношению к кривой солнечной активности, наблюдаемых применительно к разнообразным процессам живой природы, в том числе и в «живой природе» человечества. Поиск причины этих «сдвигов» и привел ученого к формулировке «закона квантитативной компенсации в функциях биосферы в связи с энергетическими колебаниями в деятельности Солнца» [5, с. 81]. Его суть состоит в «формуле»: *«количественные соотношения в ходе того или иного явления на очень больших территориях имеют тенденцию к сохранению путем периодических компенсаций, давая в среднем арифметическом одну и ту же постоянную величину или близкую к ней»* [5, с. 81].

А. Л. Чижевский придавал этому закону в своей системе гелиобиологии больше значение. Он де-факто рассматривал Землю задолго до концепции Земли-Геи как живого организма Дж. Лавлока как некий целостный организм⁶.

В ноосферизме закон Чижевского был прямо проинтерпретирован мною как закон гомеостатических механизмов биосферы как суперорганизма, взаимодействующий с законами Бауэра-Вернадского (формулировка в объединительном смысле этих законов предложена В. П. Казначеевым), в которых отражается способность живых систем производить негэнтропию в окружающей среде.

Объединяя разные уровни действия этих законов применительно к уровневой организации биосферы, можно говорить о комплексном законе Бауэра-Вернадского-Чижевского [18; 19]. Появление первой фазы Глобальной экологической катастрофы на рубеже XX и XXI веков свидетельствует о том, что человечество в своем антропогенном давлении на гомеостатические механизмы биосферы подошло к порогу их компенсационных способностей (в соответствии с действием «Закона Чижевского»).

Закон квантитативно-компенсаторной функции биосферы – крупное открытие А. Л. Чижевского и его весомый вклад в становящуюся в XXI веке научно-мировоззренческую систему ноосферизма.

Концепция этого закона Чижевского меняется, насыщается современным содержанием. Впереди новые открытия в лоне действия этого закона, которые отразят более «тонкие механизмы» в логике устойчивого развития биосферы.

В терминологии Чижевского атрибут «квантитативная» несет смысл «метрологическая», количественно-мерная [17, с. 679].

В наше время этот атрибут получает новое, неожиданное звучание. Он отражает квантовую форму действия механизма компенсации в биосфере – форму компенсации квантами, что корреспондируется по смыслу с циклической природой компенсаторных процессов в биосфере. Квант и есть

⁶ В. Н. Ягодинский так формулирует этот момент во взглядах Чижевского: «Система биологических процессов Земли рассматривалась как нечто единое, подобно целостному организму» [5, с. 81].

«квантитативная единица», причем энергетическая единица, о которой рассуждает Александр Леонидович.

9. Второй период второго цикла в творчестве А. Л. Чижевского. Концепция органического электрообмена. Становление аэроионотерапии

Второй период второго цикла в творчестве Чижевского охватывает десятилетие с 1932 по 1942 годы. Этот цикл характеризуется большим акцентом в работе ученого на научно-организационную деятельность. К этому периоду Александр Леонидович окончательно формулирует проблему аэроионификации как народнохозяйственную задачу.

10 апреля 1931 года в «Правде» и «Известиях» было опубликовано постановление Совета народных комиссаров СССР о научных работах А. Л. Чижевского. Его наградили премией Совнаркома и премией Наркомзема СССР. Одновременно была учреждена Центральная научно-исследовательская лаборатория ионификации (ЦНИЛИ) с целым рядом филиалов, директором которой был назначен Чижевский. Это было официальное признание результатов исследований Чижевского и его победа в той дискуссии, которая велась вокруг его приоритетов. Хотя враги, также как и профанаторы его идей, никуда не исчезли и только притаились.

Кроме того, с 23 марта 1931 года Чижевский состоял профессором на кафедре климатологии и ионификации Института птицеводства и птицепромышленности и одновременно заведующим отделом ионификации в НИИ птицеводства Наркомзема СССР.

Правительством были отпущены на деятельность ЦНИЛИ финансовые средства, которые позволили привлечь к работе видных зоотехников, врачей, физиологов и биохимиков. В исследованиях, выполненных в лаборатории или по ее заданию, участвовало до 50 научных работников [5, с. 177].

По итогам исследований в ЦНИЛИ уже в 1933 и 1934 гг. были опубликованы два капитальных тома, которые в скором времени были переведены на ряд иностранных языков. Кроме того, были написаны рукописи по законченным исследованиям, «которые должны были составить содержание еще двух томов» [5, с. 178].

Организацией научно-практических работ по аэроионификации птичников руководил В. А. Кимряков (совхоз «Арженка», Воронежский сельхозинститут). Биологическое отделение ЦНИЛИ возглавлял А. А. Передельский, в будущем ставший доктором биологических наук. Он со своей группой научных сотрудников изучал влияние аэроионов отрицательной и положительной полярности на эмбриональное развитие, определял значение дозировок, первичные механизмы биологической реакции на аэроионы, влияние отрицательных и положительных аэроионов на митогенетический режим, сахар, щелочной резерв крови и т. д. Исследования группы Передельского подтвердили выводы Чижевского, сделанные им еще в результате первых циклов опытов во время Гражданской войны, – это противоположное влияние отрицательных и положительных ионов на организм, а также важную роль легочного аппарата как первого приемника аэроионов в организме.

А. В. Леонтович как старый коллега Александра Леонидовича, будучи профессором Сельхозакадемии им. Тимирязева, курировал исследования по влиянию на животных. Профессор зоологии МГУ Г. А. Кожевников консультировал опыты над пчелами в совхозе «Марфино». Профессор К. П. Кржишковский с сотрудниками изучал вопрос о влиянии отрицательных аэроионов при различных авитаминозах.

Консультантом-физиологом выступал профессор Л. Л. Васильев, руководивший тогда отделом в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде. В течение 1932–1936 гг. группа под его началом на средства ЦНИЛИ выполнила целый ряд работ по расшифровке механизма действия униполярных аэроионов. Были выполнены исследования по газообмену, хронаксии, физико-химии крови, которые снова подтвердили (на более высоком экспериментальном уровне) противоположное действие отрицательных (положительное действие) и положительных (отрицательное действие) ионов воздуха на организм.

Летом 1932 года на Воронежской станции по аэроионификации в птицеводстве на материале ЦНИЛИ совместно А. Л. Чижевским и Л. Л. Васильевым впервые была экспериментально обоснована концепция органического электрообмена, которая позволила приблизиться к пониманию механизмов физиологического действия униполярных аэроионов.

Фактически это было развитием идей электронной медицины, которые были сформулированы Александром Леонидовичем еще в 1919 году в рукописной работе «Морфогенез и эволюция с точки зрения теории электронов».

Теперь эти исследования по электронной медицине возобновились. Исследования по электрообмену продолжались в 1933–1936 гг. и затем в 1939–1941 гг., когда под руководством Чижевского были созданы при Управлении строительства Дворца Советов две лаборатории аэроионификации, а Л. Л. Васильев принял участие в ряде экспериментов. По программам ЦНИЛИ также работали профессора А. И. Божевольнов, А. Б. Вериге, А. П. Поспелов, Л. Н. Богоявленский, а также В. И. Жиленков, Б. Я. Ямпольский, А. С. Путилин.

В это же время осуществляются опыты по использованию аэроионов в медицине, в частности, для лечения ряда болезней.

Одновременно расширяется применение отрицательных аэроионов за рубежом. «В 30-х годах фундаментальные руководства по физиотерапии, климатологии, климатотерапии, биофизике, гигиене, как правило, уже имели специальные главы, посвященные действию аэроионов на организм человека» [5, с. 179]. Это было всемирное признание теории аэроионизации Чижевского.

В содружестве с ЦНИЛИ работали врачи в Москве, Воронеже, Ленинграде, Киеве, и «эта совместная работа принесла определенную пользу» [5, с. 179].

Чижевский очень щепетильно относился к техническому базису аэроионификации и активно выступал против случаев профанации этого метода, число которых нарастало. Здесь важно соблюсти меру в генерации

отрицательных аэроионов кислорода, при этом нейтрализовать негативное явление наполнения воздуха «псевдоаэроионами» – электризованными частицами (мелкими капельками воды, металлическими пылинками, копотью, веществами радиоактивного распада (радон), озоном и т. д.). Именно этими недостатками страдали альтернативные ионизаторы, не выдерживающие конкуренции с «электроэффлювиальным методом», материализацией которого была «люстра Чижевского».

Это дало основания для перехода к использованию аэроионификации в валеологических целях (если воспользоваться современным понятием валеологии как науки о здоровье) и в целях повышения эффективности лечебных процессов.

Известный писатель П. Павленко, автор романа «Счастье», страдавший легочным заболеванием, неоднократно встречался с ученым и пользовался его помощью. Даже в одно время он мечтал написать книгу о Чижевском. По крайней мере, идеи Чижевского нашли отклик в романе.

Происходило становление аэроионотерапии.

В конце 1938 года Чижевскому было предложено организовать две лаборатории аэроионификации при строительстве Дворца Советов. Эти лаборатории возглавил В. К. Варищев (третий Московский государственный медицинский институт, кафедра общей и экспериментальной гигиены) и Л. Л. Васильев (Ленинградский государственный педагогический институт). А. Л. Чижевский состоял в штате проектной мастерской и возглавлял «группу при авторе», «в которой изучались: биологическое действие дезионизированного (профильтрованного) и ионизированного воздуха; очищающее (стерилизирующее) действие искусственной аэроионизации на пыль и бактерии воздуха; физиологическое действие аэроионов обоих знаков; распыляющие и ионизирующие свойства гидроэлектрического генератора аэроионов» [5, с. 190].

За время работ на строительстве Дома Советов ученый подготовил ряд трудов [5, с. 191]:

- трехтомник «Аэроионы»;
- трехтомник «Труды по ионификации».

Потом 7 томов трудов ученого «Аэроионы» (1937–1939 гг.) и 4-х-томник А. Л. Чижевского, Л. Л. Васильева и других под названием «Аэроионификация как гигиенический фактор» (1939–1940 гг.), были представлены перед самым началом войны на соискание премии им. И. В. Сталина [5, с. 190].

К 1941 году были решены многие практические и технические вопросы аэроионификации, но война и затем арест в 1942 году прервали эту работу. Чижевский вернулся к ней только в конце 50-х годов.

10. Мировые приоритеты титана эпохи русского Возрождения

1939 год – вершина мирового признания Чижевского и его научной славы. Она выразилась в форме признания его заслуг на «Международном конгрессе по биологической физике и биологической космологии» в Нью-Йорке,

проходившем с 11 по 16 сентября 1939 года, на котором был принят «Меморандум о научных трудах д-ра А. Л. Чижевского».

Сам по себе этот факт беспрецедентен в истории мировой науки. По моей оценке, этот акт значит даже больше, чем присуждение Нобелевской премии. Хотя, по свидетельству А. Л. Чижевского, его представляли к Нобелевской премии. Но в те дни «к нему пришли двое незаметных товарища и «попросили» отказаться о премии [5, с. 291]. В этом «меморандуме» закреплялись 22 мировых приоритета Чижевского, которые уже раскрывались выше.

22 мировых приоритета! Это действительное мировое признание универсальности гения Александра Леонидовича Чижевского, достойного представителя вернадскианского цикла эпохи русского Возрождения.

В «Меморандуме» подчеркивались капитальные исследования Чижевского [5, с. 363–364]:

- по микробиоклиматологии;
- о психологических эпидемиях;
- о физикохимии воспалительных процессов;
- о роли электростатики в иммунитете;
- об авитаминозах и витаминах;
- об олигодинамических явлениях;
- о графической регистрации сна в норме и при патологии;
- о вредности алюминиевой посуды;
- об аэроионостерилизации воздуха;
- по морфогенезу и эволюции форм;
- об электростатическом распылении жидкостей в целях ингаляции;
- об электричестве выдохнутого воздуха;
- по теории злокачественных образований и др.

Само избрание А. Л. Чижевского Почетным президентом Конгресса было также актом признания его заслуги в областях гелио- и космобиологии, биофизики, теории аэроионификации, электронной медицины перед всем мировым научным сообществом. К сожалению, власти А. Л. Чижевского на Конгресс не пустили. Кто-то, кого считал Чижевский своим таинственным недругом, продолжал ему пакостить.

Но эпоху русского Возрождения было невозможно приостановить, также как и невозможно погасить исследовательскую мысль настоящего человеческого разума, обращенного к добру, к повышению качества жизни и установлению ноосферной гармонии.

А. Л. Чижевский внес и свой вклад в методологию научных обобщений. Здесь его метод близок к методу В. И. Вернадского, к тому, что он назвал «эмпирическим обобщением».

Статистические связи между цикличностью энергетической активности излучений Солнца и цикличностью биопроцессов в биосфере и цикличностью исторических процессов на уровне массовых экстремальных событий, раскрываемые Чижевским на основе построения синхронических таблиц, представляли собой несомненно «эмпирическое обобщение» по В. И. Вернадскому.

Сам Александр Леонидович так оценивал свой вклад в эту область: «Не только Н. А. Семашко, Г. А. Ивашенцев и С. Т. Вельховер, но и многие другие видные ученые поддерживали или интересовались моим исследованиями, отнюдь не считая их фантастическими гипотезами. Эти ученые уже в то время знали, что статистические закономерности совершенно равноценны лабораторному эксперименту. В числе таких ученых были акад. В. И. Вернадский, акад. А. В. Леонтович, К. Э. Циолковский, проф. А. А. Садов, чл.-корр. АН СССР проф. Г. Д. Белоновский, проф. А. В. Репрев, акад. В. Я. Данилевский и другие, которые устно или печатно высказали свое положительное мнение об этих исследованиях [17, с. 730]. Именно на этом пути ученый впервые показал, что «колебания общей смертности достаточно хорошо следуют за кривой циклической деятельности Солнца. В годы максимальной активности Солнца обычно наблюдается большой пик смертности, в годы минимума – тоже пик, но значительно меньшей высоты» [17, с. 732].

Чижевский вводит понятие гелиотараксии, под которой понимают циклическое – возмущающее (или циклически-возбуждающее) действие Солнца («гелиоса») на Землю с ее биосферой как органическое целое.

Возмущающее ритмо-циклическое действие Солнца как в моменты повышения своей активности как бы увеличивает амплитуду напряженности протекающих социально-исторических процессов. «Энергия солнечных бурь, достигая Земли, тем или иным путем повышает возбудимость нервно-психического аппарата, чем и способствует более резким ответам организма на социальные раздражители. Если таковые имеют место в данном сообществе» [17, с. 702].

11. Третий цикл творческой эволюции А. Л. Чижевского. Наперекор судьбе

С января 1942 г. до середины 1944 г. Чижевский, будучи осужденным на 8 лет лагерей, находился в Челябинске и в Ивделе, работал в кабинетах аэроионотерапии и клинических лабораториях.

С 1944 по 1945 гг. был научным консультантом лаборатории в Кучине под Москвой. Затем несколько лет (с 1945 по 1950 гг.) провел в Долинке и Спасском под Карагандой.

С 1950 по 1957 гг. проживал в Караганде, сотрудничая в различных медицинских учреждениях как ссыльный [5, с. 278].

Во всех местах заключения, где был Чижевский, он умел поставить себя так, что с ним считались и везде, не прекращая, он проводил научные исследования.

Математик Павел Гаврилович Тихонов вспоминает, что первая встреча с ученым у него произошла во внутренней тюрьме НКВД в 1942 году в Челябинске, поскольку их арестовали одновременно. Вторая встреча состоялась в 1947 году в Спасске, примерно в марте. Он оказался лежащим больным в палате главврача Григоровича и мог часто наблюдать за Александром Леонидовичем, который «сидит в лаборатории», «что-то пишет или смотрит в микроскоп». «В клинической лаборатории он оставался иногда и на ночь. В углублении в виде лоджии едва помещалась его койка» [5, с. 278].

П. Г. Тихонов стал соратником Чижевского в исследованиях «по оседанию крови» и производил математические расчеты, разрабатывал математические модели гидродинамики крови.

Помогал Чижевскому в математической части исследований и Георгий Николаевич Перлатов, ставший соавтором Александра Леонидовича в книге, подводившей итоги исследованиям структурного анализа движущейся крови [5, с. 274].

Г. Н. Перлатов отмечал в Чижевском «мягкость, чувствительность, но одновременно стойкость в убеждениях. В этих чертах его характера есть какое-то сходство с Герценом» [5, с. 294], – писал он в своих воспоминаниях. «В поэзии он отражал движение самой природы. Эгодисперсия – полное растворение, слияние с природой, как у Тютчева» [5, с. 294]. «В живописи он был солнцепоклонником. Любил Рериха (прошлое воплощалось в настоящем)» [5, с. 294].

Ирина Николаевна Кулакова вспоминает образ Чижевского уже в 1953 году, когда он был почти в том возрасте, в котором увидел впервые Циолковского в 1914 году: «...Я повстречала гражданина выше среднего роста, в телогрейке, кирзовых сапогах. Обращала на себя внимание длинная густая седая борьба, но на лице было написано благородство, интеллигентность». Ему тогда исполнилось 56 лет, а Циолковского он описал, когда тому было 57 лет. «Я хотя и считалась его начальницей, но не уставала называть себя его ученицей. Я боготворила его. За короткий срок им была написана на основе исследований, проведенных в лаборатории, монография «Биофизические механизмы реакции оседания эритроцитов». Издана в Новосибирске в 1980 году [5, с. 294].

В лагерях Чижевский встретил вторую свою любовь в лице Нины Вадимовны Энгельгардт.

Нина Вадимовна Энгельгардт, ставшая второй женой Александра Леонидовича – из знатного рода Энгельгардтов, его смоленской ветви, которая дала России много известных деятелей. Николай Федорович Энгельгардт (1799 г. р., т. е. родившийся в один год с А. С. Пушкиным), прадед Нины Вадимовны, командовал пехотной дивизией в Севастопольскую компанию (1854–1855). Другой предок – Александр Николаевич (1832–1893) был сначала артиллерийским офицером, а потом знаменитым землевладельцем. Его сыновья Михаил и Николай стали известными писателями.

Нина Вадимовна родилась 30 марта 1903 года в родовом имении Климово. Любимая ее сестра воевала на стороне «белых» в Крыму, выносила раненных с поля боя во время сражения на Перекопе, была потом арестована, подверглась пыткам и расстреляна.

Нина тоже прошла 5-летнюю высылку на Соловки. После освобождения стала актрисой в ансамбле под руководством Е. Перешкольника. Потом ее снова арестовали по обвинению в шпионаже. Была на грани смерти. Выжила.

С Александром Леонидовичем Чижевским была знакома с детства. Её любовь не раз спасала вспыльчивого и бескомпромиссного Чижевского в трудные годы лагерной жизни.

Нина Вадимовна поддерживала мужа и помогала в его исследованиях, требовавших беззаветной самоотдачи. И сама была такой же, как и муж, беззаветной, самоотверженной, стойкой и прошла остаток жизни Чижевского рядом с ним, не только как супруга, но и как друг, соратник, последователь его идей.

Чижевский был тем «пассионарием», о которых писал Л. Н. Гумилев, создавая в теории этногенеза концепцию пассионарности и пассионарного толчка. Он создавал вокруг себя поле высочайшего и духовного, и творческого, мыслительного напряжения, которое притягивало к нему всех, кто оказывался рядом. Так было и на воле, и в заключении. Многие из притянувшихся к нему в годы неволи стали его соратниками и даже со-творцами по проводимым исследованиям, которые велись в течение всех лет заключения, а потом ссылки.

Чижевский осознавал это своё свойство – свойство бескомпромиссного борца или воина, идущего всегда навстречу врагам и наперекор судьбе. О себе гениальный мыслитель России писал так: «Поведение ученого, борющегося за свои идеи и убеждения, может быть двояким: либо ученый становится в непримиримую оппозицию по отношению к своим противникам и начинает войну за свои идеалы, либо, следуя дипломатическому кодексу, ведет «игру», принимая компромиссы, чтобы, в конце концов, выиграть или проиграть. Выбор поведения зависит от темперамента и уверенности в своих силах. Но нельзя также быть в такой мере уступчивым, чтобы получать пощечины. Принципиальность – это основная линия поведения ученого, а метод борьбы, наступательный или выжидательный, – дело душевного склада и тактики человека... война лучше подлого и позорного мира. Лучше смерть, чем ярмо раба и вечные галеры... я выбрал борьбу до последней капли крови и потому пострадал, но в то же время я всегда чувствовал себя победителем и, наконец, победил на самом деле. Вечный позор лег на имена моих врагов» [2, с. 491].

Период заключения и ссылки с 1942 по 1958 гг. оказался периодом тяжелого испытания всех свойств Чижевского. И он заслужил право на эти оценки. Он показал такую духовную и душевную стойкость, такую верность своим научным идеям, что уже одно это ставит его в один ряд с такими мировыми мыслителями прометеевского склада, какими были Джордано Бруно, Томмазо Кампанелла, Галилео Галилей, Иван Посошков, Кибальчич, Николай Александрович Морозов.

12. «Гемодинамический вектор» исследований. Разработка основ электронной гематологии

«Гемодинамический вектор» исследований А. Л. Чижевского в клинических лабораториях в эти годы продолжил уже ранее сформировавшийся интерес исследователя в области электронной медицины.

В. Н. Ягодинский отмечал, что в военные годы Чижевский не переставал думать о проблемах аэроионификации, в 1943 году подготовил ряд докладов, которые свидетельствует о широте его непрекращающегося поиска, – о методах ускорения заживления ран, о теоретических предпосылках аэроионификации

помещений большой кубатуры, об экспериментах по очистке воздуха от микроорганизмов и др.

Однако «круг научных интересов ученого в эти годы перемещается в новую для него область – в гематологию. Переход на новую тематику был отчасти обусловлен сложившейся обстановкой, в которой он не мог продолжать прежних исследований. Вместе с тем Чижевским уже с начала 30-х годов владела мысль о необходимости выяснения роли гемодинамики в “электрообмене” организма со средой. Проницательный ум Чижевского нащупал важнейший компонент организма, определяющий его жизненную активность и четко улавливающий внешние воздействия, наиболее целесообразно реагируя на них своими структурными и химическими изменениями, – кровь» [5, с. 209].

Чижевский был готов к этому повороту в своем исследовательском интересе предыдущей своей творческой историей.

В 1933 году была подготовлена статья о действии аэроионов на кровь. Затем эта тема нашла отражение в статьях (совместно с Л. Л. Васильевым) по органическому электрообмену, восходящих по своей постановке к прорывной работе Чижевского 1919 года «Морфогенез и эволюция с точки зрения теории электронов», путь к публикации которой преградил О. Ю. Шмидт, а также в специальных работах 1934 и 1941 гг. по электрической характеристике крови.

«В 1944 г. он делает доклад с математическими доказательствами симметричного расположения эритроцитов в крови (мой комментарий: еще один принцип симметрии, открытый Чижевским, который развивает принципы симметрии Пастера-Кюри-Вернадского!!!), в 1947 г. – о концепции пространственного строения движущейся крови и в 1949 году – об экспериментальных исследованиях в данном направлении. И только в 1951 г., т. е. спустя 10–15 лет после начала работ по крови, в «Вестнике Академии наук Казахской ССР» и «Бюллетене экспериментальной биологии и медицины» публикуются результаты этих исследований. Свое дальнейшее развитие они нашли в статьях 1953–1955 гг.» [5, с. 210].

Перечислим эти работы [5, с. 423]:

1951 г.:

– «Структурный анализ движущейся по сосудам крови» (Вестник АН КазССР, № 12, с. 58);

– «Структурные образования из эритроцитов и движущейся по сосудам крови» (Бюллетень экспериментальной биологии и медицины, № 12, с. 443);

1953 г.:

– «Ориентация и кинематика эритроцитов в крови» (Известия АН СССР. Серия биология, № 5, с. 72);

– «Электрореакция оседания красных кровяных телец (ранняя диагностика)» (Клиническая медицина, № 31, с. 60);

1954 г.:

– «Об истинной величине диаметра нормоцита крови человека» (Доклады АН СССР, т. 94, № 3, с. 565);

1955 г.:

– «Образуются ли эритроцитные монетные столбики вне организма?» (Бюллетень экспериментальной биологии и медицины, № 11, с. 70, соавтор – Г. К. Трофимов).

Все эти исследования позволили Чижевскому к 1959 году обобщить их и издать в виде капитальной научной монографии «Структурный анализ движущейся крови» (М.: Изд-во АН СССР, 266 с.). Рецензентами по монографии выступили: директор Института биофизики АН СССР профессор Г. М. Франк, директор Института биохимии АН СССР академик А. И. Опарин, заведующие лабораториями Института морфологии животных АН СССР доктора биологических наук А. Н. Студитский и А. П. Коржуев, а также дали положительные отзывы ряд ученых Математического института им. В. А. Стеклова АН СССР.

Книга насыщена математическими формулами, хотя её текстовая часть позволяет врачам и биологам разобраться в существе вопроса, в основных теоретических выводах и практических приложениях.

Что же главное внес ученый в науку о крови – гематологию?

1) Предложил теорию движущихся радиально-кольцевых структур эритроцитов.

2) Раскрыл механизмы электростатического взаимодействия эритроцитов и их эволюции.

3) Раскрыл электрические и магнитные свойства эритроцитов, что позволяло в будущем оценить механизмы гелиовоздействия на кровь (уже в логике гелиобиологии).

Одновременно, по моей оценке, монография может быть отнесена к сфере математической биологии, становлению которой, наряду с А. А. Любищевым, способствовал уже своими первыми исследованиями А. Л. Чижевский. При сравнении возможных моделей ориентации эритроцитов и выборе среди них оптимальной модели ученый вместе со своими соратниками и помощниками – математиками П. Г. Тихоновым и Г. Н. Перлатовым использовал:

– вероятностные методы (Гауссово распределение, геометрические вероятности);

– формулы интегральной геометрии (формулы Сантала, результаты А. Пуанкаре о числе выпуклых областей определенного вида, пересекающих замкнутый контур с заданным периметром, и др.) [5, с. 211].

Потом, спустя 14 и 21 год, уже после смерти Александра Леонидовича вышли еще две его книги, развивающие и дополняющие идеи и теоретическую систему этой работы:

– «Электрические и магнитные свойства эритроцитов» (Киев: Наукова думка, 1973, 94 с.);

– «Биофизические механизмы реакции оседания эритроцитов» (Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1980, 177 с.).

В. Н. Ягодинский справедливо замечает, что эти три академических издания отражают крупный вклад ученого в гематологию и одновременно в биофизику.

Чижевский и в методе исследования обогнал свое время. *Можно сказать, что Чижевский закладывал основы электронной гематологии как части электронной медицины. Он показал, что «электрическая система крови» [5, с. 214], находится в «непрерывном и многообразном движении по кровеносным сосудам разного диаметра, а, следовательно, и разного режима движения» [5, с. 214].*

Это шло развитие идей электронной медицины, тех ранних утверждений Чижевского, за которые ему пришлось «вынести тьму упреков», по которым «основная энергия, – как формулировал сам автор, – возникает в организме на конечных этапах окисления органических веществ, при переносе электронов на кислород, полученный при дыхании и поставляемый кровью во все, самые отдаленные уголки нашего тела... клеточное дыхание является самым важным актом в жизнедеятельности организма» [2, с. 237].

Электромагнитная динамика движущейся крови с синусоидально-вихревыми эффектами приводит, в моей оценке, к гипотезе о существовании электрической и магнитной асимметрий правой и левой нижних конечностей человеческого организма, что расширяет представления о лево-правополушарном диморфизме человеческого организма и формирует дополнительную базу для физической картины широтно-меридианальных энергетических потоков в человеческом теле (в рамках представлений восточной медицины).

Чижевский считал, что «для организма небезразлична величина электрического заряда эритроцитов, более того – эта величина является одним из важных факторов транспортно-обменной работы всего кровяного русла» [5, с. 216].

Им раскрыт механизм седиментации эритроцитов. В ходе экспериментов Чижевский искал роль воздействия аэроионов отрицательной полярности на свойства крови и её седиментационные механизмы. Полученные им результаты показали, что электрокинетический потенциал частиц органических и неорганических коллоидов может быть изменен искусственно с помощью униполярного ионного потока. «Есть основания предполагать, что, подвергая кровь в специальной стерильной камере воздействию ионного потока отрицательной полярности, можно будет добиться усиления стабильности её морфоэлементов и коллоидных частиц» [5, с. 233].

Ягодинский очень верно подводит итоговую оценку этому циклу работ Чижевского: «...все обилие разнородного материала в работах Чижевского по крови не являются набором не связанных друг с другом фактов, а объединяются в единое целое концепцией структурности красной крови как при движении её по сосудам, так и в процессе оседания и концепцией комплекса биофизических факторов, способствующих поддержанию этой структуры» [5, с. 225].

13. Время подведения итогов

Вернувшись в Москву, в период с 1958 по 1964 гг. Чижевский активно продолжал свои работы, в том числе и над проблемой солнечно-биосферной ритмологии, и проблемой аэроионизации.

В 1959 году выходит монография «Аэроионизация в народном хозяйстве» (М.: Госплан СССР, 758 с.). В 1963 году в обществе «Знание» издается его брошюра «Солнце и мы» (М.: «Знание», 1963, 48 с.).

В 1964 году – в год его смерти вышли из печати работы:

– «Атмосферное электричество и жизнь» («Земля во Вселенной», М.: Мысль, 1964, с. 422–442);

– «О мировом приоритете К. Э. Циолковского» («Земля во Вселенной», 1964, с. 480–489);

– «Об одном виде специфически-биоактивного или Z-излучения Солнца» («Земля во Вселенной», 1964, с. 342–372);

– «Физико-химические реакции как индикаторы космических явлений» («Земля во Вселенной», 1964, с. 378–381) [5, с. 423].

Жизнь подходила к концу. По-видимому, А. Л. Чижевский это осознавал и спешил оформить свои воспоминания, которые представил перед взором читателя в 1995 году в виде книги «А. Л. Чижевский. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания (Составление, вступительная статья, комментарии, подбор иллюстраций Л. В. Голованова)».

Оглядываясь на вершины творчества гения А. Л. Чижевского и трагические повороты в его судьбе, нельзя не заметить тонкую травлю его научных работ со стороны скрытых «западников».

Здесь уместно вспомнить высказывания К. Э. Циолковского во время беседы у него на дому, по случаю его 75-летия, Владимира Алексеевича Кимрякова, коллеги Чижевского по исследованиям в области аэроионизации, его супруги Татьяны Сергеевны и самого Чижевского.

Циолковский: «...Травля научных работ вредит не только ученым, но и государству. Это тонко замаскированное вредительство, корни которого могут лежать даже вне нашего государства... А задумывались ли вы над этим вопросом поглубже? Я задумывался, и не один раз, как только обнаруживал одну удивительную закономерность».

Чижевский: «А именно?»

Циолковский: «Представьте себе, друзья, что как только мне удавалось кое-что сделать в области ракетного движения, так начиналась травля моих работ – травля исподтишка, скрытая, завуалированная и в то же время явная... мне возвращали рукописи, но мои идеи уже оказывались в обработанном виде – либо в Германии, либо в Америке... Так было не раз. Кто-то волком бродит вокруг моих работ о ракетах и буквально рвет их у меня из рук... Мы не болваны, а вот негодаев, продающих нашу мысль оптом и в розницу посторонним государствам, убивать мало. Их надо казнить...».

Чижевский: «Да травля идет не для приятного времяпрепровождения, а за золото!..».

Циолковский: «Живи я в средние века – уже давно поджарили бы на костре... Несдобровать и Цандеру. Уж слишком он рвется вперед!» [2, с. 687–688].

Александр Леонидович Чижевский прожил великую жизнь, которую отдал служению науке и Отечеству. Его вклад в науку огромен, энциклопедичен, универсален. Его творчество – часть той ноосферной революции в системе глобального научного мировоззрения, идущей из России, которую в 90-х годах называли «Вернадскианской», и которая продолжается в XXI веке, внося свой вклад в Ноосферную социалистическую революцию XXI века [20].

14. Гелиокосмическая философия А. Л. Чижевского как продолжение философии русского космизма и основание ноосферизма

Философско-мыслительная субстанция, скрепляющая синтетическую научную картину мира – обязательный атрибут любого крупного научного синтеза. Он, собственно говоря, без этой субстанции и немислим. При этом, если речь идет о синтезе наук, затрагивающем и естественно-научный, и гуманитарный «блоки знаний», а вернее все пять макроблоков единого корпуса научных знаний – естествознание, человекознание, обществознание, техноезнание и метазнание (а именно такой синтез провел в своем творчестве Чижевский) философско-мыслительной субстанцией обязательно становится космическая философия.

Русский космизм как феномен и как определенное измерение русской культуры и русской философии, по моей оценке [21], корнями уходит далеко в глубину прошлого, отражая важное измерение русского, проторусского и прото-восточно-славянского, в целом российско-цивилизационного, архетипа, – измерение общинное, соборное, макро-хронотопическое, северное, связанное с суровыми условиями воспроизводства жизни на территории российской Евразии, требующими космической духовности, терпения, физической выносливости, всеохватного мировоззрения, философии любви, добра, взаимопомощи, холистического (целостного) мышления.

Это все есть в русском космизме, у его таких гениальных представителей, какими были М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. Ф. Федоров, Д. И. Менделеев, С. Н. Булгаков, К. Э. Циолковский, А. А. Богданов, П. А. Флоренский, Н. А. Морозов, В. И. Вернадский, Н. Г. Холодный, И. А. Ефремов, Л. Н. Гумилев.

Таким же представителем русского космизма и стал А. Л. Чижевский. В его творчестве русский космизм нашел свое концентрированное выражение, но выражение особое – солнцеликое.

Эта гелиокосмическая доминанта связывает Чижевского с глубинными корнями русского космизма, восходящими к солнцепоклонничеству древних ариев.

Русский космизм – сердцевина эпохи русского Возрождения, главной доминантой которой, выделяющей ее из логики мировой истории человечества, является космическая телесность человека, его прозрения своей сущности, на новом витке системной спирали всемирной истории, как космической

сущности, как космического разума, несущего в себе ответственность за сохранение жизни на Земле, за продолжение биосферной-ноосферной эволюции в форме управляемой динамической социоприродной гармонии.

Ноосферизм в XXI веке, который я определяю как новую научно-мировоззренческую систему, новую идеологию в XXI веке, ориентированную на реализацию императива выживаемости в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества – императива выхода из первой фазы Глобальной экологической катастрофы и одновременно как эпоху «ноосферы будущего», эпоху ноосферного экологического, духовного социализма, – вытекает из этой «Вернадскианской революции», предстает прямыми преемником эпохи русского Возрождения, опирается на её потенциал. Он есть своеобразный итог «Вернадскианского цикла» этой эпохи в XX веке – и научное наследие Чижевского, его гелиокосмизм, легший в основу гелиобиологии и космобиологии, его гелиокосмологический взгляд на цикличность как в «живом веществе» биосферы, так и в «монолите живого вещества» человечества, входит в этот своеобразный итог.

Определение А. Л. Чижевского как ноосферно-космического философа выражает стержневую линию его философско-мыслительной субстанции, пронизывающей всё его творчество.

В 1943 году, находясь в заключении в Челябинске, философ-поэт Чижевский написал «Гимн Солнцу (Египетский памятник XV в. до н. э.)» [17, с. 28], мысленно реконструируя молитву древнего египетского священнослужителя, поклоняющегося Атону – «Богу-Солнцу». В этом своеобразном, иносказательном произведении звучит нота света, лучистости, оптимизма.

«Чудесен, восход твой, о Атон, владыка веков вечно сущий.
Ты – светел, могуч, лучезарен, в любви бесконечно велик,
Ты – бог сам себя пожелавший; ты – бог сам себя создающий,
Ты – бог все собой породивший; ты – все оживил, все проник.

Ты создал прекрасную Землю для жизни по собственной воле
И все населил существами: на крыльях, ногах, плавниках;
Из праха поднял ты деревья; хлеба ты размножил на поле,
И каждому дал свое место – дал пищу, покой, свет и мрак.

Ты создал над всем Человека и им заселил свои страны;
В числе их Египет великий; границы провел ты всему,
Все славит тебя, всё ликует, и в храмах твоих музыканты
Высокие гимны слагают – живому творцу своему.

Приносят державному жертвы – угодные жертвы земные,
Ликуя и славя, о Атон, твой чистый и ясный восход,
Лучей золотых, живоносных не знают светила иные:
Лик Солнца единобессмертный все движет вперед и вперед.

Я – сын твой родимый, о Атон, взносящий священное имя
До крайних высот мироздания, где в песнях ты вечно воспет;
Даруй же мне силы, о Атон, с твоими сынами благими
Дорогой единой стремиться в твой вечно ликующий свет».

Л. В. Голованов охарактеризовал космическую философию Чижевского как «космический детерминизм Чижевского» [7, с. 5–27]. В работе «Земное эхо солнечных бурь» ученый писал: «Мы привыкли придерживаться грубого и узкого антифилософского взгляда на жизнь как результат случайной игры земных сил. Это, конечно, неверно. Жизнь же, мы видим, в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с движением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца, планет» [22, с. 33].

Здесь мы видим единство взглядов А. Л. Чижевского и В. И. Вернадского на витально-космическую организованность всего мира. Это воззрение можно назвать витализмом, «следы» которого пытались искать в творчестве Чижевского его враги в 20-х – 30-годах, когда утвердилась линия на борьбу с витализмом, но витализмом особым – космическим витализмом, восходящим к воззрениям Александра Гумбольдта, утверждающим «всеоживленность» Космоса.

Л. В. Голованов предлагает работу «Земля в объятиях Солнца» назвать «Манифестом космической экологии» [7, с. 6]. Что ж, это название резонирует с названием, предложенным Маловым и Фроловым – «Космический меморандум живого мироздания».

В чем же состоят главные особенности или характеристики космической философии Чижевского?

1) В ее солнечности, т. е. в доминанте понимания особой роли солнечно-биосферных связей в циклической динамике живого вещества биосферы. Поэтому эту философию можно назвать гелио-космической. Гелиоцентризм переходит в космоцентризм и, наоборот, космоцентризм проявляется через гелиоцентризм.

«Лишь Солнце, освещающее разум,
Дает права существованию
Единой философии –
Природы...
Она – в движении... Вещей застывших нет.
Весь мир – лаборатория движений:
От скрытых атомных вращений
До электрического ритма
Владыки – Солнца...»

– так рефлексировал свою философию Александр Леонидович в «Этюде о Человечестве» [5, с. 242].

Можно очевидно говорить о тотальной «Солнечности» или «гелиоцентричности» космической философии Чижевского, его мировоззрения.

2) Вторая особенность этой философии – это доминанта циклического (или ритмологического) мировоззрения. Эта особенность делает философию Чижевского близкой циклическому мировоззрению Н. Д. Кондратьева, чей пик творчества приходится на 20-е годы и начало 30-х годов.

Чижевский считал, что Космос «не знает истощения, ему присуща вечная жизнь, обусловленная ритмом, отбиваемым колоссальным космическим маятником» [5, с. 244].

3) Третья особенность – это «энергетический космизм» [5, с. 245] Чижевского. Здесь сходство взглядов А. Л. Чижевского, В. И. Вернадского и Л. Н. Гумилева значительно. Чижевский подчеркивает момент превращения космической, прежде всего – солнечной, энергии в энергию психических и социальных процессов. В. И. Вернадский в аналогичном контексте писал о связях геохимической энергии и «энергии культуры». Л. Н. Гумилев пытался открыть воздействие космической энергии на этноисторические (этногенетические) процессы в форме пассионарных толчков.

По Чижевскому, крупные бури на Солнце, испускающие мощные энергетические потоки на Землю, эхом отзываются в виде влияния «на нервно-психическую сферу» людей, особенно на состояние нервно-психической сферы «нервно- и душевно-больных» [17, с. 412].

Он пишет о «переизбытке жизненной энергии» как источнике экзальтационных состояний [2, с. 565]. Что это, как не та же «пассионарность», которую как понятие ввел Л. Н. Гумилев 40 лет спустя. Циклы энергетической активности Солнца переходят в циклы энергетической формы проявления активности человека в истории, что особенно выпукло отражается в периодичности стихийных массовых движений.

«Энергетический космизм» нашел, по моей оценке, свое развитие в последующем в теории «физического времени» Н. А. Козырева, в теории этногенетических циклов Л. Н. Гумилева и в работах других отечественных ученых.

Следует отметить также большое влияние энергетического мировоззрения К. Э. Циолковского – его постулата, в соответствии с которым количество процессов, ведущих к рассеянию энергии равно числу процессов, приводящих к ее концентрации [2, с. 411].

4) Четвертая особенность – это космический витализм, соединенный с географическим детерминизмом, с антропогеографией. Чижевский реабилитирует зависимость жизнедеятельности человека, особенностей хозяйствования от природных влияний. Он, анализируя взгляды Реклю, Шрадера, Майо-Смита, Пенка, Л. Мечникова, Н. Бухарина и других, ставит вопрос о значимости географического детерминизма, который становится основой антропогеографии.

Гелио-космический витализм как форма отражения циклики солнечно-биосферных связей, влияющих на жизнь на Земле, на ее энергетический базис, имеет региональную дифференциацию. Именно в этой логике происходит возвращение к географическому детерминизму. Чижевский, цитируя Шмоллера, подчеркивает, что развитие культуры и техники не освобождает

человека от природы, снова напоминая слова Бэкона: «Природой можно повелевать, только подчиняясь ей» [17, с. 524].

Если для Чижевского этот тезис раскрывается через влияние «внешней природы» на энергетику *«различного рода согласованных коллективных движений»* [17, с. 524], *то в системе ноосферизма на рубеже XX и XXI веков показано, что географический детерминизм имеет место в контекстах социологии и экономики через действие «закона энергетической стоимости»,* который связывает между собой затраты энергии на единицу валового продукта в зависимости от климата, средней годовой температуры, инсоляции территории в разных сезонах года, продуктивности биоценозов [18; 19].

5) Пятая особенность, главная характеристика космической философии Чижевского – это холизм его космического мышления, который является также характерной чертой русского космизма в целом.

А. Л. Чижевский как истинный человек-гармонитель воспроизводит в своих взглядах императив гармонии как главного основания организации мироздания, обращенный к человеку как части – разумной части этого мироздания. Но человек, к сожалению, в своей настоящей форме хозяйствования выступает как фактор антигармонизирующей направленности. Поэтому «природа все больше отторгает людей от себя» [5, с. 247].

Здесь проявилось предвидение, пусть в обобщенной форме, возможного наказания со стороны её величества Природы. И это наказание наступило в конце XX века в виде первой фазы Глобальной экологической катастрофы, согласно моей оценке» [18].

Чижевский писал:

«О, внешний мир! Неистовый Адам
Готов сгноить в темницах все живое,
И все попать, и все свалить к ногам
В стенанье, вопле, скрежете и вое» [5, с. 247].

6) Шестая особенность воззрений Чижевского, его космической философии – это универсальный эволюционизм, который в чем-то сопрягается с глобальным эволюционизмом в работах В. И. Вернадского. Главные черты эволюционистского взгляда – цикличность, спиральность развития, полидетерминизм. На универсальный эволюционизм как свойство космизма Чижевского указывает В. Н. Ягодинский [5, с. 248].

7) Седьмая особенность космической философии Александра Леонидовича – ее ноосферность. Чижевский, познакомившись с работой Вернадского по биосфере, сразу же включил это понятие в свой теоретический дискурс. Он всегда в своих работах делал акцент на роль человеческого разума в гармонизации его отношений с природой, используя стратегию, в которой должна учитываться циклика солнечно-биосферных связей.

Хотя категория ноосферы у Чижевского отсутствует, но имплицитно ноосферная концепция, как её выстраивал В. И. Вернадский, присутствует в его работах, в его философской системе. Неслучайно И. Ф. Малов и В. А. Фролов указывают, что «меморандум Вернадского-Чижевского» предстает

одновременно как меморандум космоноосферы – будущей космоноосферной организации системы «Человечество – биосфера Земли – Земля – Солнечная система – Космос». При этом Чижевский принимает гипотезу «расширения Земли» [2, с. 704], ставит вопрос, что нужно «вслушиваться в таинственный говор земных недр» [2, с. 705].

Но чтобы ноосферный императив реализовался, т. е. человечество перешло к управляемой социоприродной, ноосферной гармонии, необходима сама «человеческая революция» (о которой в «Человеческих качествах» писал Аурелио Печчеи в начале 70-х годов XX века). Именно к этому постоянно возвращались в своих беседах Чижевский и Циолковский. Особенно это касается человека в науке. *Важно, чтобы к «верхам науки» не пробирались «самонадеянные люди, люди такого ограниченного интеллекта, что, не будь они химиками или физиками, – как размышлял К. Э. Циолковский, – они занимали бы в обществе последнее место»* [2, с. 696].

15. Творчество гигантов эпохи русского Возрождения, в том числе А. Л. Чижевского, в контексте императива ноосферной революции XXI века

Чижевский умер в 1964 году от тяжелого заболевания – рака дна полости рта, но до конца своей жизни продолжал работу, результатом которой стала книга его воспоминаний «На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским» [2].

Проходит время. Наступил XXI век. Наступила новая эпоха его жизни после смерти, жизни его наследия, его мыслей и его идей. *Чижевский живет своей второй жизнью – жизнью бессмертия. Он – наш современник.*

Гелиобиология и космобиология, гелиоэпидемиология, нашедшая свое развитие в трудах В. Н. Ягодинского, теория связи циклов солнечной активности и циклов в функционировании и развитии живого вещества биосферы, в том числе разумного живого вещества в лице человечества, теория аэроионификации, электронная медицина и электронная гематология, – входят в золотой фонд учения о биосфере и ноосфере, в осуществляющийся ноосферно-ориентированный синтез наук в форме ноосферизма.

Космобиология по Чижевскому нашла свое развитие в космоантропоэкологии и в концепциях живого пространства, интеллекта как космического феномена человека в трудах В. П. Казначеева, А. В. Трофимова и других представителей «научной школы В. П. Казначеева». Об этом в частности свидетельствует книга В. П. Казначеева и А. В. Трофимова «Интеллект планеты как космический феномен» (1997) [13].

«Гелио-космический вектор» исследований проявился в трудах Л. Н. Гумилева в объяснении циклов жизни этносов, зарождение которых он связал с энергетическими импульсами теллурико-космического происхождения, природа которых в его оценке еще нуждается в раскрытии. Он назвал эти импульсы «пассионарными толчками», а само явление «пассионарностью».

Чижевский – яркий пример человека-творца, Homo Creator'a. Он параллельно Вернадскому (для которого творчество в эволюции биосферы и в

становлении ноосферы как нового состояния биосферы, в котором человеческий разум начинает выполнять роль энерго-творческого и одновременно гармонизирующего фактора, было одним из ключевых в системе понятий) также пишет о творчестве Космоса, о творческой линии взаимодействий космического пространства с живым веществом биосферы.

В XXI веке императив гармонизации творчества человека с творчеством природы становится ведущим. Это другое «измерение» императива выживаемости человечества в XXI веке, выхода его из «пропасти» первой фазы Глобальной экологической катастрофы. Исходя из других оснований (системной иерархии мира, системогенетики и теории циклов, в частности – концепции законов дуальности управления и организации систем, закона спиральной фрактальности системного времени, в соответствии с которым любая прогрессивная эволюция есть эволюция, запоминаящая самую себя) мною были введены понятия креативной онтологии, онтологического творчества, раскрыта роль творчества как эволюционного феномена, но не в субъективном плане, в плане психологизации самой эволюции, а в объективном, *в плане понимания творчества как фундаментального свойства эволюции Космоса* [23]. Думаю, что эта линия является развитием творческо-энергетической доминанты во взглядах А. Л. Чижевского.

Будучи на 40 лет моложе своего друга К. Э. Циолковского, Чижевский стал ровень с ним как гений, он конгениален Циолковскому в становлении и защите космической философии и космического мировоззрения. Два гиганта эпохи русского Возрождения навсегда останутся в памяти потомков.

Удивительный факт: Вернадский, Циолковский, Чижевский предстают рыцарями науки, демонстрируя огромную высоту духа, нравственности, морали, чистоты помыслов в своей битве за будущее человечества. И все три были «воинами Духа». В одном из бесед К. Э. Циолковский сказал своему другу: «...работайте, крепитесь, ждите. Вы стоите у штурвала большого линкора, который рвется в бой. Тактика и стратегия должны стать вашими руководителями. Сами в бой не вступайте. Но не отказывайтесь от него. Принимайте бой во всеоружии ваших знаний и вашего опыта. Вас будут ругать – крепитесь, вам будут угрожать – не сдавайтесь. Вы верите в свое дело, как и я свое. Значит, мы победили» [2, с. 607].

И они победили!!!

Из России поднимается новая волна ноосферной революции. На фоне глобальной экологического кризиса в бытии человечества, на фоне жестко действующего императива смены ценностей рыночно-капиталистической цивилизации, Россия, опираясь на опыт советской истории и советского социализма, на всю логику оснований своего исторического развития как самостоятельной, евразийской, общинной, северной цивилизации, на русский космизм, на творчество всех гигантов русского Возрождения – М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, В. В. Докучаева, В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, Н. Д. Кондратьева, Н. И. Вавилова, С. П. Королева, Н. Н. Моисеева, А. Л. Яншина, В. П. Казначеева и др. – *предлагает человечеству идеал ноосферного социализма или ноосферизма, под*

которым понимается единственная модель устойчивого развития – управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества. Для этого нужна «человеческая революция», о необходимости которой писал первый директор Римского клуба Аурелио Печчеи, направленная, уже по моей оценке, на Великий отказ от ценностей частной собственности, культа денег, свободы капитала, свободы рынка, направленного на получение собственной выгоды, эгоизма. Без этого Великого отказа, вне ноосферного социализма рыночно-капиталистическое человечество уже к середине XXI века, с моей точки зрения, ждет экологическая гибель.

Обращение к творческому наследию Чижевского – часть такого осознания, попытка его ускорить. Чижевский всегда будет в памяти человечества, пока оно будет жить и осваивать космическое пространство. Его творчество – призыв к человечеству, к русскому народу, к России, – призыв к гармонии как внутри бытия человека, так и вовне, во взаимодействии с Природой!

Литература

1. Ягодинский В. Н. Александр Леонидович Чижевский (1897–1964). – М.: Наука, 1987. – 304 с.
2. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. – М.: Мысль, 1995. – 715 с.
3. Субетто А. И. Творчество и бессмертие Николая Александровича Морозова: от прошлого – к настоящему – и от него к будущему. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 58 с.
4. Субетто А. И. Николай Яковлевич Данилевский: философ истории, предтеча «евразийства» как течения русской философской мысли, цивилизационного подхода к анализу социокультурной динамики и раскрытия логики мировой истории. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 40 с.
5. Ягодинский В. Н. Александр Леонидович Чижевский (1897–1964). – М.: Наука, 2005. – 438 с.
6. Малов И. Ф., Фролов В. А. Космический меморандум организованности живого мироздания // Дельфис. – 2006. – № 4 (48). – С. 65–75.
7. Голованов Л. Космический детерминизм Чижевского // Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995. – С. 5–28.
8. Чижевский А. Л. Вся жизнь. – М.: Советская Россия, 1974. – 208 с.
9. Лившиц Р. О путинофилии // «Отечественные записки» (приложение к «Советской России»). – 2007. – Вып. № 132. – 7 июня. – С. 3–9.
10. Субетто А. И. Системогенетика и теория циклов. В 2-х книгах – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. – 248 с.; 260 с.
11. Субетто А. И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. – 168 с.

12. Субетто А. И. Проблемы методологии циклометрии и анализ социокультурной динамики. – СПб. – М. – Красноярск: Изд-во Красноярского краевого центра развития образования, 1999. – 12 с.
13. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Интеллект планеты как космический феномен. – Новосибирск: МИКА, 1997. – 110 с.
14. Субетто А. И. Бессознательное. Архаика. Вера. – СПб. – М.: Исследовательский центр проблем подготовки специалистов, 1997. – 138 с.
15. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – Л.: ЛГУ, 1989. – 495 с.
16. Казначеев В. П., Спирин Е. А. Космопланетарный феномен человека. – Новосибирск: Наука, 1991. – 304 с.
17. Чижевский А. Л. Космический импульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 768 с.
18. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм. Том I. Введение в ноосферизм. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. – 644 с.
19. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм. Том IV. Ноосферное или неклассическое человековедение: поиск оснований. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. – 1000 с.
20. Субетто А. И. Ноосферная социалистическая революция XXI века: основания теории. – СПб.: Астерион, 2016. – 139 с.
21. Субетто А. И. Россия и человечество на «перевале» Истории в преддверии третьего тысячелетия. – СПб.: Астерион, ПАНИ, 1999. – 827 с.
22. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1976. – 368 с.
23. Субетто А. И. Самосозидание через научное познание (опыт автогносеургии). – СПб.: Астерион, 2017. – 110 с.

References

1. Yagodinskiy V. N. Aleksandr Leonidovich Chizhevskiy (1897–1964) [*Aleksandr Leonidovich Chizhevskiy (1897–1964)*]. Moscow, Nauka, 1987, 304 p.
2. Chizhevskiy A. L. On the Shore of the Universe. Years of Friendship with Tsiolkovsky. Memories. [*Na beregu Vseleynoy. Gody druzhby s Tsiolkovskim. Vospominaniya*]. Moscow, Mysl, 1995, 715 p.
3. Subetto A. I. Scientific Work and Immortality of Nikolay Aleksandrovich Morozov: From the Past – to the Present – and from This to the Future [*Tvorchestvo i bessmertie Nikolaya Aleksandrovicha Morozova: ot proshlogo – k nastoyaschemu – i ot nego k buduschemu*]. Kostroma, KGU imeni N. A. Nekrasova, 2007, 58 p.
4. Subetto A. I. Nikolay Yakovlevich Danilevskiy: A Philosopher of History, a Forerunner of “Eurasianism” as a Trend of Russian Philosophical Thought, Civilizational Approach to the Analysis of Social and Cultural Moving Forces and Disclosure of World History Logic [*Nikolay Yakovlevich Danilevskiy: filosof istorii, predtecha “evraziystva” kak techeniya russkoy filosofskoy mysli, tsivilizatsionnogo podkhoda k analizu sotsiokulturnoy dinamiki i raskrytiya logiki mirovoy istorii*]. Kostroma, KGU imeni N. A. Nekrasova, 2007, 40 p.
5. Yagodinskiy V. N. Aleksandr Leonidovich Chizhevskiy (1897–1964) [*Aleksandr Leonidovich Chizhevskiy (1897–1964)*]. Moscow, Nauka, 2005, 438 p.

6. Malov I. F., Frolov V. A. Cosmic Memorandum of the Living Universe Organization [Kosmicheskiy memorandum organizovannosti zhivogo mirozdaniya]. *Delfis* (Delfis), 2006, № 4 (48), pp. 65–75.
7. Golovanov L. Cosmic Determinism of Chizhevskiy [Kosmicheskiy determinizm Chizhevskogo]. In: Chizhevskiy A. L. *Kosmicheskiy puls zhizni. Zemlya v obyatiyakh Solntsa. Geliotaraksiya* (In: Chizhevskiy A. L. The Cosmic Pulse of Life. Earth in the Arms of the Sun. Heliotaraksiya). Moscow, Mysl, 1995, pp. 5–28.
8. Chizhevskiy A. L. The Whole Life [*Vsya zhizn*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1974, 208 p.
9. Livshits R. About Putinphilia [O putinofilii]. *Otechestvennye zapiski* (Patriotic Notes), 2007, № 132, June 7, pp. 3–9.
10. Subetto A. I. System Genetics and the Theory of the Cycles. In 2 Books. [*Sistemogenetika i teoriya tsiklov. V 2 knigakh*]. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 1994, 248 p; 260 p.
11. Subetto A. I. Social Genetics: System Genetics, Social Intelligence, Educational Genetics and World Development [*Sotsiogenetika: sistemogenetika, obshchestvennyy intellekt, obrazovatel'naya genetika i mirovye razvitiya*]. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 1994, 168 p.
12. Subetto A. I. Problems of Methodology in Cyclometry and Analysis of Social and Cultural Moving Forces [*Problemy metodologii tsiklometrii i analiz sotsiokulturnoy dinamiki*]. Saint Petersburg, Moscow, Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Krasnoyarskogo kraevogo tsentra razvitiya obrazovaniya, 1999, 12 p.
13. Kaznacheev V. P., Trofimov A. V. The Planet Intellect as a Cosmic Phenomenon [*Intellekt planety kak kosmicheskiy fenomen*]. Novosibirsk, MIKA, 1997, 110 p.
14. Subetto A. I. The Unconscious. The Archaic. The Belief [*Bessoznatelnoe. Arkhaika. Vera*]. Saint Petersburg – Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem podgotovki spetsialistov, 1997, 138 p.
15. Gumilev L. N. Ethnogenesis and the Biosphere of Earth [*Etnogenez i biosfera zemli*]. Leningrad, LGU, 1989, 495 p.
16. Kaznacheev V. P., Spirin E. A. Cosmoplanetarian Human Phenomenon [*Kosmoplanetarnyy fenomen cheloveka*]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 304 p.
17. Chizhevskiy A. L. The Cosmic Pulse of Life. Earth in the Arms of the Sun. Heliotaraxia [*Kosmicheskiy impuls zhizni. Zemlya v obyatiyakh Solntsa. Geliotaraksiya*]. Moscow, Mysl, 1995, 768 p.
18. Subetto A. I. Works. Noospherism. Volume I. Introduction to Noospherism [*Sochineniya. Noosferizm. Tom I. Vvedenie v noosferizm*]. Kostroma, KGU imeni N. A. Nekrasova, 2006, 644 p.
19. Subetto A. I. Works. Noospherism. Volume IV. Noospheric or Nonclassical Human-Study: The Search of Foundations [*Sochineniya. Noosferizm. Tom IV. Noosfernoye ili neklassicheskoye chelovekovedenie: poisk osnovaniy*]. Kostroma, KGU imeni N. A. Nekrasova, 2006, 1000 p.
20. Subetto A. I. Noospheric Social Revolution of the XXI Century: The Foundations of the Theory [*Noosfernaya sotsialisticheskaya revolyutsiya XXI veka: osnovaniya teorii*]. Saint Petersburg, Asterion, 2016, 139 p.

21. Subetto A. I. Russia and Humanity on the “Pass” of History on the Threshold of the Third Millenium [*Rossiya i chelovechestvo na «perevale» Istorii v preddverii tretogo tysyacheletiya*]. Saint Petersburg, Asterion, PANI, 1999, 827 p.

22. Chizhevskiy A. L. The Terrestrial Echo of Solar Storms [*Zemnoe ekho solnechnykh bur*]. Moscow, Mysl, 1976, 368 p.

23. Subetto A. I. Self-Creation through the Scientific Cognition (The Expierence of Autognosioseurgy) [*Samosozidanie cherez nauchnoe poznanie (opyt avtognoseurgii)*]. Saint Petersburg, Asterion, 2017, 110 p.

УДК 159.924.2

Влияние книги В. Оствальда «Великие люди» на формирование представлений В. С. Дерябина о творческой личности ученого*

Забродин Олег Николаевич – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8,
тел.: +7 950 030 48 92.

Авторское резюме:

Цель: Анализ влияния книги В. Оствальда «Великие люди» на формирование представлений В. С. Дерябина о творческой личности ученого.

Результаты: В статье представлены положения книги В. Оствальда «Великие люди», касающиеся психических качеств гениальных ученых (их психогаммы), а также условия, способствующие или препятствующие созданию великих произведений. Книга В. Оствальда произвела неизгладимое впечатление на известного физиолога и психиатра В. С. Дерябина (1875–1955), которого интересовали психические и психофизиологические особенности творческой личности научного работника. Книга В. Оствальда и общение с учителем – гениальным физиологом И. П. Павловым, способствовали формированию представлений В. С. Дерябина о творческой личности ученого. Эти представления нашли отражение в 1926 г. в статье «Задачи и возможности психотехники в военном деле» и в 1949 г. при написании воспоминаний об И. П. Павлове и «Письма внуку».

Выводы: Основные положения книги В. Оствальда, общение с учителем – И. П. Павловым и собственный жизненный опыт способствовали формированию представлений В. С. Дерябина о творческой личности ученого, которые он воплотил в последующих работах.

Ключевые слова: В. Оствальд; психогамма гениальных ученых; психические и психофизиологические особенности творческой личности ученого.

The Influence of the Book “Great People” Written by V. Ostwald on the Formation of V. S. Deryabin’s Ideas on the Creative Personality of the Scientist

Zabrodin Oleg Nikolaevich – The First Saint Petersburg State Medical

* © О. Н. Забродин, 2017.

University Named after Academician Pavlov, Anesthesiology and Resuscitation Department, Senior Research Worker, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6–8 Lew Tolstoy st., Saint Petersburg, 193232, Russia,

tel: +7 950 030 48 92.

Abstract

Purpose: To analyze the influence of the book “Great People” written by Ostwald on the formation of V. S. Deryabin’s ideas on the creative personality of the scientist.

Results: The article presents the postulates of V. Ostwald’s book “Great People” regarding the mental qualities of brilliant scientists (their psycho gram), as well as conditions that facilitate or hinder the creation of great works. The book has made an indelible impression on V. S. Deryabin (1875–1955), a famous physiologist and psychiatrist, who was interested in mental and physiological characteristics of the creative personality of the researcher. The book and the communication with I. P. Pavlov, the brilliant physiologist and his teacher, contributed to the formation of V. S. Deryabin’s ideas on the creative personality of the scientist. These views were reflected in the article “Problems and Opportunities of Psychotechnique in Military Affairs” (1926), his memoirs about I. P. Pavlov and “Letters to Grandson” (1949).

Conclusion: The main postulates of the book, the communication with his teacher I. P. Pavlov and his own personal experiences have contributed to the formation of V. S. Deryabin’s ideas on the creative personality of the scientist, which he realized in the later works.

Keywords: V. Ostwald; a psycho gram of brilliant scientists; the mental and psychophysiological characteristics of the creative personality of the scientist.

Книга известного физикохимика, философа и общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии Вильгельма Оствальда «Великие люди» [16] посвящена многостороннему анализу факторов, определяющих психологию великих ученых, и условий создания ими гениальных произведений. В этом отношении произведение В. Оствальда представляется маленькой энциклопедией гениальности. В связи со своей основной специальностью, В. Оствальд делал упор на гениальных исследователей в области химии, физики, математики и т. п. Следует отметить, что психограмма (сочетание психических свойств, определяющих значимость научных исследований) гениальных ученых и успешных и продуктивных научных работников весьма близка. Успешность научной деятельности В. Оствальд как философ «энергист», рассматривающий все явления природы как проявления различных видов энергии, оценивал с позиций затраченной энергии: влияния сопротивлений и содействия на сумму произведенных работ.

Так, он писал: «Формирование великого человека рядом с энергетическими законами определяется законами биологическими» [16, с. 305]. Из последних он выделял предпосылки, которые должны быть у

родителей, и отмечал, что отцами великих людей часто бывают люди, которые наряду со своей специальностью занимаются свободной научно-технической работой. Также он писал, что чаще гениальные ученые происходили из семей среднего достатка, отличавшихся большим трудолюбием.

Школа всегда оказывалась упорным и неумолимым врагом гениального дарования, которое стремится, преодолев консерватизм средней школы, получить высшее образование.

Особенностью гения, по В. Оствальду, является противостояние поработавшему влиянию среды – в частности, школы с ее шаблонами. В этом проявляется независимость характера, самостоятельность мышления.

Далее автор отмечает у выдающихся ученых раннее психическое развитие и концентрацию внимания на любимом предмете. При этом великие люди очень рано умели находить свое призвание: или общее направление интересов, или одна работа, являющаяся как метеор. Они уже в молодости находили для себя руководящие научные проблемы, а в последующей жизни только разрабатывали их.

Признаком гениальных людей, по В. Оствальду, является их стремление вырваться из обстановки, не дающей заниматься любимым делом, и при этом не с целью увеличения своих доходов или улучшения внешнего положения, а с целью добиться возможности дальнейшего образования. К факторам, способствующим формированию мировоззрения гения, В. Оствальд относит стремление к самообразованию, к расширению знаний путем чтения широкого круга литературы. Известным примером тому является Максим Горький.

Среди психических свойств гениальной личности В. Оствальд отмечает нестандартность мышления, способность наблюдать факты и извлекать из них правильные выводы. Далее он приводит высказывание Ньютона о том, что к своим открытиям он пришел путем неустанного раздумья над проблемой. В конспекте книги В. Оствальда эти слова подчеркнуты В. С. Дерябиным. Они созвучны словам И. П. Павлова, которые он написал на своей книге «Лекции о работе больших полушарий головного мозга»: «Плод неотступного двадцатилетнего думанья».

В разделе книги «Великие произведения» В. Оствальд рассматривает влияние возраста исследователя на создание такого рода произведений и приводит высказывание Г. Гельмгольца о том, что молодые люди охотнее всего сразу принимаются за глубочайшие проблемы. Причиной является «живой, несколько односторонний интерес, сопряженный с действенной силой и мужеством» [16, с. 343]. Подобным образом Э. Блейлер (1927) писал о том, что ничего великого нельзя достигнуть без известной пристрастности и односторонности.

«Непринужденное мужество» юности, по выражению В. Оствальда, связано с тем, что ум остался свободен в схватывании предмета с той стороны его, с которой представляется возможным к нему приблизиться. «Это мужество еще не подавлено никакими неудачными опытами, а свежесть воззрений по отношению к новому порождает непринужденность в трактовке явлений, столь часто ведущую к простым решениям» [16, с. 343].

Средством решения большой проблемы, по В. Оствальду, является способность свести общую проблему к конкретному случаю, допускающему опытное решение. Как тут не вспомнить И. П. Павлова с разработкой им метода условных рефлексов, позволившего построить учение о высшей нервной деятельности!

С другой стороны, В. Оствальд отмечает следующие факторы, препятствующие новым открытиям.

1. Отсутствие положительных знаний о предмете; необузданная фантазия в заблуждениях.

2. Внешние влияния, мешающие работе.

3. Оценка значения нового завоевания в науке: хвалят известных, а не молодых, признавая их за дилетантов, «дикарей».

4. Недостаточная степень подготовленности «научной аудитории» (ученой и другой публики).

5. В оценку чисто теоретических работ специалистами очень легко вкрадывается чувство зависти, влекущее за собой позже несправедливое противодействие признанию новой идеи.

Особый интерес с позиций психофизиологии трудовой деятельности представляет раздел книги В. Оствальда «Классики и романтики». В нем автор проводит разделение исследователей по темпераменту, скорости умственных процессов на «классиков» (флегматики, меланхолики) и «романтиков» (сангвиники, холерики).

Классиков характеризует медленность психических процессов. Для классика сдержанность является не только основным правилом, но и личной необходимостью. Более кропотливый, уединенный, медлительный классик не так легко находит признание в своем ближайшем кругу.

Романтики по натуре эмоциональны, склонны желать внешнего одобрения и могут быть честолюбивыми. Они нуждаются во внешней обстановке, которая бы воспринимала исходящие от них импульсы, полны воодушевления и умеют передавать его другим. Такие романтики создают школы учеников. Сказанное во многом относится к И. П. Павлову.

Избыток идей, планов, проблем – признак романтика, прирожденного учителя.

У классиков есть черты, которые могут отталкивать учеников. У них есть эгоистическая черта – не доверять ученику, как себе. Они не склонны к преподаванию вообще, в особенности – к экспромтному, а романтики стремятся к нему.

Отличает романтиков от классиков и стиль научной работы. Романтики – те, кто революционизируют науку; классики обычно этого не делают, но результатом их работы довольно часто является коренной переворот в исследуемой области.

У романтика явления упадка наступают очень скоро и сказываются особо тяжелыми последствиями. Большая скорость реакций у романтика особенно легко доводит его до перенапряжения сил, до хищнического хозяйничанья со своей энергией. В свете современных представлений это можно объяснить

истощением нервной системы и, в первую очередь, симпатического ее отдела, поддерживающего в организме трофику органов и тканей [11; 15].

В. Оствальд сравнивает классика со скучным медведем, который терпеливо и нежно лижет своего детеныша подобно тому, как классик предпочитает долго держать результат своих исследований, не публикуя, что говорит об отсутствии честолюбия.

В свете современного развития кибероружия особенно актуальным представляется высказывание В. Оствальда о том, что в состязании народов развитие отечественной науки играет несравненно более важную роль, чем сооружение военных кораблей и содержание армий.

Книга В. Оствальда «Великие люди» нашла отражение в исследованиях В. С. Дерябина (1875–1955), известного физиолога и психиатра, ученика и последователя И. П. Павлова [13; 14]. В. С. Дерябина на примере И. П. Павлова интересовала психограмма ученого, т. е. сочетание тех психических свойств, которые определяют успешность его научной деятельности.

Надо сказать, что многие черты выдающегося научного работника, отмеченные в книге В. Оствальда и характерные для И. П. Павлова, имелись и у В. С. Дерябина. Среди них следует отметить трудовое воспитание в семье, ранний интерес к познанию смысла жизни, к самопознанию, стремление расширить кругозор путем чтения литературы по самообразованию и нелегальной литературы, наличие учителя – И. П. Павлова – как примера служения науке. И. П. Павлов дал следующую характеристику В. С. Дерябину: «Сим свидетельствую, что знаю д-ра В. С. Дерябина по его работе по физиологии головного мозга в заведомой мною физиологической лаборатории Института Экспериментальной Медицины. На основании этого знакомства должен рекомендовать его как в высшей степени добросовестного, наблюдательного и вдумчивого научного работника, каковые качества особенно выступили в трудной области исследования, которую представляет сейчас физиология больших полушарий, изучаемая по новому методу (условных рефлексов)» [12, с. 44].

Вся дальнейшая «линия жизни» его была подчинена познанию самого себя и «человекознанию» как науке. Свои работы «Чувства. Влечения. Эмоции» (2013); психофизиологические очерки «О сознании», «О Я», «О счастье» (Психология личности и высшая нервная деятельность, 2010); «О гордости» (Об эмоциях, связанных со становлением в социальной среде, 2014) он называл «начатками человекознания» [6–8].

К книге В. Оствальда В. С. Дерябин обращался несколько раз. Первый раз – в статье «Задачи и возможности психотехники в военном деле», написанной в 1926 г., но опубликованной в 2009 г. [5]. Есть основания полагать, что подробный конспект книги В. Оствальда, имеющийся в его архиве, и написание работ по прикладной психологии были осуществлены В. С. Дерябиным в одном и том же 1926 г.

В упомянутой выше статье, посвященной военной психологии, автор ссылается на приведенные В. Оствальдом данные о соотношении научного потенциала России и ведущих европейских государств. Сравнение оказалось не

в пользу дореволюционной России. С тревогой В. С. Дерябин отмечает, что в условиях международной изоляции Советского Союза и в середине 20-х гг. XX в. научный потенциал нашей страны уступает таковому ведущих капиталистических стран и заключает следующее. «В настоящее время, когда мы находимся в состоянии изоляции, развитие своих собственных научных и технических ресурсов приобретает исключительное значение для нашей страны» [5, с. 2604].

В этой статье В. С. Дерябин важное место уделяет аффективности (чувствам, влечениям и эмоциям) военнослужащих, которая существенно влияет на мышление, двигательную активность и поведение в военной обстановке.

Следует полагать, что книга В. Оствальда внесла свой вклад в мировоззрение В. С. Дерябина и содержание его последующих работ. Однако исследование психогаммы ученого было лишь средством к достижению большой цели, им поставленной. Целью В. С. Дерябина как последовательного ученика И. П. Павлова явилось изучение психофизиологической проблемы. Свои воспоминания об Учителе он завершает словами: «Он проложил дорогу “последней науке” – науке о материальных основах психической деятельности» [10, с. 142]. Работая у И. П. Павлова, В. С. Дерябин мог наблюдать, как психогамма великого физиолога была подчинена этой конечной цели исследования.

Психические черты великих ученых, подробно описанные В. Оствальдом в книге «Великие люди», – раннее психическое развитие и концентрация внимания на любимом предмете, стремление получить высшее образование, нестандартность мышления и др. – были отмечены у И. П. Павлова в его воспоминаниях об учителе. Однако, в отличие от В. Оствальда, В. С. Дерябин в воспоминаниях особое внимание уделил психофизиологическим свойствам личности ученого (темпераменту, типу высшей нервной деятельности, а именно, соотношению процессов возбуждения и торможения в деятельности коры головного мозга, а также конституции, хорошей психической и физической выносливости). Подробнее об этом писалось ранее [3; 12].

Деятельности творческого работника в области науки и культуры В. С. Дерябин уделил внимание в психофизиологическом очерке «О счастье», а именно – в разделе «Счастливая жизнь и активность» и в подразделе «Творческая деятельность». При этом он отметил, что высокая потребность в «гимнастике ума», в интеллектуальной активности может проявляться в творческой работе в области науки, литературы, живописи и других видах искусства [6, с. 155].

Концентрируя внимание на психофизиологических особенностях личности выдающихся ученых, В. С. Дерябин отметил их способность, несмотря на, как правило, сидячий «образ жизни», доживать до преклонных лет и сохранять высокую работоспособность. В этом он видел проявление динамогенного действия эмоций и адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы [2].

В своих исследованиях аффективности человека ученый не устанавливал непреодолимой грани между т. н. нормой с одной стороны и конституциональными особенностями, связанными с ними отклонениями от нормы, и патологией с другой. Так, в работе «О счастье» он приводит следующие градации переживаний положительного чувственного тона: близкие по интенсивности и длительности переживания радости и веселья имеют место у «солнечных», жизнерадостных натур, у гипоманиакальных людей, у циклотимиков. Лишь при максимальной выраженности у больных, страдающих маниакально-депрессивным психозом, эти переживания приобретают патологический характер и требуют помещения в психиатрическую больницу, «однако маниакальный симптомокомплекс представляет карикатурно увеличенный симптомокомплекс реакции веселья здорового человека» [6, с. 123].

В 1949 г., наряду с написанием воспоминаний об И. П. Павлове, которые необходимо было представить к апрелю того же года [10], В. С. Дерябин летом пишет «Письмо внуку» (Путевка в жизнь). «Письмо» уместно отнести к научному творчеству ученого, т. к. в нем он делится с внуком опытом в изучении науки «человекознание», а также жизненным опытом [3; 4; 12]. Не исключено, что при написании воспоминаний о И. П. Павлове и письма внуку, которые отделяют друг от друга всего несколько месяцев, В. С. Дерябин вновь обратился к книге В. Оствальда. Во всяком случае, содержание обеих его работ перекликается с положениями этой книги.

Основные черты творческого научного работника, подробно представленные в «Письме», В. С. Дерябин подытожил в конце его в виде напутствий внуку, некоторые из которых уместно привести здесь (в последующем курсив мой – О. З.).

«Желаю тебе получить и *формальное образование* (окончить среднюю школу и ВУЗ), и *более широкое общее образование*, расширяющее горизонт, дающее понимание жизни, людей и самого себя и своего места в жизни.

Желаю стать сознательной и положительной социальной величиной, быть в числе тех, кто строит жизнь и ведет ее вперед.

Широкое образование наложит свою печать на твой труд, какое бы направление деятельности ты не избрал. Оно сделает сознательным твой путь в жизни...

Желаю тебе найти ту *специальность*, посвятить себя тому труду, который всецело захватил бы тебя и слился с твоей жизнью.

Желаю тебе *быстрее* найти *большую цель* работы, к которой направятся многие годы твоего труда.

Желаю прямо, *не отвлекаясь мелочами жизни*, не блуждая по сторонам, идти к этой цели. *Интерес к делу, труд и собственная голова пусть будут главнейшими средствами к достижению цели...*

Человек, стремясь к большой цели впереди, может пройти мимо жизни в погоне за будущим... Жизнь физическая и умственная, жизнь в настоящем и стремление к далеко стоящей цели должны быть согласованы» [9, с. 204].

Таким образом, основные положения книги В. Оствальда, касающиеся качеств гениальных ученых, но вполне приложимые к выдающимся научным работникам наряду с общением с И. П. Павловым и собственным жизненным опытом вошли в мировоззрение В. С. Дерябина. Спустя многие годы эти представления нашли свое выражение в его воспоминаниях об И. П. Павлове и в напутствиях внуку.

Список литературы

1. Блейлер Э. Аффективность, внушаемость и паранойя. – Одесса, 1929. – 140 с.
2. Дерябин В. С. Эмоции как источник силы // Наука и жизнь. – 1944. – № 10. – С. 21–25.
3. Дерябин В. С. Письмо внуку. // Нева. – 1994. – № 7. – С. 146–156.
4. Дерябин В. С. Письмо внуку // Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. – 2005. – Vol. 11, № 3–4. – С. 57–78.
5. Дерябин В. С. Задачи и возможности психотехники в военном деле // Психофармакология и биологическая наркология. – 2009. – Т. 9, В. 3–4. – С. 2598–2604.
6. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность (психол. очерки «О сознании», «О Я», «О счастье»). – Изд. 2-е, доп. М.: Изд. ЛКИ, 2010. – 202 с.
7. Дерябин В. С. Чувства. Влечения. Эмоции. О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. – Изд. 3-е. М.: Изд. ЛКИ, 2013. – 224 с.
8. Дерябин В. С. Эмоции, порожденные социальной средой // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 3. – С. 115–146. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1203> (дата обращения 01.06.2017).
9. Дерябин В. С. Письмо внуку. Приложение к книге О. Н. Забродин «Психофизиологическая проблема и проблема аффективности: Викторин Дерябин: путь к самопознанию». – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 179–206.
10. Забродин О. Н. Воспоминания В. С. Дерябина об И. П. Павлове. Опыт психофизиологического анализа творческой личности учёного // Физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 1994. – Т. 80. – № 8. – С. 139–143
11. Забродин О. Н. Фармакологические, иммунологические и медицинские аспекты симпатической стимуляции репаративной регенерации // Психофармакология и биологическая наркология. – 2006. – Т. 6. – В. 4. – С. 1341–1346.
12. Забродин О. Н. Психофизиологическая проблема и проблема аффективности: Викторин Дерябин: путь к самопознанию – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 208 с.
13. Забродин О. Н., Дерябин Л. Н. О жизни и научных трудах В. С. Дерябина (К 120-летию со дня рождения) // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 1998. – Т. 34. – № 1. – С. 122–128.

14. Забродин О. Н., Дерябин Л. Н. В. С. Дерябин – ученик и продолжатель дела И. П. Павлова // Российский медико-биологический вестник им. академика И. П. Павлова. – 2003. – № 1–2. – С. 200–207.

15. Орбели Л. А. О некоторых достижениях советской физиологии // Избранные труды. Т. 2. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1962. – С. 587–606.

16. Оствальд В. Великие люди. – Вятка: Вятское книгоиздательское товарищество, 1910. – 398 с.

References

1. Bleuler E. Affectivity, Suggestibility and Paranoia [*Affektivnost, vnushaemost i paranoiya*]. Odessa, 1929, 140 p.

2. Deryabin V. S. Emotions as a Source of Power [Emotsii kak istochnik sily]. *Nauka i zhizn* (Science and Life), 1944, № 10, pp. 21–25.

3. Deryabin V. S. A Letter to the Grandson [Pismo vnuku]. *Neva* (Neva), 1994, № 7, pp. 146–156.

4. Deryabin V. S. A Letter to the Grandson [Pismo vnuku]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae*, 2005, Vol. 11, № 3–4, pp. 57–78.

5. Deryabin V. S. Problems and Opportunities of Psychotechnique in Military Affairs [Zadachi i vozmozhnosti psihotekhniki v voennom dele]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2009, Vol. 9, №. 3–4, pp. 2598–2604.

6. Deryabin V. S. Personality Psychology and Higher Nervous Activity (Psycho-Physiological Essays “About Consciousness”, “About Ego”, “About Happiness”) [*Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatel'nost (Psikhofiziologicheskie ocherki “O soznanii”, “O Ya”, “O schaste”)*]. Moscow, LKI, 2010, 202 p.

7. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions. About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.

8. Deryabin V. S. Emotions Provoked by the Social Environment [Emotsii, porozhdaemye sotsialnoy sredoy]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 3, pp.115–146. Available at: <http://fikio.ru/?p=1203> (accessed 01 June 2017).

9. Deryabin V. S. Letter to Grandson. Supplement to the Book of O. N. Zabrodin “Psychophysiological Problem and the Problem of Affectivity: Victorin Deryabin: the Way to Self-Knowledge” [Pismo vnuku. Prilozhenie k knige O. N. Zabrodina “Psikhofiziologicheskaya problema i problema affektivnosti: Viktorin Deryabin: put k samopoznaniyu”]. Moscow, LENAND, 2017, pp. 179–206.

10. Zabrodin O. N. V. S. Deryabin’s Memories of I. P. Pavlov. Experience of the Psycho-Physiological Analysis of the Creative Person of the Scientist [Vospominaniya V. S. Deryabina ob I. P. Pavlove. Opyt psikhofiziologicheskogo analiza tvorcheskoy lichnosti uchenogo]. *Fiziologicheskii zhurnal imeni I. M. Sechenova* (I. M. Sechenov Physiological Journal), 1994, Vol. 80, № 8, pp. 139–143.

11. Zabrodin O. N. Pharmacological, Immunological and Medical Aspects of Sympathetic Stimulation of Reparative Regeneration [Farmakologicheskie, immunologicheskie i meditsinskie aspekty simpaticheskoy stimulyatsii reparativnoy regeneratsii]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, Vol. 6, № 4, pp. 1341–1346.

12. Zabrodin O. N. Psychophysiological Problem and the Problem of Affectivity: Victorin Deryabin: the Way to Self-Knowledge. [*Psihofiziologicheskaya problema i problema affektivnosti: Viktorin Deryabin: put k samopoznaniyu*]. Moscow, LENAND, 2017, 208 p.

13. Zabrodin O. N., Deryabin L. N. About V. S. Deryabin's Life and Scientific Works (To the 120 Anniversary since Birth) [O zhizni i nauchnyh trudah V. S. Deryabina (K 120–letiyu so dnya rozhdeniya)]. *Zhurnal evolytsyonnoy biohimii i fiziologii* (Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology), 1998, Vol. 34, № 1, pp.122–128.

14. Zabrodin O. N., Deryabin L. N. V. S. Deryabin – a Follower and Successor of I. P. Pavlov [V. S. Deryabin – uchenik i prodolzhatel dela I. P. Pavlova]. *Rossiyskiy mediko-biologicheskiy vestnik imeni akademika I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald), 2003, № 1–2, pp. 200–207.

15. Orbely L. A. About some Achievements of the Soviet Physiology [O nekotoryh dostizheniyah sovetskoy fiziologii]. *Izbrannye trudy. Tom 2* (Selected works. Vol. 2). Moscow, AN SSSR, 1962, pp. 587–606.

16. Ostwald V. Great People [*Velikie lyudi*]. Vyatka, Vyatskoe knigoizdatelskoe tovarishchestvo, 1910, 398 p.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

National Academy of Sciences of Belarus
Department of Humanitarian Sciences and Arts

The First Belarusian Congress of Philosophy «National Philosophy in the Global World»

Republic of Belarus, Minsk, October 18–20, 2017

Organizers and expert-discussion platforms

- Institute of Philosophy of the National academy of sciences of Belarus.
- Faculty of Philosophy and Social Sciences of the Belarusian State University.
- The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus.
- Institute of Social and Humanitarian Education of the Belarusian State Economic University.
- Departments of philosophy and social-humanitarian disciplines of higher education institutions of the Republic of Belarus.

About the Congress

The Congress is organized as a part of the program of the Year of Science in the Republic of Belarus. It is intended for integration of philosophical community of the country around the ideals, values and research tasks shared by its members. The organizers of this forum have the goal to present systematically the history and intellectual capital of the Belarusian philosophical tradition, to reflect its role in the development of philosophical knowledge nationally and globally.

During the Congress, it is planned to reveal the potential of domestic philosophy in the solution of theoretical-methodological, spiritual-cultural, and value problems. There will be discussed the cultural-creative role of philosophical knowledge in the modern society, its capabilities in the field of harmonization of social relations, optimization of the processes of state-building, theoretical-methodological support of the modern education system.

The Congress will promote better coordination between philosophical schools, institutions, and communities of the countries of East and West. It will contribute to the improvement of the strategy of philosophical research nationally, regionally and globally. Also it will help to reveal the promising areas of international scientific cooperation on the base of a wide range of philosophical knowledge and practices.

The organizers expect that the Congress will actualize the interest of national and international media and general public to the heritage of philosophical culture of Belarus and the latest achievements in the field of philosophical sciences. We believe that this forum will be a place of meeting, discussion and cooperation of representatives of the academic, university and other sectors of philosophical science.

We hope that it will promote the involvement of researchers, who work in the field of natural sciences, engineering and social-humanitarian disciplines, graduate students and undergraduates, in work within the framework of interdisciplinary research teams, oriented to solving the urgent problems of philosophy and interdisciplinary knowledge.

The working languages of the Congress: Belarusian, Russian, English.

Thematic areas

At the Congress, there will be discussed the whole range of problems of modern research, educational and social-practical programs in the sphere of philosophical knowledge. The following problems are among them:

- the origins, historical development and current state of the Belarusian philosophical tradition;
- nine centuries of Belarusian philosophy: names, events, publications;
- the phenomenon of national philosophy in the global world;
- philosophical classics and modern trends in the development of global philosophical thought;
- philosophy as a tool for understanding the global social dynamics, assessment of information, educational, social and spiritual processes;
- global problems and risks as a subject of philosophical reflection;
- philosophy in the Eurasian social-cultural space: methodological and expert capital, experience and tasks of participation in social transformations;
- human in the 21st century: philosophical aspects of intellectual-cognitive, emotional, spiritual, and ideological potential;
- logic and methodology of natural sciences and humanitarian knowledge: classics, non-classics, post-nonclassics;
- philosophical-methodological grounds and ideological principles of transdisciplinary programs in science;
- modern problems of ontology, metaphysics and philosophy of cognition;
- philosophy of mind and methodology of cognitive sciences;
- philosophy of language, linguistic philosophy, semiotics, discourse analysis;
- philosophical knowledge as a precondition of the mechanisms of sustainable development in the system “human-society-nature”;
- philosophical problems of the global information community, philosophy of virtual reality and network communication;
- ethical challenges of social and scientific-technological development;
- philosophical problems of gender studies;
- philosophical views on the evolution of educational system, topical problems of philosophical education in Belarus and in the post-Soviet space;
- philosophical knowledge and justification of the ways of harmonization of intercultural and interfaith relations, philosophy of religion;
- current philosophical programs for the study of culture, social-political and ideological dynamics: Belarus, region, world;
- development of philosophical and interdisciplinary research in the system of priorities of the state scientific policy.

Events of the Congress

Within the framework of the Congress, there will be held plenary sessions, international scientific symposium “Philosophical knowledge in science and culture: traditions, paradigms, perspectives”, international scientific conference “Philosophy and civilization challenges of postmodernity”, seminars, workshops and round tables.

Presentations of the participants will be distributed among the events on the base of thematic areas specified in the applications. The exact list of events will be determined after receiving the applications.

Participation

To participate in the Congress, please register on the website <http://congress.philosophy.by> in the period **from April 5, 2017 to June 16, 2017**, indicating the name of the presentation, information about the author (authors), selected thematic area, and brief theses of the presentation (up to 3 000 characters with spaces, which corresponds to approx. 1 page of printed text, font size 14, single interval).

You can find instructions for registration and requirements to the texts of theses on the website <http://congress.philosophy.by>.

The Organizing Committee does not accept the following applications: those not registered on the website; those containing incomplete information about the authors; those without text of theses; those not meeting the criteria for texts published in the scientific edition; those not meeting the requirements for registration and exceeding the predetermined volume; those not corresponding to the problems of the Congress and its thematic areas; those that need correction (containing multiple errors and typos).

The Organizing Committee does not enter into a discussion based on the consideration of applications; it does not give information about the progress of their examination.

Written invitations will be sent to participants included in the program of the Congress. The fee for presentation and placement of theses in printed materials of the Congress is not charged. Travel and accommodation expenses are paid by the participant or the sending organization.

Publications

Theses of participants will be posted on the website of the Congress and published as a separate book before the beginning of the event.

After the Congress, we plan to publish a collection of reports and materials.

Key dates

Registration of participants, submission of theses – April 5, 2017 – June 16, 2017.

Preparation of the program, distribution of invitations – before September 20, 2017.

Publication of the collection of theses – before October 18, 2017.

Arrival of participants – October 16–18, 2017.

Registration – October 18, 2017.

Work of the Congress – October 18–20, 2017.

Preparation of the collection of materials of the Congress – October-December 2017.

Further information

Full information about the Congress, the program of events, the possibilities of accommodation in Minsk will be published on the website <http://congress.philosophy.by>. Participants are welcome to follow the updates of this information. Invitations and other important information will be sent to the e-mail provided during registration.

In case of questions and difficulties, please contact the organizing committee by e-mail congress@philosophy.by. Please use this address only for solving organizational problems, not for sending submissions.

Address for contacts: congress@philosophy.by,

Tel. +375 17 2841863, fax +375 17 2842925.

Organizing Committee

Национальная академия наук Беларуси
Отделение гуманитарных наук и искусств

Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире»

Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 октября 2017 года

Организаторы и экспертно-дискуссионные площадки

- Институт философии Национальной академии наук Беларуси.
- Факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета.
- Академия управления при Президенте Республики Беларусь.
- Институт социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета.
- Кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин учреждений высшего образования Республики Беларусь.

О Конгрессе

Конгресс организуется в рамках мероприятий Года науки в Республике Беларусь как средство интеграции философского сообщества страны вокруг разделяемых его членами идеалов, ценностей и исследовательских задач. Перед организаторами и участниками этого форума стоит цель системно представить историю и интеллектуальный капитал белорусской философской традиции;

отразить ее роль в процессах развития философского знания в национальном и глобальном масштабе.

В ходе работы Конгресса планируется раскрыть потенциал отечественной философии в решении стоящих перед наукой и обществом теоретико-методологических, духовно-культурных и ценностных проблем. Будет обсуждена культуросозидающая роль философского знания в современном обществе, его возможности в сфере гармонизации общественных отношений, оптимизации процессов государственного строительства, мировоззренческом и теоретико-методологическом обеспечении современной системы образования.

Работа Конгресса будет способствовать лучшей координации деятельности между философскими школами, учреждениями, сообществами стран Востока и Запада. Она внесет вклад в совершенствование стратегии философских исследований в национальном, региональном и глобальном масштабе; позволит выявить перспективные направления международного научного сотрудничества на основе широкого круга философских знаний и практик.

Организаторы рассчитывают, что Конгресс актуализирует интерес национальных и международных средств массовой информации, широкой общественности к достоянию философской культуры Беларуси и новейшим достижениям в отрасли философских наук. Полагаем, что данный форум станет местом встречи, дискуссии и сотрудничества представителей академического, вузовского и общественного сектора философской науки. Надеемся, что он будет способствовать привлечению исследователей, работающих в отрасли естественных наук, инженерно-технических и социально-гуманитарных дисциплин, а также аспирантов и магистрантов к работе в рамках междисциплинарных исследовательских коллективов, ориентированных на решение актуальных проблем философии и междисциплинарного знания.

Рабочие языки Конгресса: белорусский, русский, английский.

Тематические направления

На Конгрессе будет обсуждаться весь спектр проблем, стоящих перед современными исследовательскими, образовательными и социально-практическими программами в области философского знания. В их числе:

- истоки, историческое развитие и современное состояние белорусской философской традиции;
- девять веков белорусской философии: имена, события, публикации;
- феномен национальной философии в глобальном мире;
- философская классика и современные тренды в развитии мировой философской мысли;
- философия как инструмент понимания глобальной социодинамики, оценки информационных, образовательных, социальных и духовных процессов;
- глобальные проблемы и риски как предмет философского осмысления;
- философия в евразийском социокультурном пространстве: методологический и экспертный капитал, опыт и задачи участия в общественных трансформациях;

- человек в XXI веке: философские аспекты интеллектуально-когнитивного, эмоционального, духовно-нравственного, ценностно-мировоззренческого потенциала;
- логика и методология естественнонаучного и гуманитарного познания: классика, неклассика, постнеклассика;
- философско-методологические основания и мировоззренческие принципы трансдисциплинарных программ в науке;
- современные проблемы онтологии, метафизики и философии познания;
- философия сознания и методология когнитивных наук;
- философия языка, лингвистическая философия, семиотика, дискурсивный анализ;
- философское знание как предпосылка механизмов устойчивого развития в системе «человек – общество – природа»;
- философские проблемы глобального информационного сообщества, философия виртуальной реальности и сетевой коммуникации;
- этические вызовы социального и научно-технологического развития;
- философские проблемы гендерных исследований;
- взгляд философии на эволюцию образовательной системы, актуальные проблемы философского образования в Беларуси и на постсоветском пространстве;
- философское знание и обоснование путей гармонизации межкультурных и межконфессиональных отношений, философия религии;
- актуальные философские программы изучения культуры, социально-политической и идейно-мировоззренческой динамики: Беларусь, регион, мир;
- развитие философских и междисциплинарных исследований в системе приоритетов государственной научной политики.

Мероприятия Конгресса

В рамках Конгресса пройдут: пленарные заседания, международный научный симпозиум «Философское знание в науке и культуре: традиции, парадигмы, перспективы», международная научная конференция «Философия и цивилизационные вызовы постсовременности», семинары, презентации и круглые столы.

Выступления участников Конгресса будут распределены между мероприятиями на основании указанных ими в заявках тематических направлений. Точный список мероприятий будет определен по окончании приема заявок.

Участие

Для участия в Конгрессе необходимо **в срок с 5 апреля по 16 июня 2017 года** пройти электронную регистрацию на веб-сайте <http://congress.philosophy.by>, разместив там название доклада (выступления), сведения об авторе (авторах), выбранное тематическое направление и краткие тезисы выступления (до 3 000 печатных знаков с пробелами, что примерно

соответствует 1 стр. печатного текста, набранного размером шрифта 14, одинарным интервалом).

Инструкции по регистрации и требования к тексту тезисов размещаются на указанном веб-сайте.

Оргкомитет не принимает к рассмотрению заявки: содержащие неполные сведения об авторах, а также без текста тезисов; не отвечающие критериям, предъявляемым к тексту, публикуемому в научном издании; не соответствующие требованиям по оформлению, а также превышающие заданный объем; не соответствующие проблематике Конгресса и его тематическим направлениям; нуждающиеся в корректуре (содержащие опечатки и ошибки).

Оргкомитет не вступает в дискуссию по мотивам рассмотрения заявок и не дает справок о ходе их экспертизы.

Участникам, включенным в программу Конгресса, будут высланы письменные приглашения. Плата за выступление и размещение тезисов в печатных материалах Конгресса не взимается. Оплата поездки и проживания в г. Минске за счет средств участника или командирующей организации.

Публикации

Тезисы участников, отправленные при регистрации, планируется разместить на сайте Конгресса и издать отдельной книгой к началу мероприятия.

По итогам Конгресса будет дополнительно опубликован сборник докладов и материалов.

Важнейшие даты

Регистрация участников, прием тезисов – с 5 апреля по 16 июня 2017 г.

Формирование программы, рассылка приглашений – до 20 сентября 2017 г.

Публикация сборника тезисов – до 18 октября 2017 г.

Прибытие и размещение участников – 16–18 октября 2017 г.

Регистрация – 18 октября 2017 г.

Работа Конгресса – 18–20 октября 2017 г.

Подготовка сборника материалов Конгресса – октябрь – декабрь 2017 г.

Справочная информация

Полная информация о Конгрессе, программе мероприятий, о возможностях размещения в г. Минске и др. будет размещаться на веб-сайте <http://congress.philosophy.by>. Заинтересованных участников просим следить за обновлениями этой информации. Приглашения и важнейшие сведения будут высылаться на указанный при регистрации электронный адрес.

В случае возникновения вопросов и трудностей просьба контактировать с оргкомитетом по адресу электронной почты **congress@philosophy.by**. Пожалуйста, используйте этот адрес только для решения организационных проблем, но не для отсылки заявок.

Адрес для контактов: congress@philosophy.by,
тел. +375 17 2841863, факс +375 17 2842925.

Оргкомитет

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет)

Михайловская военная артиллерийская академия

Сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном
обществе»

26–28 октября 2017 года

**Пятая международная научно-практическая конференция
«Философия и культура информационного общества»**

Уважаемые коллеги!

26–28 октября 2017 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения совместно с Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (Техническим университетом), Михайловской военной артиллерийской академией и сетевым журналом «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» проводит Международную научно-практическую конференцию **«Философия и культура информационного общества»**. Конференция включена в программу Международного научно-культурного Форума **«Дни философии в Санкт-Петербурге – 2017»**. Все приглашенные на конференцию являются также приглашенными на Международный Форум в целом.

Задача конференции – изучение опыта исследования современного общества, философские аспекты теории постиндустриального (информационного) общества и ее оценка с позиций философского материализма. Предполагается затронуть широкий круг проблем:

- изменения философской концепции общества в информационную эпоху;
- роль историко-философских и историко-культурных традиций в решении проблем современного общества;
- компьютерная техника, информационные технологии, кибернетическая картина мира и их влияние на общественное развитие;
- изменения в культуре информационного общества;
- современные проблемы развития науки и образования.

Порядок проведения конференции

26 октября все участники приглашаются на открытие Международного научно-культурного Форума «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2017» в **Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета**. **Открытие Форума состоится в 11:00**. В этот же день можно посетить коллоквиумы, научные конференции, семинары и круглые столы (в соответствии с Рабочей программой Форума).

27 октября в 10:00 в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения состоится открытие Пятой

международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества». Конференция проходит в здании экономического и юридического факультетов по адресу: Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 14, 3-й этаж, актовый зал. С **14:00 по 18:00** будут работать секции.

28 октября в 11.00 в здании на ул. Ленсовета, д. 14 состоится круглый стол для свободного обмена мнениями по вопросам, обсуждавшимся на конференции.

Участие в нашей конференции бесплатное. Для участия в других мероприятиях Международного научно-культурного Форума в 2017 г. оргкомитет установил организационный взнос участника – 1000 руб. Все оплатившие оргвзнос получают при регистрации в Институте философии СПбГУ портфель участника. Оргвзнос необходимо оплатить после регистрации и подтверждения участия в Форуме, но не позднее 1 октября 2017 г. О способах оплаты оргкомитет Форума сообщит в ближайшее время.

Программа пленарного заседания

На пленарное заседание Пятой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества» (ул. Ленсовета, д. 14, актовый зал) выносятся следующие доклады:

1. **Левко Анатолий Игнатьевич**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси. **«Образование в современном информационном обществе как выражение социально-культурного и экономического развития».**

2. **Смирнова Тамара Михайловна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. **«Молодежь и история: студент рефлексировает».**

3. **Комаров Виктор Дмитриевич**, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии. **«О действии основного закона общественного развития в информационном обществе».**

4. **Орлов Сергей Владимирович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. **«Информационное общество и философская онтология».**

5. **Коробкова Светлана Николаевна**, доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. **«Уроки философского реализма».**

Заседания секций

Планируется работа следующих секций (список секций может быть изменен и дополнен в соответствии с предложениями участников конференции):

1. Концепция информационного общества и материалистическая философия (руководитель – д. филос. н., проф. Орлов С. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

2. Власть и общество: уроки и перспективы. Конференция, посвященная юбилею профессора Тамары Михайловны Смирновой (руководитель – д. ист. н., проф. Смирнова Т. М., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

3. Культура и искусство эпохи информационного общества (руководитель – к. культурологии, доц. Выжлецова Н. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

4. Русская философия и русская наука: размышления о действительности (руководители – к. филос. н., доц. Коробкова С. Н., к. филос. н. Коломийцев С. Ю., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

5. Современное образование: философия, психология, педагогика (руководитель – директор учебно-лингвистического центра Университета ИТМО, к. пед. н., доц. Дмитренко Н. А.).

Форма заявки в оргкомитет научно-практической конференции

- 1) Фамилия, имя, отчество.
- 2) Учёная степень и учёное звание.
- 3) Место работы и должность.
- 4) Тема доклада (сообщения).
- 5) Почтовый адрес и контактные телефоны.
- 6) Электронный адрес.
- 7) Требуется ли место в общежитии на время конференции.

Заявки на участие в конференции и тезисы выступлений объемом до 8 страниц (вместо тезисов могут быть сразу представлены статьи для журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» объемом до 2 п. л.) просим высылать **до 1 октября 2017 г. электронной почтой:**

E-mail: orlov5508@rambler.ru Орлову Сергею Владимировичу, или kolomiitsev@yandex.ru Коломийцеву Сергею Юрьевичу.

Публикации и справочная информация

Статьи, подготовленные на основе материалов конференции, могут быть размещены до или после её проведения в сетевом журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», главным редактором которого является заместитель председателя оргкомитета конференции.

Программа и приглашение на конференцию будут высланы электронной почтой **до 10 октября 2017 г.** Для иногородних участников дата заезда – **25 октября 2017 г.** Всем иногородним участникам могут быть предоставлены гостевые места в студенческих общежитиях ГУАП. Желающих разместиться в общежитии просим сообщить об этом оргкомитету конференции по электронной почте (указанные выше адреса) **не позже 5 октября 2017 г.**

Контактный телефон: +7-921-390-31-82, Орлов Сергей Владимирович.
E-mail: orlov5508@rambler.ru

С уважением,
председатель оргкомитета, проректор ГУАП по международной деятельности, декан гуманитарного факультета, доктор экономических наук, доцент Лосев Константин Викторович,
заместитель председателя оргкомитета, профессор кафедры истории и философии ГУАП, доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович,
заместитель председателя оргкомитета, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор Комаров Виктор Дмитриевич,
учёный секретарь оргкомитета, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ГУАП Коломийцев Сергей Юрьевич.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной

строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2017.